

МӘҢГІЛІК ЕЛ

KM

E PLURIBUS UNUM

MNU

ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ ПРАВО и ГОСУДАРСТВО LAW and STATE

№ 2 (107), 2025

WWW.KM.MNU.KZ

ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ ПРАВО и ГОСУДАРСТВО LAW and STATE

№ 2 (107), 2025

В НОМЕРЕ:

- Основные исторические этапы развития административной юстиции в Казахстане;
- Минимализм и его ограничения: критический анализ онтологии юридической обязанности Лоренца Кэлера;
- Акты Международного финансового центра «Астана» и система законодательства Республики Казахстан;
- О минималистском понимании юридической обязанности;
- АҚШ пен Қазақстандағы төрелік процесті дамыту: теориясы мен әдістері;
- Устойчивость правового эффекта одностороннего волеизъявления «Mortis Causa» под условием;
- Правовое обеспечение защиты работников от стресса на рабочем месте: сравнительно-правовое исследование;
- Actual employment problems of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan: comparative legal analysis with foreign countries;
- Legal aspects of combating gambling addiction: international approaches to establishing liability и др.

Maqsut Narikbayev University. «ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТ» ҒЫЛЫМИ-АҚПАРАТТЫҚ ЖУРНАЛЫ, 1997 ж. БЕРІ ШЫҒАРЫЛАДЫ, ШЫҒУ ЖИІЛІГІ – ЖЫЛЫНА 4 САН.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕСІ:

1. Кавдыров Т.Е. (төраға) – з.ғ.д., Жеке құқық кафедрасының оқытушысы Maqsut Narikbayev University (Астана қ.);
2. Ахпанов А.Н. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университетінің қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының профессоры (Астана қ.);
3. Борчашвили И.Ш. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Кешірім жасау мәселелері жөніндегі комиссияның мүшесі (Астана қ.);
4. Дәуленов М.М. – PhD, Coventry University Kazakhstan Президенті (Астана қ.);
5. Дулатбеков Н.О. – з.ғ.д., профессор, Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университетінің ректоры, Қазақстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының корреспондент-мүшесі (Қарағанды қ.);
6. Зиемблицкий, Бартош – PhD, Вроцлав экономикалық университеті (Вроцлав қ., Польша);
7. Козловски, Артур – доктор хабиль, профессор, Вроцлав университеті (Вроцлав қ., Польша);
8. Кэлер Л. – заң ғылымдарының докторы, Бремен Университетінің заң факультетінің профессоры (Бремен қ., Германия);
9. Лундмарк Т. – заң ғылымдарының докторы, Халл Университетінің Жоғары құқық мектебінің профессоры (Ұлыбритания);
10. Мелкевик, Бьярн – з.ғ.д., құқық профессоры (telupe), Лаваль Университеті профессоры (Квебек қ., Канада);
11. Мороз С.П. – з.ғ.д., профессор, Каспий Университеті «Фидлет» Жоғары құқық мектебінің деканы (Алматы қ.);
12. Нурмағамбетов А.М. – з.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті конституциялық және азаматтық құқық кафедрасының профессоры (Астана қ.);
13. Оглезнев В.В. – ф.ғ.д., Бремен Университетінің заң факультетінің шақырылған профессоры (Бремен қ., Германия);
14. Рогов И.И. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Адам құқықтары жөніндегі комиссияның төрағасы, Қазақстан Республикасының Құқық арқылы демократия үшін Еуропалық Комиссияның (Венеция Комиссиясы) мүшесі, Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің экс-Төрағасы (Астана қ.);
15. Сәрсембаев М.А. – з.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының профессоры (Астана қ.);
16. Саидов А.Х. – з.ғ.д., профессор, Өзбекстан Республикасы Адам құқықтары жөніндегі ұлттық орталықтың директоры, Өзбекстан Олий Мажлисі Заң шығару палатасының (Парламентінің) Департаментінің институттар, мемлекеттік емес ұйымдар және азаматтардың өзін-өзі басқару органдары комитетінің төрағасы, Өзбекстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының академигі (Ташкент қ., Өзбекстан);
17. Стоялов Я.Б. – Болгарияның Конституциялық Сотының судьясы, құқық докторы, Әулие Климент Охридский ат. София университетінің профессоры (София қ., Болгария);
18. Спаак Т. – заң ғылымдарының докторы, Стокгольм Университетінің заң факультетінің профессоры (Стокгольм, Швеция);
19. Ударцев С.Ф. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы (Астана қ.);
20. Химма К. – заң ғылымдарының докторы, Вашингтон университетінің Жоғары заң мектебінің профессоры (Сиэтл, АҚШ).

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА МҮШЕЛЕРІ:

1. Диджин А.Б. (бас редактор) – фил.ғ.д., з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Associate professor (Астана қ.);
2. Абдрасулова Г.Э. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
3. Аубакирова И.У. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.);
4. Ахмади М.А. – PhD, Maqsut Narikbayev University ғылыми қызмет және зерттеулер жөніндегі Вице-Провосты, Assistant professor (Астана қ.);
5. Бектибаева О.С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Құқық жоғары мектебінің директоры (деканы) (Астана қ.);
6. Биебаева А.Ә. – з.ғ.к., доцент, ҚР Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының директоры (Астана қ.);
7. Возняк О.А. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
8. Ешниязов Н.С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Халықаралық құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.);
9. Есенкулова Б.Б. – Орталық Азиядағы Америка университетінің PhD, Associate professor (Бішкек қ., Қырғызстан Республикасы);
10. Жұмағұлов М.И. – з.ғ.д., ҚР Президенті жанындағы Қазақстандық стратегиялық зерттеулер институты директорының орынбасары;
11. Жүсіпов А.Д. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
12. Идрышева С.К. – Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
13. Калишева Ж.Г. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Professor Emeritus, Заңгерлерді бағалау және сертификаттау бюросының басшысы (Астана қ.);
14. Қим К.В. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
15. Қоғамов М.Ш. – з.ғ.д., профессор, Maqsut Narikbayev University қылмыстық сот төрелігі және ғылыми сараптама саласындағы ғылыми жобалардың жетекшісі (Астана қ.);
16. Қорабаев И. – Maqsut Narikbayev University Халықаралық экономика мектебінің PhD, Associate professor (Астана қ.);
17. Малиновский В.А. – з.ғ.д., «Нархоз Университеті» КАҚ профессоры (Алматы қ.);
18. Мельник Р.С. – з.ғ.д., Associate professor, Maqsut narikbayev University әкімшілік және неміс құқығы ғылыми мектебінің директоры (Астана қ.);
19. Нәрікбаев Т.М. – Maqsut Narikbayev University Басқарма Төрағасы (Астана қ.);
20. Нуртаев Р.Т. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
21. Оразбаева Ә.А. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
22. Пен С.Г. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Провосты (Ректоры) (Астана қ.);
23. Подопригора Р.А. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы (Астана қ.);
24. Саяпин С.В. – құқық докторы, КИМЭП Университетінің Құқық мектебі қауымдастырылған деканы, қауымдастырылған профессор (Алматы қ.);
25. Сейтенов Қ.Қ. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының бірінші проректоры (Астана қ.);
26. Темірбеков Ж.Р. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
27. Тлепина Ш.В. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі (Астана қ.);
28. Хасенов М.Х. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

1. Каудыров Т.Е. (председатель) – д.ю.н., Преподаватель профессор Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
2. Ахпанов А.Н. – д.ю.н., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
3. Борчашвили И.Ш. – д.ю.н., профессор, член Комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Казахстан (г. Астана);
4. Дауленов М.М. – PhD, Президент Coventry University Kazakhstan (г. Астана);
5. Дулатбеков Н.О. – д.ю.н., профессор, Ректор Карагандинского университета им. Е.А. Букетова, член-корреспондент Национальной Академии Наук Республики Казахстан (г. Караганда);
6. Зиемблицкий, Бартош – PhD, Экономический университет во Вроцлаве (г. Вроцлав, Польша);
7. Козловски, Артур – доктор хабиль, профессор, Вроцлавский Университет (г. Вроцлав, Польша);
8. Кэлер Л. – доктор права, профессор юридического факультета Университета Бремена (г. Бремен, Германия);
9. Лундмарк Т. – доктор права, профессор Высшей школы права Университета Халла (Великобритания);
10. Мелкевик, Бьярн – д.ю.н., профессор (tenure) права, профессор Университета Лавала (г. Квебек, Канада);
11. Мороз С.П. – д.ю.н., профессор, декан Высшей школы права «Адilet» Каспийского Университета (г. Алматы);
12. Нурмагамбетов А.М. – д.ю.н., профессор кафедры конституционного и гражданского права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
13. Оглезнев В.В. – д.ф.н., приглашенный профессор юридического факультета Университета Бремена (г. Бремен, Германия);
14. Рогов И.И. – д.ю.н., профессор, Председатель Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) от Республики Казахстан, экс-Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан (г. Астана);
15. Сарсембаев М.А. – д.ю.н., профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
16. Саидов А.Х. – д.ю.н., профессор, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, председатель Комитета по демократическим институтам, негосударственным организациям и органам самоуправления граждан Законодательной палаты Олий Махлиса (Парламента) Узбекистана, академик Национальной Академии Наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан);
17. Стойлов Я.Б. – судья Конституционного Суда Болгарии, доктор права, профессор Софийского университета им. Святого Климента Охридского (г. София, Болгария);
18. Спаак Т. – доктор права, профессор юридического факультета Университета Стокгольма (г. Стокгольм, Швеция);
19. Уадрице С.Ф. – д.ю.н., профессор, судья Конституционного Суда Республики Казахстан (г. Астана);
20. Химма К. – доктор права, профессор Высшей школы права Вашингтонского университета (г. Сизлт, США).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

1. Диджикн А.Б. (главный редактор) – д.фил.н., к.ю.н., Associate professor Департамента публичного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
2. Абдрасулова Г.Э. – к.ю.н., Teaching professor Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
3. Аубакирова И.У. – д.ю.н., Assistant professor Департамента публичного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
4. Ахмади М.А. – PhD, Assistant professor, Вице-Провост по научной деятельности и исследованиям Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
5. Бектибаева О.С. – PhD, директор (декан) Высшей школы права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
6. Биебаева А.А. – к.ю.н., доцент, директор Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде РК (г. Астана);
7. Возняк О.А. – к.ю.н., Teaching professor Департамента уголовного правосудия Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
8. Ерниязов Н.С. – PhD, Assistant professor Департамента международного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
9. Есенкулова Б.Б. – PhD, Associate professor Американского университета Центральной Азии (г. Бишкек, Республика Кыргызстан);
10. Жумагулов М.И. – д.ю.н., профессор, Заместитель Директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК (г. Астана);
11. Жусупов А.Д. – д.ю.н., Teaching professor Департамента публичного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
12. Идрышева С.К. – д.ю.н., Professor Emeritus Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
13. Калишева Ж.Г. – к.ю.н., Professor Emeritus Департамента публичного права, руководитель Бюро по оценке и сертификации юристов Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
14. Ким К.В. – к.ю.н., Professor Emeritus Департамента Уголовного правосудия Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
15. Когамов М.Ч. – д.ю.н., профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам уголовного правосудия и научной экспертизы Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
16. Корабоев И. – PhD, Associate professor Международной школы экономики Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
17. Малиновский В.А. – д.ю.н., профессор НАО «Университет Нархоз» (г. Алматы);
18. Мельник Р.С. – д.ю.н., Associate professor, директор Научной школы административного и немецкого права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
19. Нарикбаев Т.М. – к.ю.н., Председатель Правления Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
20. Нуртаев Р.Т. – д.ю.н., Professor Emeritus Департамента уголовного правосудия Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
21. Оразбаева А.А. – к.ю.н., Teaching professor Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
22. Пен С.Г. – к.ю.н., Провост (Ректор) Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
23. Подопригора Р.А. – д.ю.н., профессор, судья Конституционного Суда Республики Казахстан (г. Астана);
24. Саяпин С.В. – доктор права, ассоциированный профессор, ассоциированный декан Школы права Университета КИМЭП (г. Алматы);
25. Сейтенов К.К. – д.ю.н., профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (г. Астана);
26. Темирбеков Ж.Р. – PhD, Teaching professor Департамента публичного права Высшей школы права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
27. Тлепина Ш.В. – д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
28. Хасенов М.Х. – PhD, Assistant professor Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана).

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

1. Kaudyrov T.Ye. (chairman) – Doctor of Juridical Science, Teaching professor of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
2. Akhpanov A.N. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Criminal Law disciplines at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
3. Borshashvili I.Sh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Member of the Commission on Pardons under the President of the Republic of Kazakhstan (Astana);
4. Daulenov M.M. – Ph.D., President, Chairman of the Board of NJSC «Narxoz University» (Almaty);
5. Dulatbekov N.O. – Doctor of Juridical Science, Professor, Rector of Academician E.A. Buketov Karaganda University, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Karaganda);
6. Ziemblecki, Bartosz – Ph.D., Wrocław University of Economics and Business (Wrocław, Poland);
7. Kozłowski, Artur – Dr. Hab., Professor, University of Wrocław (Wrocław, Poland);
8. Kähler L. – Doctor of Law, Professor, Department of Law, University of Bremen (Germany, c. Bremen);
9. Lundmark T. – Doctor of Law, University of Hull, Law School, Professor (Great Britain);
11. Melkevik, Bjarne – Doctor in Law, Professor (tenure) of Laval University (Quebec, Canada);
12. Moroz S.P. – Doctor of Juridical Science, Professor, Dean of the “Adilet” Higher School of Law at Caspian University (Almaty);
13. Nurmagambetov A.M. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
14. Ogleznev V. - Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Department of Law, University of Bremen (Germany, c. Bremen);*
16. Rogov I.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, Chairman of the Human Rights Commission under the President of the Republic of Kazakhstan, member of the European Commission for Democracy through Law (the Venice Commission) of the Council of Europe representing Kazakhstan, former Chairman of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan (Astana);
17. Sarsembayev M.A. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
18. Saidov A.Kh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Chairman of the Committee for democracy institutes, non-governmental bodies and civil self-government bodies of Legislative Chamber of Uzbekistan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);
19. Stoilov, Yanaki – judge of the Constitutional Court of Bulgaria, Doctor of Law, Professor of St. Kliment Ohridski Sofia University (Sofia, Bulgaria);
20. Spaak T. - Doctor of Law, Professor, Department of Law, University of Stockholm (Sweden, c. Stockholm);
21. Udartsev S.F. – Doctor of Juridical Science, Professor, judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
22. Himma K. - Doctor of Law, Professor, Law School, University of Washington (USA, c. Seattle).

EDITORIAL BOARD:

1. Didikin A.B. (Chief Editor) – Doctor of Philosophy Science, Candidate of Legal Sciences, Associate professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
2. Abdrasulova G.E. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
3. Aubakirova I.U. – Doctor of Juridical Science, Assistant professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
4. Akhmedi A.M. – Ph.D, Assistant professor, Vice-Provost for Research of Maqсут Narikbayev University (Astana);
5. Bektibayeva O.S. – Ph.D, Head (Dean) of KAZGUU Law School of Maqсут Narikbayev University (Astana);
6. Biyebayeva A.A. – Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Director of the Research and Educational Center of Criminal Law Disciplines of Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
7. Voznyak O.A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
8. Yeshniyazov N.S. – Ph.D, Assistant professor of the Department of International Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
9. Esenkulova B. – Ph.D in Law, Associate Professor, American University of Central Asia (Kyrgyzstan Republic, c. Bishkek);
10. Zhumagulov M.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, Deputy Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Astana);
11. Zhushupov A.D. – Doctor of Juridical Science, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
12. Idrysheva S.K. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
13. Kalisheva Zh.G. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Public Law, Head of the Legal Assessment and Certificate Bureau at Maqсут Narikbayev University (Astana);
14. Kim K.V. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
15. Kogamov M.Ch. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the research projects in the field of criminal justice and scientific expertise of Maqсут Narikbayev University (Astana);
16. Koraboyev I. – Ph.D, Associate Professor, International School of Economics, Maqсут Narikbayev University (c. Astana);
17. Malinovsky V.A. – Doctor of Juridical Science, Professor of NJSC «Narxoz University» (Almaty);
18. Melnyk R.S. – Doctor of Juridical Science, Director of the Scientific School of Administrative and German Law Maqсут Narikbayev University (Astana);
19. Narikbayev T.M. – Chairman of the Board of M. Narikbayev KAZGUU University (Astana);
20. Nurtayev R.T. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
21. Orazbayeva A.A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
22. Pen S.G. – Candidate of Legal Sciences, Provost (Rector) of Maqсут Narikbayev University (Astana);
23. Podoprigora R.A. – Doctor of Juridical Science, Professor, judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
24. Sayapin S.V. – Driur., Associate Professor, Associate Dean School of Law at KIMEP University (Almaty);
25. Seitenov K.K. – Doctor of Juridical Science, first Vice Rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Astana);
26. Temirbekov Zh.R. – Ph.D, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
27. Tlepina Sh.V. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
28. Khassenov M.Kh. – Ph.D, Assistant professor of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana).

СОДЕРЖАНИЕ

Құқық және мемлекет
Право и государство
Law and State
№ 2 (107), 2025

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Мельник Р.С. (Республика Казахстан, г. Астана) Основные исторические этапы развития административной юстиции в Казахстане 6

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Оглезнев В.В. (Россия, г. Санкт-Петербург) Минимализм и его ограничения: критический анализ онтологии юридической обязанности Лоренца Кэлера 29

Идрышева С.К. (Республика Казахстан, г. Астана) Акты Международного финансового центра «Астана» и система законодательства Республики Казахстан 35

ПЕРЕВОДЫ ТРУДОВ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ

Кэлер Л. (ФРГ, г. Бремен) О минималистском понимании юридической обязанности 44

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Қалышева Н.Х., Сапарбекова Ж. С. (Алматы қ., Қазақстан Республикасы) АҚШ пен Қазақстандағы төрелік процесі дамыту: теориясы мен әдістері 60

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Бабаджанян Э.Л. (Республика Казахстан, г. Астана) Устойчивость правового эффекта одностороннего волеизъявления «Mortis Causa» под условием 68

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Хасенов М.Х., Канаткызы М. (Республика Казахстан, г. Астана) Правовое обеспечение защиты работников от стресса на рабочем месте: сравнительно-правовое исследование 75

Шнайдер М.В. (ФРГ, г. Шмалькальден), Есиркепова М.М., Саттар Ж.Г. (Республика Казахстан, г. Алматы) Actual employment problems of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan: comparative legal analysis with foreign countries 89

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Muratova A. Zh., Saktaganova I. S. (Astana c., Republic of Kazakhstan) Legal aspects of combating gambling addiction: international approaches to establishing liability 99

Ещанов А.Ш., Сатыбалдиева А.Е. (Республика Казахстан, г. Косшы) Уголовно-правовые и криминологические аспекты игорного бизнеса среди несовершеннолетних в Грузии: уроки для Казахстана 109

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Смагулова Т.С., Порохов Е.В. (Республика Казахстан, г. Алматы), Нукушева А.А. (Республика Казахстан, г. Караганда) Плата за негативное воздействие на окружающую среду, штрафы и возмещение убытков в сфере обращения с твердыми бытовыми отходами: правовая природа и специфика соотношения 117

МАЗМҰНЫ/CONTENTS 130

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ 131

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 132

INFORMATION FOR AUTHORS 133

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА В КАЗАХСТАНЕ

Р.С. МЕЛЬНИК, д.ю.н., профессор, Professor Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана), e-mail: r_melnik@kazguu.kz

Статья посвящена анализу отдельных исторических этапов, в рамках которых происходило формирование института административного процесса (административной юстиции) в Казахстане. Данная тематика характеризуется значительным уровнем научной актуальности, поскольку она еще не стала предметом обширных научных исследований.

Цель статьи – проанализировать не только соответствующие программные и нормативные акты, посвященные институту административного процесса, но и посмотреть на особенности доктринального «сопровождения» развития данного института, которые имели место в рамках соответствующих исторических периодов.

По результатам исследования выделены основные исторические этапы, в рамках которых происходило формирование института административного процесса (административной юстиции) в Казахстане: дореволюционный и ранний послереволюционный периоды; административный процесс в 20-30-х гг. XX ст.; административный процесс в период хрущевской «оттепели» (1953-1964 гг.); административный процесс в последние десятилетия советского периода; административный процесс в независимом Казахстане.

В статье сделан ряд выводов, отображающих особенности формирования административного процесса в рамках отдельных из названных периодов. Так, по мнению автора, в советский период вопросы судебного контроля за неправомерными действиями государственных органов и их должностных лиц не получили необходимого нормативного регулирования. Эта тенденция была свойственна для всех советских республик. Принятые нормативные акты носили преимущественно рамочный характер и выступали скорее юридическим ориентиром для будущих решений, нежели реально работающим юридическим механизмом.

Значительное место в статье уделено изучению особенностей формирования административного процесса начиная с 90-х гг. прошлого столетия. По мнению автора это происходило в рамках нескольких (условных) исторических этапов: 1) 1991-1999 гг.; 2) 1999-2009 гг.; 3) 2009-2014 гг.; 4) 2015-2020 гг.

В статье изучаются все релевантные нормативные акты, а также программные документы, на основе которых происходила постепенная кристаллизация института административного процесса. Отдельное внимание уделено анализу научных работ тех авторов, которые разрабатывали данную проблематику. Выделяются политико-юридические и иные факторы, которые на том или ином историческом этапе оказывали влияние на скорость формирования института административного процесса.

Автор приходит к выводу, что история становления и развития административного процесса (административной юстиции) в Казахстане была длительной и часто противоречивой. Автор полагает, что именно юридическая наука должна предложить законодателю конкретные решения, которые помогут «усилить» существующую редакцию АППК и наполнить его теми институтами и нормами, которые по различным причинам не вошли в его содержание.

Ключевые слова: административный процесс, административная юстиция, административные суды, дела, вытекающие из административно-правовых отношений, советская юридическая наука, советское государство, административный иск, судебная реформа.

Введение

Только в исторической перспективе определяется истинное значение и действительный размер явлений и фактов общественной жизни. Эта цитата, принадлежащая авторству В.М. Гессена (1901 г.) [17, с. 293], не утратила своей актуальности и сегодня. Поэтому если мы хотим в полной мере понять не только настоящее, но и будущее института административного процесса, необходимым представляется проведение исторического анализа его становления и развития. Под **административным процессом** в рамках данной статьи мы понимаем деятельность административных судов, связанную с рассмотрением и разрешением в специальной процессуальной форме административных дел, вытекающих из публичных правовых отношений.

Обсуждение

Проблематика исторического развития административного процесса в Казахстане может быть знакома читателю по работам Р.А. Подоприторы [70], Э.Б. Аблаевой [2], З.Х. Баймолдиной [10]. Однако названные авторы в своих произведениях рассматривали данный аспект преимущественно в рамках более широкой проблематики, что не позволило им детально углубиться в этот вопрос. В связи с этим, представляется необходимым провести более основательное историко-правовое исследование вопросов становления и развития административного процесса в Казахстане.

Материалы и методы

Статья основана на положениях юридической доктрины и нормативных правовых актов, изданных в Казахстане в различные исторические периоды. В процессе обработки данного материала использовался широкий набор методов научного анализа (исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический, диалектический и др.).

Основное содержание

Дореволюционный и ранний послереволюционный периоды

У административного процесса всех постсоветских стран много общего, поскольку основы этого института были заложены в советский период. Не стал исключением и Казахстан, законодательство которого развивалось на основе нормативных правовых актов СССР [14, с. 98, 109; 69, с. 50]. Это же можно сказать и о юридической доктрине, которая, при наличии определенной национальной автономности, преимущественно формировалась под влиянием ученых, работающих в центральных университетах и научных центрах Советского Союза [19, с. 7, 8].

Отношение к административному процессу в СССР в рамках отдельных исторических периодов было различным. Так, на протяжении первого десятилетия становления советского государства публиковались работы, авторы которых писали о перспективах создания в СССР административных судов [30; 28; 35]. В отдельных советских республиках были подготовлены даже проекты декретов об административной юстиции [34, с. 413].

Такую тенденцию можно объяснить по меньшей мере двумя причинами. Во-первых, рассуждения о судебной защите прав граждан, по утверждению Д.М. Чечота, не противоречили основным принципам, на которых изначально строилась советская юстиция [78, с. 60], а значит, в целом, были допустимыми. Во-вторых, первые советские ученые-административисты, а с ними и многие сотрудники государственного аппарата, были выпускниками российских (имперских) университетов, в которых в начале XX в. активно изучались вопросы административного процесса [4; 46, с. 642-649; 11; 27, с. 260-272].

Дореволюционная юридическая наука того периода пребывала под влиянием прежде всего немецких и французских исследований [9, с. 24], в рамках которых названный институт получил глубокую разработку, поскольку на территории Западной и Северной Европы, в частности в Англии, Франции, немецких государствах (Пруссия, Бавария, Вюртемберг, Саксония, Баден и др.),

административные суды начали свою работу в XIX в. [7, с. 384]. Попытка создания административных судов (на основе ранее разработанных доктринальных положений) предпринималась и в России в период Временного правительства. Было подготовлено положение об административных судах, которое, однако, не удалось воплотить в жизнь [31, с. 48]. Поэтому дореволюционные (российские) ученые, которые продолжили свою работу в советских университетах и государственных органах, оставались на своих (ранее выработанных) научных позициях, пытаясь «приспособить» их к реалиям советской государственности.

Так, например, М.Д. Загряжков в середине 20-х гг. писал, что в стране потребность в административной юстиции ощущается и по сей день, а особенно в области финансового управления [31, с. 53]. Соглашался с ним и В.А. Кобалевский, отмечая, что среди разнообразных способов обеспечения законности действий органов власти одним из наиболее надежных представляется судебная проверка правомерности административных актов или, что тоже самое, административная юстиция [35, с. 241].

Административный процесс (административная юстиция) в 20-30-х гг. XX вв.

Постепенно ситуация с изучением административного процесса (административной юстиции) в СССР начала меняться. Это связывалось с началом официального «гонения» на административное право, которое исключили из учебных программ всех советских юридических факультетов в период с 1928 по 1937 гг. Соответственно были свернуты также и все научные исследования в данной сфере. Современники тех событий, оправдывая изгнание административного права из юриспруденции, писали: «попытки построить систему советского административного права следует признать ошибочными, стоящими в противоречии с самой сущностью советского строя» [68, с. 155].

Отдельно высказывались представители советской власти также и об административном процессе (административной юстиции). Показательными в этой части выглядят слова народного комиссара юстиции РСФСР Д.И. Курского, который писал, что в пролетарском государстве с внедрением полной национализации средств производства и национализации внешней и внутренней торговли не было места для конфликта интересов частных предпринимателей и государства, а также для судебных споров между ними [75, с. 82].

Подобное отношение к административному праву и административному процессу усиленное массовыми репрессиями и полным игнорированием прав и свобод человека привело к тому, что во всем советском государстве (включая союзные республики) институт административной юстиции полностью утратил свое потенциальное значение и хоть какую-либо возможность существования. В связи с этим Н.П. Карадже-Искров в 1927 г. писал, что «в западных капиталистических государствах положение личности характеризуется началами равенства, свободы и подчеркивания субъективных публичных прав граждан. В то время как наше (советское) государство не склонно выдвигать на первый план личность. Наоборот, оно рассматривает отдельных лиц лишь как средство для достижения своих целей. У нас личность не является чем-то самоценным. Она есть лишь винтик огромной машины. Поэтому и обеспечение ее прав стоит на втором плане» [33, с. 23]. В развитие этой мысли в 1929 г. В.А. Кобалевский отмечал, что, «в конце концов (после отдельных попыток), мысль о создании административных судов в советском государстве была оставлена, так как охрана революционной законности преследует по советскому праву в первую очередь обеспечение революционного правопорядка, отодвигая на второй план элемент личностного правопритязания, столь присущий административному иску» [34, с. 414].

Результатом подобной политики советского государства в отношении своих граждан стало постепенное формирование нового советского административного права, старт которому был дан на Первом совещании по вопросам науки советского права и государства, проходившем в июле 1938 г. Выступивший на данном заседании генеральный прокурор СССР А.Я. Вышинский осудил «левых» юристов, изгнавших административное право из правоведения, и отвел ему в системе советского права одно из важнейших мест «в силу того исключительного значения, которое принадлежит вопросам администрации (управления) в деле социалистического строительства». Таким образом, он реабилитировал административное право, но при условии, что оно должно было развиваться на основе истинного марксистско-ленинского учения, не совпадающего со взглядами «старых» административистов, таких как А.Ф. Евтихийев, В.А. Кобалевский, К. Архипов [68, с. 159].

Формирование основ административного процесса в период хрущевской «оттепели» (1953-1964 гг.)

За работу по созданию «истинно советского» административного права взялась плеяда авторов новой формации – С.М. Берцинский, С.С. Студеникин, Г.И. Петров, Н.И. Ананов, В.А. Власов. Обобщение результатов их научного творчества показывает, что под административным правом они понимали систему норм, определяющих организацию, полномочия и функционирование органов государственного управления, а также формы и методы осуществления ими задач государства. В этой концепции места для защиты прав и свобод частных лиц, нарушенных органами власти, не нашлось. Что же касается категории «**административный процесс**», то в их работах, а также в трудах более поздних исследователей этот термин использовался исключительно для обозначения правоприменительной деятельности органов государственного управления. Иными словами, судебная концепция административного процесса была заменена на управленческую [6; 42, с. 67-68].

Однако, несмотря на подобное положение дел в науке, советское законодательство тем не менее начало наполняться нормами, которые возможно рассматривать в качестве прототипа современного института административной юстиции. Эти изменения на нормативном уровне стали возможными в период, так называемой, хрущевской «оттепели» (1953-1964 гг.), который характеризовался частичной либерализацией режима, ослаблением тоталитарной власти, появлением некоторой свободы слова, относительной демократизацией политической и общественной жизни, открытостью миру, большей свободой научной и творческой деятельности [77, с. 140].

Первым шагом в этом направлении стал всесоюзный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» [48], а также Указ Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 27 февраля 1962 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» [49]. Согласно данным нормативным правовым актам гражданам было предоставлено право обжаловать в суд постановления о наложении на них административного штрафа.

В этот же период в Казахской ССР началась разработка проекта Гражданского процессуального кодекса, что стало возможным в связи с принятием 11 февраля 1957 г. Верховным Советом СССР закона об отнесении к ведению союзных республик вопросов судостроительства, гражданского и уголовного судопроизводства [14, с. 98].

Начатые в конце 50-х гг. XX вв. законопроектные работы закончились вступлением в силу в 1963 г. Гражданского процессуального кодекса Казахской ССР, в ст. 1 которого было закреплено, что законодательство о гражданском судопроизводстве устанавливает порядок рассмотрения дел по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и колхозных правоотношений, дел, возникающих из **административно-правовых отношений** (выделено мной – Р.М.), и дел особого производства.

Характеризуя данную категорию дел, авторы писали, что в отличие от искового производства в данном случае предметом разбирательства является спор, возникающий из административно-правовых отношений. Своеобразие предмета спора, характера правоотношения, которое строится между его субъектами на началах власти и подчинения, отмечалось в литературе, предопределяют и ряд особенностей в процессуальном порядке рассмотрения и разрешения дел, возникающих из административно-правовых отношений (подаётся жалоба, а не иск; необходимость досудебного обжалования; сокращенные сроки рассмотрения дела и т.д.) [1, с. 109-119].

К делам, возникающим из административно-правовых отношений, согласно ст. 288 ГПК, были отнесены споры:

- 1) по жалобам на неправильности в списках избирателей;
- 2) по жалобам на действия органов и должностных лиц в связи с наложением административных взысканий;
- 3) дела по жалобам на неправомерные действия органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющие права граждан, отнесенные законом к компетенции судов;
- 4) о взыскании с граждан недоимки по налогам, самообложению сельского населения и государственному обязательному страхованию [20].

Как вытекает из процитированных норм, законодатель начал оперировать термином «дела, вытекающие из административно-правовых отношений», что стало свидетельством необходимости и готовности к выделению из массива гражданского процесса отдельной группы административно-правовых споров, которые сегодня составляют сердцевину административного процесса.

Однако, положения ГПК Казахской ССР 1963 г. в части названных споров носили преимущественно постановочный (рамочный) характер и не могли быть применены (прежде всего в части дел по жалобам на неправомерные действия органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющие права граждан) без специального законодательства, которое должно было санкционировать возможность граждан обжаловать в судебном порядке соответствующие действия. По общему же правилу в стране действовал досудебный порядок обжалования, который и применялся вместо судебного.

Развитие законодательных основ административного процесса в последние десятилетия советского периода

В качестве следующего этапа становления института административного процесса в Казахстане можно рассматривать принятие в 1978 г. Конституции Казахской ССР, ст. 56 которой гарантировала гражданам Казахской ССР право обжаловать действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан, в суд. Граждане Казахской ССР имели право на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей. Порядок такого обжалования должен был определяться законом [38].

Как видим, Конституция Казахской ССР фактически повторила положения ГПК Казахской ССР, где также была сделана отсылка к специальному закону, который должен был определить виды решений (действий), которые могли быть проверены на предмет их законности в судебном порядке.

Некоторую нормативную конкретизацию в 1984 г. получил порядок судебного рассмотрения жалоб на действия органов и должностных лиц в связи с наложением административных взысканий. Этому способствовало принятие Кодекса Казахской ССР об административных правонарушениях, глава 22 которого закрепила процедуру судебного обжалования административных взысканий, налагаемых в административном порядке [37]. Таким образом, первоначально введенный гражданско-процессуальный порядок рассмотрения жалоб на действия органов и должностных лиц в связи с наложением административных взысканий, был заменен административно-правовым (на основе норм КоАП). Таковым он остается и по сегодняшний день.

Возвращаясь к Конституции Казахской ССР 1978 г., отметим, что на территории Казахстана процитированная выше ст. 56 так и не получила необходимой для ее реального воплощения в жизнь законодательной основы. Соответствующее регулирование было разработано лишь на общесоюзном уровне. Речь идет о Законе СССР от 30 июня 1987 г. «О порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан» [54]. Согласно данному закону, в судебном порядке могли быть обжалованы действия, единолично осуществляемые должностными лицами от своего имени или от имени представляемого органа. Жалоба в суд была допустимой после прохождения досудебного (административного) обжалования. Для подачи жалобы устанавливался месячный срок, исчисляемый со дня, когда гражданин получил отказ в удовлетворении его жалобы вышестоящим в порядке подчиненности должностным лицом либо органом или со дня истечения установленного законом срока для рассмотрения жалобы.

Данный закон был отменен Законом СССР от 2 ноября 1989 г. «О порядке обжалования в суд действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан» [53]. Закон 1989 г., в отличие от закона 1987 г., устанавливал возможность оспаривания в суде не только действий должностных лиц, но и действий государственных органов. Однако в судебном порядке могли быть обжалованы исключительно индивидуальные акты. Судебный контроль не распространялся на нормативные правовые акты, а также на действия представительных органов государственной власти, в том числе местных Советов народных депутатов. Предусматривалось обязательное досудебное (административное) обжалование [76, с. 24]. Жалоба рассматривалась в течение 10 дней в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, лишь в 1989 г. завершилось формирование нормативного регулирования судебного контроля за отдельными действиями и решениями должностных лиц и государственных органов, вытекающими из административно-правовых отношений. Но это было сделано исключительно на общесоюзном уровне. В союзных республиках подобные законы приняты не были.

Последним нормативным правовым актом, принятым в этой сфере на территории Казахстана в советский период, стал Закон Казахской ССР «О судостроительстве Казахской ССР» [60]. Он содержал несколько норм, тяготеющих к административному процессу. Так, закон предусматривал создание института судей по административному и исполнительному производству (ст. ст. 5, 18, 32, 33), которые должны были рассматривать дела об административных правонарушениях, а также по поручению председателя районного (городского) суда осуществлять контроль за работой судебных исполнителей. Таким образом закон, с одной стороны, внес некоторые уточнения в сферу производства по делам об административных правонарушениях, что проявилось на формировании нормативных основ для формирования будущих специализированных судов по административным правонарушениям; а с другой, – произошло расширение видов административно-правовых споров, подлежащих судебному рассмотрению. Суд получил право рассматривать споры, связанные с деятельностью судебных исполнителей, которые, к слову, на сегодняшний день занимают значительное место в практике административных судов Казахстана.

Подводя промежуточный итог, отметим, что в советский период вопросы судебного контроля за непропорциональными действиями государственных органов и их должностных лиц не получили необходимого нормативного регулирования. Эта тенденция была свойственна для всех советских республик. Принятые нормативные акты носили преимущественно рамочный характер и выступали скорее юридическим ориентиром для будущих решений, нежели реально работающим юридическим механизмом. Не получил данный вопрос также и глубокого доктринального изучения. Проведенный анализ сборников научных трудов, изданных в Казахской ССР, а также библиографических указателей [19] показал, что данной проблематикой интересовалось очень незначительное количество ученых.

Формирование административного процесса (административной юстиции) в независимом Казахстане

Следующий этап становления административного процесса в Казахстане начался после приобретения страной независимости. Казахстану предстояло разработать концепцию судебной власти, определить ее структуру и заложить необходимые процессуальные, а также доктринальные основы для функционирования административных судов. Этот процесс, как показывает история, не был быстрым. В его рамках можно выделить несколько (условных) исторических этапов: 1) 1991-1999 гг.; 2) 1999-2009 гг.; 3) 2009-2014 гг.; 4) 2015-2020 гг.

1991-1999 гг.

Для 90-х гг. XX вв. были свойственны две одновременно существующие тенденции. Так, с одной стороны, в этот период наблюдалась разработка нового (национального) законодательства, а с другой, – использование принятых в советский период нормативных правовых актов с внесенными в них изменениями.

В первом случае речь идет о конституционном строительстве, которое завершилось принятием в 1993 г. первой Конституции независимого Казахстана [39]. В Основном законе страны провозглашался принцип разделения властей, а ст. 36 гарантировала судебную защиту всех прав и свобод, закрепленных в Конституции и законах. Важным в контексте будущего института административного процесса выглядел абз. 1 ст. 40 Конституции Казахстана, где определялось, что любые решения и действия государственных органов, общественных объединений, должностных и иных лиц, ущемляющие или ограничивающие права граждан, могли быть обжалованы в суде.

Принципиальное идеологическое значение для постепенного реформирования системы юридической защиты прав граждан имела также Государственная программа правовой реформы в Республике Казахстан, утвержденная Постановлением Президента Республики Казахстан от 12 февраля 1994 года № 1569 [47]. Ее основным идеологом был Н.А. Шайкенов [8].

Показательно, что этот по сути первый программный документ подобного рода, начинался с указания на то, что народ Казахстана, признавая приоритет прав и свобод человека, конституционно закрепил свою решимость создать демократическое общество и правовое государство. Реализация данного задания, как отмечалось в программе, требовала адекватной правовой инфраструктуры, в системе которой важнейшее место отводилось судам, которые в дальнейшем должны были действовать на основе дифференцированной и более глубокой специализации. Однако процитированное положение, к сожалению, не было уточнено. В документе не назывались возможные и необходимые виды судебных специализаций.

Наряду с этим стоит обратить внимание и еще на одно положение, которое звучало следующим образом: «Судебная реформа должна коснуться и военных судов... Суды отстранены от контроля за применением командирами частей ареста, что не способствует предотвращению произвола со стороны командования и не обеспечивает правовую защиту военнослужащих».

Авторы Программы фактически говорили о необходимости введения административной юстиции в сфере военного управления. Отрадно отметить, что действующий на сегодняшний день АППК в ст. 103 устанавливает особенности рассмотрения административными судами дел по искам военнослужащих Вооруженных Сил Республики Казахстан, других войск и воинских формирований, граждан, проходящих военные сборы, если ответчиком являются органы военного управления, воинская часть. Таким образом, можно утверждать, что основа для данного законодательного положения была заложена в далеком 1994 г.

В 1995 г. в Казахстане была принята новая Конституция, которая внесла существенные изменения в организацию публичной власти в стране и несколько по-иному закрепила конституционную основу для будущего института административной юстиции. На наш взгляд, действующая редакция нормы п. 2 ст. 13 Конституции уступает (по уровню своей конкретизации) ст.ст. 36 и 40 Конституции 1993 г., поскольку в указанном пункте говорится в целом о праве на судебную защиту без конкретизации того факта, что судебная защита гарантируется, в том числе, и от незаконных решений и действий органов публичной власти и их должностных лиц. На наш взгляд, существование подобной специальной нормы более филигранно подчеркнуло бы приверженность Казахстана идее административной юстиции.

Однако, наряду с этим, Конституция 1995 г. более четко, в сравнении с первой Конституцией, определила виды судов, установив (п. 2 ст. 75), что судебная власть осуществляется посредством гражданского, уголовного и **иных установленных законом форм судопроизводства** (выделено мной – Р.М.). Данная конституционная формула стала основой для создания в Казахстане разветвленной системы специализированных судов, в том числе и административных.

Положение п. 2 ст. 75 Конституции получило свое дальнейшее развитие в Указе Президента Республики Казахстан от 20 декабря 1995 г. № 2694 «О судах и статусе судей в Республике Казахстан», где (п. 3) указывалось: «В Республике Казахстан может осуществляться специализация судов и создание в этих целях специализированных судов: хозяйственных, налоговых, семейных, по делам несовершеннолетних, административных и других» [58]. Очень важной, в контексте темы нашего анализа, представляется также и ч. 1 ст. 5 данного Указа, где говорилось о том, что «каждому гарантируется судебная защита от любых неправомерных решений и действий государственных органов, организаций, должностных и иных лиц, ущемляющих или ограничивающих права, свободы и законные интересы, предусмотренные Конституцией и законами Республики». Хотя в Указе и не было установлено, что именно административные суды должны были обеспечить реализацию названного права, однако наличие необходимых для подобного вывода формулировок само по себе уже выглядело ценным.

Важность судов и надлежащим образом функционирующей судебной системы для гарантирования долгосрочного развития Казахстана была подчеркнута также в Послании Президента страны народу Казахстана «Казахстан – 2030: процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» [73] (1997 г.). Это стало стимулом для начала основательного обновления национального процессуального законодательства.

1999-2009 гг.

Первым шагом в этом направлении стало принятие в 1999 г. Гражданского процессуального Кодекса Республики Казахстан [21]. В кодексе, наряду с прочим, был уточнен порядок рассмотрения дел «по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, в сфере государственного управления и местного самоуправления, из финансовых, хозяйственных, земельных правоотношений, отношений по использованию природных ресурсов и охране окружающей среды и других правоотношений, а также дел особого производства».

Как видим, в ГПК 1999 г. было уделено внимание вопросам защиты прав, свобод и законных интересов частных лиц в рамках достаточно большого количества административно-правовых отношений, хотя сам термин (административно-правовые отношения) в нем не использовался. Вместо него законодатель ввел словосочетание «отношения в сфере государственного управления и местного самоуправления».

В контексте анализа ГПК необходимо обратить внимание на Подраздел 3, который объединял ряд глав, регламентирующих:

производство по заявлениям о защите избирательных прав граждан и общественных объединений, участвующих в выборах, референдумах (глава 25, состояла из 3 статей);

производство по делам об оспаривании постановлений административных органов и должностных лиц (глава 26, состояла из 3 статей);

производство по делам об оспаривании решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, организаций, должностных лиц и государственных служащих (глава 27, состояла из 5 статей);

производство по делам об оспаривании гражданами законности нормативных правовых актов (глава 28, состояла из 3 статей).

Как видно из названия перечисленных глав, ГПК регулировал порядок рассмотрения типичных административно-правовых споров. Конечно, данным главам не хватало многих статей, которые бы позволили приблизить существующее на то время регулирование к стандартам административного процесса. Эта задача была выполнена законодателем позже. Но несмотря на недостаточно полное нормативное регулирование институт административной юстиции постепенно прокладывал себе путь в недрах казахстанской судебной системы.

Так, в частности, глава 28 значительно расширила количество потенциальных ответчиков. Теперь можно было обжаловать (наряду с органами государственного управления и их должностными лицами) также и решения (действия) органов местного самоуправления, общественных объединений, организаций, которые выполняли управленческие функции. Возможным стал также и судебный контроль за коллегиальными решениями. Новацией законодательства было и увеличение срока на подачу жалобы в суд. Теперь этот срок составлял три месяца со дня, когда лицу стало известно о нарушении его прав и свобод.

Принятие нового ГПК, а также дальнейшее развитие иных процессуальных кодексов, потребовало обновления законодательства и о судебной системе. Это произошло в результате принятия Конституционного закона Республики Казахстан от 25 декабря 2000 г. «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» [59]. В контексте нашего анализа наиболее интересными выглядят абз. 2 п. 2 ст. 1 и п. 3 ст. 3 названного закона, в которых говорилось, с одной стороны, о гарантиях судебной защиты от любых неправомерных решений и действий государственных органов, организаций, должностных и иных лиц, ущемляющих или ограничивающих права, свободы и законные интересы, предусмотренные Конституцией и законами республики и, с другой, – о существовании в Казахстане специализированных судов (военных, экономических, административных, по делам несовершеннолетних и других).

Однако при всех этих достижениях «зачатки» административной юстиции требовали своего дальнейшего, более глубокого и системного развития. И об этом, в частности, было сказано Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым на III съезде судей Республики Казахстан, который прошел 6 июля 2001 г. Президент подчеркнул, что страна нуждается в независимой и эффективной судебной системе, которая бы, в том числе, строилась на основании принципа специализации. В связи с этим было отмечено, что в стране необходимо «продолжить работу по поэтапному созданию

системы специализированных судов – в первую очередь, экономических и административных» [15].

Поставленная задача начала активно реализовываться в 2002 г., когда на основании Указа Президента Республики Казахстан от 9 февраля 2002 г. «Об образовании специализированных межрайонных экономических и административных судов» [62] в стране были образованы специализированные межрайонные экономические суды (в г. Астане и в областях), а также, в качестве эксперимента в городах – Астаны и Алматы, – специализированные межрайонные административные суды, последние из которых, с одной стороны, рассматривали дела об административных правонарушениях (по процедурам КоАП) и, с другой, – взяли на себя функцию производства по делам об оспаривании постановлений административных органов и должностных лиц в соответствии с Главой 26 ГПК РК от 1999 г. В 2004 г. было принято решение об увеличении количества административных судов (было создано 29 новых судов) [63].

Созданные специализированные межрайонные административные суды (СМАС) были далеко не судами административной юстиции, хотя, в части пересмотра постановлений административных органов о привлечении лиц к административной ответственности, они эту функцию, фактически, выполняли.

Идея о дальнейшей специализации судов в Казахстане была повторена и в Концепции правовой политики Республики Казахстана (2002 г.), где отмечалось, что «в целях дальнейшего совершенствования судебной системы представляется важным рассмотрение вопроса развития института экономических, административных, а в перспективе ювенальных (по делам несовершеннолетних) и других специализированных судов» [51]. К сожалению, в документе не было уточнено, какие именно другие специализированные суды должны быть созданы в стране. Это может быть объяснено, возможно, тем, что данный вопрос на тот момент еще не получил необходимой доктринальной проработки и поэтому авторы Концепции ограничились лишь «закладкой фундамента», который мог бы быть реализован в будущем посредством принятия необходимых законодательных актов.

Вместе с этим стоит отметить, что в данный период (конец 90-х гг. – первая половина 2000-х гг.) в других странах постсоветского региона началось активное развитие института административной юстиции (административного процесса). Так, с 1999 г. заработали административные суды в Литве, Эстонии и Грузии [41]. В 2001 году парламентом Латвийской Республики был принят Административно-процессуальный закон (вступил в силу с 1 февраля 2004 г.) [44]. В 2005 г. аналогичный нормативный документ вступил в силу в Украине [36]. Безусловно, что данный опыт не мог остаться незамеченным в Казахстане. Он анализировался и изучался, и авторы соответствующих публикаций все активнее говорили о необходимости трансформации СМАС в полноценные суды административной юстиции.

Так, например, Д. Братусь и Д. Мажитова в своем аналитическом исследовании (2006 г.), в первую очередь, поднимали вопрос о необходимости конкретизации понимания учеными и политиками таких категорий как «административное судопроизводство» и «административная юстиция». Высказывая свою точку зрения по данному вопросу, авторы предложили закрепить в главе 2 КоАП или среди норм ст. 1 Закона РК от 27.11.2000 г. «Об административных процедурах» категорию «административная юстиция». Продолжая далее, они писали: «помимо отмеченных выше смысловых оттенков понятия «административная юстиция», в нем следует особо выделить: а) деятельность уполномоченных государственных органов по защите прав, свобод и законных интересов граждан и организаций (подвластных субъектов); б) систему ответственности и обязанности государственных органов и должностных лиц перед подвластными субъектами» [13].

Однако, при всей прогрессивности процитированной выше идеи, в ней можно увидеть и несколько искаженное представление об административной юстиции, которую предлагалось соединить с законодательством об административных правонарушениях, и/ или с законодательством об административных процедурах. Забегая наперед, отметим, что подобная (надлежащим образом непроработанная) идея была заложена и в проект первого Административно-процессуального кодекса Казахстана [57], который вскоре после его подготовки был отозван правительством из Мажилиса Парламента РК [64] и более на рассмотрение в подобной редакции не подавался.

2009-2014 гг.

Впервые на официальном (государственном) уровне об административной юстиции как о судебном институте защиты прав и свобод граждан было сказано в **Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года** [50], утвержденной 24 августа 2009 г. В документе отмечалось, что «в контексте развития административно-процессуального права следует рассматривать вопрос об административной юстиции, разрешающей споры о праве, возникающие из публично-правовых отношений между государством и гражданином (организацией). То есть подлежит рассмотрению вопрос процессуального обособления и легитимации порядка разрешения конфликтов публично-правового характера. Таким образом, административное судопроизводство должно стать полноправной формой осуществления правосудия, наряду с уголовным и гражданским судопроизводством».

Кроме этого, в документе была также заложена идея и об изменении судебного порядка привлечения правонарушителей к административной ответственности и переносе понятия «административный суд» в сферу функционирования административной юстиции. По этому поводу в Концепции было отмечено: «В будущем также на базе действующих административных судов необходимо создание системы административной юстиции, рассматривающей публично-правовые споры с передачей дел об административных правонарушениях в подведомственность судов общей юрисдикции» [50].

Через несколько месяцев после принятия данной Концепции идея о необходимости введения в Казахстане института административной юстиции была озвучена и Президентом во время его выступления на V съезде судей. Глава государства подчеркнул, что «в сегодняшних условиях необходимо говорить о поэтапном введении системы административной юстиции, судов по рассмотрению уголовных дел, налоговых и других специализированных судов. Это веление времени, соответствующее международной практике» [16].

Названные события, как показывает анализ литературы, активизировали теоретические исследования в данной сфере. В стране начали появляться аналитические записки, отдельные научные статьи, экспертные заключения, посвященные проблематике административного процесса, административной юстиции [43; 32; 71], компетенции новых административных судов [12], вопросам разграничения различных видов производств [18], а также будущего содержания (предмета) соответствующего кодекса [72].

Активизация доктринального изучения названной проблематики сопровождалась также и принятием официальных программных документов, где все более четко ставились задачи, связанные с созданием административной юстиции в Казахстане [65; 66].

Определенные шаги в сторону улучшения существующей на тот период системы рассмотрения споров между частными лицами и органами государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, организаций, должностных лиц и государственных служащих сделал также и Верховный Суд Республики Казахстан. 24 декабря 2010 г. было принято нормативное постановление «О некоторых вопросах применения судами норм главы 27 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан» [52], в рамках которого было уточнено достаточно большое количество положений Главы 27 ГПК, которая, напомним, регламентировала производство по делам об оспаривании решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, организаций, должностных лиц и государственных служащих, а именно: конкретизирован перечень потенциальных ответчиков; сформулировано понятие термина «орган государственной власти»; уточнены условия допустимости жалобы; определены особенности обжалования решений юридического лица в организационно-правовой форме государственного предприятия, государственного учреждения и т.п.; конкретизировано понимание терминов «действие», «бездействие»; уточнены правила подсудности для дел данной категории; сформулированы требования к заявлению об обжаловании решения, действия (бездействия); установлено требование, что должностное лицо или государственный служащий обязаны доказать соответствие закону обжалуемого решения, совершенного действия (бездействия) и т.д.

Данное нормативное постановление, на наш взгляд, вообрало в себя все наиболее важные из существующих на тот период положений и представлений об особенностях рассмотрения судами споров административно-правового характера. Однако, как бы не хотел Верховный Суд РК улучшить ситуацию в этой сфере, данное производство оставалось «законным» в рамки гражданского процесса, который по своей идеологии и назначению был ориентирован на рассмотрение споров между участниками процесса, обладающими равным правовым статусом. Для споров административно-правовой природы нужен был отдельный (специальный) кодекс.

В 2014 г. с целью выполнения плана мероприятий по реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года Институтом законодательства Министерства юстиции Республики Казахстан была разработана **Концепция совершенствования административной юстиции в Республике Казахстан**. Разработчики концепции (Подопригора Р.А., Габбасов А.Б., Шишимбаева С.С.) обозначили, что целью деятельности административных судов должно быть не осуществление государственного контроля, а обеспечение правовой защиты граждан и правосудия в конкретных делах. Для ее достижения предлагалось: создать местные и апелляционные административные суды, а также кассационную инстанцию в лице Высшего (Верховного) административного суда; принять Административно-процессуальный кодекс; закрепить в кодексе принципы и процедуры, характерные для административного судопроизводства, в частности, о бремени доказывания, более активной роли суда в рассмотрении спора, сокращенных сроках рассмотрения, обязанности государственных органов предоставлять необходимую информацию и т.д. В Концепции были обозначены также основные виды споров, которые предлагалось передать для рассмотрения административным судами, а также виды административных исков [41].

2015-2020 гг.

Закрепленные в Концепции положения заложили необходимую основу для разработки проекта Административно-процессуального кодекса Казахстана (далее – АПК), основные положения которого, согласно Плану мероприятий на 2015 год по реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года [67], должны были быть внесены на заседание Межведомственной комиссии по вопросам законопроектной деятельности при Правительстве Республики Казахстан.

Разработка проекта АПК совпала со следующим этапом обновления процессуального законодательства Казахстана. Так, 1 января 2015 г. вступили в силу Кодекс РК об административных правонарушениях (новая редакция) [61] и 1 января 2016 г. – Гражданский процессуальный кодекс РК (новая редакция) [22]. В первом из названных кодексов была закреплена глава 44, регламентирующая порядок обжалования действий (бездействия) и решений органа (должностного лица), осуществляющего производство по делу об административном правонарушении.

ГПК тоже содержал ряд глав, которые регламентировали порядок судебного рассмотрения споров между частными лицами и органами власти, а также их должностными лицами, а именно:

Глава 27. Производство по заявлениям о защите избирательных прав граждан и общественных объединений, участвующих в выборах, республиканском референдуме;

Глава 28. Производство по заявлениям об оспаривании решений, действий (бездействия) местных исполнительных органов, нарушающих права граждан на участие в уголовном судопроизводстве в качестве присяжного заседателя;

Глава 29. Производство по делам об оспаривании решений и действий (бездействия) органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, организаций, должностных лиц и государственных служащих;

Глава 30. Производство по делам об оспаривании законности нормативного правового акта.

Названные процессуальные кодексы не содержали особенных новаций в сравнении с ранее существующими правилами судебного контроля за решениями и действиями органов государственной власти и их должностных лиц и, как и ранее, не отображали особенности судебного рассмотрения и разрешения конфликтов публично-правовой природы, формирующихся в сфере государственного управления.

Подобное положение дел, с одной стороны, вызвало новые дискуссии и обсуждения в научной среде [74; 2; 3; 29] и, с другой, – способствовало активизации законопроектной работы в направлении создания в Казахстане полноценного института административной юстиции, которая была направлена на реализацию подпункта 2.2. пункта 2 Протокола заседания межведомственной комиссии по проведению административной реформы от 27 мая 2014 г. № 07-1-2/И-419 [40].

В конце 2015 г. в экспертной среде уже активно обсуждался проект Административно-процессуального кодекса РК (290 статей), который, в целом, получил позитивную оценку. Разработчики проекта, в частности, исключили из предмета регулирования этого законодательного акта процедурные отношения по делам об административных правонарушениях, что позволило приблизить проект к современным стандартам, выработанным в данной сфере. В то же время, с целью улучшения проекта эксперты советовали:

1) ограничить задачи административного судопроизводства защитой прав, свобод и интересов частных лиц от нарушений со стороны административных органов;

2) установить критерии судебной оценки деятельности административных органов, которые позволят глубже оценивать правомерность решений, действий либо бездействия органов, чем просто по критерию формальной законности;

3) уделить внимание формулированию принципов административного судопроизводства, предоставив административному суду больше возможностей для достижения задачи административного судопроизводства;

4) более подробно определить правила административной юрисдикции (подведомственности) и подсудности, чтобы предупредить возникновение трудностей в правильном выборе компетентного суда;

5) при внедрении обязательного досудебного урегулирования административных споров не допустить, чтобы этот механизм использовался для препятствия своевременному получению судебной защиты;

6) исключить какую-либо эксклюзивную роль председателей судов (коллегий) в судебном процессе; распределение дел между судьями проводить через автоматизированную систему случайного выбора;

7) ограничить роль прокурора в административном процессе целью защиты интересов государства, наделив его теми же полномочиями, которыми пользуются другие лица, принимающие участие в деле (не более);

8) отказаться от сохранения пересмотра судебных решений в порядке надзора, несмотря на изменение названия; право на пересмотр должно быть ограничено по времени и не должно зависеть от дискреции должностных лиц (председателя суда, прокурора);

9) предусмотреть возможность пересмотра судебных актов в случае принятия международным органом, компетенция которого признана Республикой Казахстан, решения о нарушении международных обязательств, если это нарушение связано с актами национальных судов по административным делам [45].

Однако данный проект, несмотря на его завершённый и целостный вид, не получил политического одобрения и был снят с дальнейшего обсуждения.

В первой половине 2018 г. в Казахстане был представлен проект Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан, который воплотил в себе идею объединения в одном законодательном акте трех институтов – института внутренней административной процедуры, института административной процедуры и института административной юстиции. Комментируя данный шаг, разработчики Концепции проекта Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан, в частности, указали: «Принятие единого законодательного акта в форме кодекса, регулирующего вышеуказанные отношения, позволит: посредством повышения юридической силы регулирующего законодательного акта установить базовые принципы и правила осуществления административных процедур, распространяющиеся практически на всех субъектов публичных правоотношений (за исключением случаев, установленных законопроектом); обеспечить гармоничное регулирование как досудебного, так и судебного производства по рассмотрению споров, вытекающих из публичных правоотношений» [23].

Данный законопроект в течение следующего года прошел несколько этапов доработки, а также ряд экспертиз (научно правовая экспертиза, научная экономическая экспертиза, научная лингвистическая экспертиза, заключение Национальной палаты предпринимателей Республики Казахстан). Законопроект обсуждался также и на научно-практических конференциях, в том числе, с участием иностранных экспертов [24; 25; 26]. Активная работа над законопроектом привела, с одной стороны, к исключению из него нескольких групп статей и, с другой, – его дополнению новыми статьями, а также уточнению редакций (формулировок) отдельных его положений.

Во-первых, из первоначального проекта 2018 г. была исключена глава, регламентирующая порядок принудительного исполнения административного акта; во-вторых, проект «потерял» статью, посвященную ничтожному административному акту; в-третьих, из проекта была удалена глава «Расходы» и глава, посвященная ответственности административных органов; в-четвертых, было принято решение, что такие вопросы как «представительство», «доказательства и доказывание», «судебные расходы», «производство в суде апелляционной инстанции», «производство в суде кассационной инстанции», «производство по вновь открывшимся обстоятельствам» и ряд других вопросов будут регламентироваться соответствующими нормами ГПК РК.

Что касается новых статей, то в проекте 2019 г. (в сравнении с проектом 2018 г.): были уточнены и несколько расширены принципы административных процедур и административного процесса; добавлена глава, регламентирующая порядок передачи функций центральных и (или) местных исполнительных органов в конкурентную среду; введен институт упрощенной административной процедуры; несколько изменена система административных исков; добавлена глава «судебный контроль» [23].

30 мая 2019 г. Правительство Республики Казахстан приняло решение внести на рассмотрение Мажилиса Парламента Республики Казахстан проект Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан [55]. В мае следующего года законопроект был одобрен Мажилисом Парламента РК и направлен на рассмотрение в Сенат Парламента РК [56].

29 июня 2020 г. Сенат Парламента Республики Казахстан принял Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан, который вступил в силу 1 июля 2021 г [5].

Выводы

Проведенный анализ показывает, что история становления и развития административного процесса (административной юстиции) в Казахстане была длительной и, часто, противоречивой. В стране, если говорить о периоде независимости, было подготовлено несколько проектов соответствующего кодекса, которые по различным причинам снимались с обсуждения и заменялись иными редакциями. Это можно объяснить как политическими причинами, так и отсутствием глубокого (предварительного) доктринального изучения данной проблематики. В связи с этим, представляется целесообразным продолжение научных исследований в этом направлении. Очевидно, что именно юридическая наука должна предложить законодателю конкретные решения, которые помогут «усилить» существующую редакцию АППК и наполнить его теми институтами и нормами, которые ранее, к сожалению, не вошли в его содержание.

Мельник Р.С., з.ғ.д., профессор, Maqsut Narikbayev University Жоғары құқық мектебінің профессоры (Қазақстан, Астана): Қазақстандағы әкімшілік процесі қалыптастырудың негізгі тарихи кезеңдері.

Мақала Қазақстандағы әкімшілік процесс (әкімшілік әділет) институты қалыптасуының жеке-леген тарихи кезеңдерін талдауға арналған. Бұл тақырып ғылыми өзектіліктің едәуір деңгейімен сипатталады, өйткені ол әлі де ауқымды ғылыми зерттеулердің тақырыбына айналған жоқ.

Мақаланың мақсаты – әкімшілік процесс институтына арналған тиісті бағдарламалық және нормативтік актілерді талдаумен қатар, тиісті тарихи кезеңдер шеңберінде орын алған осы институт дамуының доктриналық «сүйемелдеу» ерекшеліктеріне қарау.

Зерттеу нәтижелері бойынша Қазақстанда әкімшілік процесс (әкімшілік әділет) институтының қалыптасуы орын алған негізгі тарихи кезеңдер анықталды: революцияға дейінгі және ерте революциядан кейінгі кезеңдер; XX ғғ. 20-30 жж. әкімшілік процесс; Хрущев «жылымығы»

кезеңіндегі әкімшілік процесс (1953-1964 жж.); кеңестік кезеңнің соңғы онжылдықтарындағы әкімшілік процесс; тәуелсіз Қазақстандағы әкімшілік процесс.

Мақалада атаған кезеңдердің жеке шеңберінде әкімшілік процестің қалыптасу ерекшеліктерін көрсететін бірқатар тұжырымдар жасалды. Мәселен, автордың пікірінше, кеңестік кезеңде мемлекеттік органдар мен лауазымды адамдарының заңсыз әрекеттерін сот арқылы бақылау мәселелері қажетті нормативтік реттеу деңгейінде болған жоқ. Бұл үрдіс барлық кеңестік республикаларға тән еді. Қабылданған нормативтік актілер шын мәнінде негіздемелік сипатта болуымен қатар, нақты жұмыс істейтін құқықтық механизмнен гөрі болашақ шешімдер үшін заңды нұсқаулық түрінде қызмет етті.

Мақалада өткен ғасырдың 90-жылдарынан бастап әкімшілік процестің қалыптасу ерекшеліктерін зерттеуге айтарлықтай орын берілген. Автордың пікірінше, бұл бірнеше (шартты) тарихи кезеңдер аясын қамтиды: 1) 1991-1999 жж.; 2) 1999-2009 жж.; 3) 2009-2014 жж.; 4) 2015-2020 жж..

Мақалада барлық тиісті нормативтік актілер, сондай-ақ әкімшілік процесс институтының біртіндеп кристалдануы орын алған бағдарламалық құжаттар зерттеледі. Осы мәселені зірлеген авторлардың ғылыми еңбектері мен талдауларына ерекше көңіл бөлінеді. Белгілі бір тарихи кезеңде әкімшілік процесс институтының қалыптасу жылдамдығына әсер еткен саяси-құқықтық және басқа факторларға назар аударылады.

Автор Қазақстанда әкімшілік процестің (әкімшілік әділеттің) қалыптасуы мен даму тарихы ұзақ және жиі қайшылықтармен сабақтас болды деген қорытындыға келеді. Автор заң шығарушыға ӘРПК-нің қолданыстағы редакциясын «күшейтуге» және оны әртүрлі себептермен оның мазмұнына енбеген институттармен, нормалармен толтыруға көмектесетін нақты шешімдерді ұсынуы керек деп санайды.

Түйінді сөздер: әкімшілік процесс, әкімшілік әділет, әкімшілік соттар, әкімшілік-құқықтық қатынастардан туындайтын істер, кеңестік заң ғылымы, кеңестік мемлекет, әкімшілік сот, сот реформасы.

Melnyk R.S., Doctor in Jurisprudence, Professor, Professor of the Law School of Maqsut Narikbayev University (Republic of Kazakhstan, Astana c.): Main Historical Stages of Administrative Process Formation in Kazakhstan.

The article is focused on the analysis of certain historical stages, when the formation of the administrative process institution (administrative justice) in Kazakhstan took place. This topic is characterized by a significant level of scientific relevance, since it has not become the subject matter of full-scale scientific research yet.

The purpose of the article is to analyze not only the relevant policy and regulatory acts devoted to the administrative process institution, but also to look at specific features of the doctrinal “support” for the development of this institution, which took place within the framework of the corresponding historical periods.

Based on the results of the research, the author has singled out main historical stages, when the formation of the administrative process institution (administrative justice) in Kazakhstan took place: pre-revolutionary and early post-revolutionary periods; administrative process in the 20-30s of the XXth century; administrative process during the Khrushchev “Thaw” (1953-1964); administrative process in the last decades of the Soviet period; administrative process in times of independent Kazakhstan.

The author of the article has made a number of conclusions reflecting the peculiarities of the administrative process formation within the framework of some of the mentioned periods. Thus, according to the author, issues of judicial control over illegal actions of state authorities and their officials during the Soviet period were not properly regulated. Such a tendency was typical for all Soviet Republics. The adopted regulatory acts were mainly of a framework nature and served rather as a legal guideline for future decisions than as a really acting legal mechanism.

Studying the peculiarities of the administrative process formation for the period starting from the 90s of the last century received a significant place in the article. According to the author, it took place within the framework of several (conditional) historical stages: 1) 1991-1999; 2) 1999-2009; 3) 2009-2014; 4) 2015-2020.

The author of the article has studied all the relevant regulatory legal acts, as well as policy documents, which were the basis for the gradual crystallization of the administrative process institution. Particular attention has been paid to the analysis of scientific works of those authors who were involved in developing this issue. Political legal and other factors that at some historical stage influenced the speed of forming the administrative process institution have been highlighted.

The author has made the conclusion that the history of the formation and development of the administrative process (administrative justice) in Kazakhstan was long and often contradictory. The author believes that it is law science that should offer the legislator specific solutions that would help to “strengthen” the existing wording of the Administrative Procedural and Process-Related Code and fill it with those institutions and regulations, which were not included into its content by various reasons.

Key words: administrative process, administrative justice, administrative courts, cases arising from administrative and legal relationship, Soviet law science, Soviet state, administrative claim, judicial reform.

Список литературы:

1. Абдуллина З.К. Производство по делам, вытекающим из административно-правовых отношений // Юридические науки. Выпуск 4. Алма-Ата. 1974. С. 109-119.
2. Аблаева Э.Б. Формирование системы административной юстиции в республике Казахстан: проблемы и перспективы // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 5. С. 208-215.
3. Аблаева Э.Б. Административная юстиция как элемент административной реформы в Республике Казахстан: его становление и развитие // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 5. С. 201-207.
4. Административная юстиция в Западной Европе. 1. Административная юстиция во Франции / Н.О. Куплеваский. – Харьков : Унив. тип., 1879. – 230 с.
5. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI // Ведомости Парламента РК 2020. № 13. Ст. 66.
6. Административный процесс в СССР / Салищева Н.Г. М.: Юрид. лит., 1964. 158 с.
7. Адміністративне право і процес УНР в екзилі : невідома правнича спадщина України. Укладачі: Гриценко І. С., Бевзенко В.М., Коваль С.О., Бевз А.І., Паламарчук І.В., Гура О.В., Кравченко А.В., Сметанюк Р. С. за заг. ред. докт. юрид. наук, проф. Гриценка І. С. К. : Дакор, 2015. 500 с.
8. Айтхожин К. Подвижник права (К 75-летию со дня рождения Шайкенова Нагашбая Амангалеевича) // Фемида. 2022. № 3-13.
9. Антологія української юридичної думки. В 6 т. / Редкол.: Ю.С. Шсмшученко (голова) та ін. Том 5: Поліцейське та адміністративне право / Упорядники: Ю.І. Римаренко, В.Б. Авер'янов, І.Б. Усенко; відп. редактори Ю.І. Римаренко, В.Б. Авер'янов. К; Видавничий Дім «Юридична книга», 2003. 600 с.
10. Баймолдина З.Х. Роль административной юстиции в развитии государственного управления // Ежегодник публичного права 2015: Административный процесс. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 331-336.
11. Бар. Корф, Административная юстиция в России. 2 тома. СПб:Т. 1. VII, 528 с. Т. 2. VII, 507 с.
12. Бекназаров Б.А. Приветственное слово председателя Верховного Суда Республики Казахстан // Материалы II-й международной школы (научно-практического семинара) административного права «Административная юстиция: зарубежный опыт и перспективы реформирования в Республике Казахстан». Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2011.
13. Братусь Д., Мажитова Д. Проблемы административной юстиции как вектор гражданской позиции. URL: <https://online.zakon.kz> (23.02.2025).
14. Ваксберг М.А., Тазутдинов Р.С. О проектах Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов Казахской ССР // Вопросы государства и права: Сборник трудов юридического факультета Казахского государственного университета имени С. М. Кирова. Алма-Ата, 1963.

15. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на III съезде судей Республики Казахстан «Правосудие – это справедливость» (г. Астана, 6 июня 2001 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013364&pos=3;-88#pos=3;-88 (23.02.2025).
16. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на V съезде судей (Астана, 18 ноября 2009 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30510310 (23.02.2025).
17. Гессен В.М. Главные моменты юридического развития России в XIX в. // Право. 1901. № 6. С. 291-298.
18. Головкин А. В. Производство по делам об административных правонарушениях и административная юстиция: различия в процессуальной природе // Зангер – Вестник права Республики Казахстан. 2010. № 5. С. 38-42.
19. Государственно-правовая наука в Казахстане. Библиографический указатель 1930е гг. – 1991 г. / Авт.-сост. Ш.В. Тлепина; подразделы 1, 2, 5 раздела II – Ш.В. Тлепина и С.Ф. Ударцев / Под редакцией д.ю.н., проф. С.Ф. Ударцева. Прил.: перечни период. изд., список сокр. – Ш.В. Тлепина. Алматы: КазГЮУ. 2005. 276 с.
20. Гражданский процессуальный кодекс Казахской ССР. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K630002000_
21. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/K990000411_/13.07.1999 (20.02.2025).
22. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V ЗРК // Ведомости Парламента РК 2015. № 20-VI. Ст. 114.
23. Досье на проект Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан (30 мая 2019 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34577198 (13.02.2025).
24. Ежегодник публичного права 2017: Усмотрение и оценочные понятия в административном праве. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 476 с.
25. Ежегодник публичного права 2018: Принципы административных процедур и административного судопроизводства. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 376 с.
26. Ежегодник публичного права 2019: Исполнение административных актов и судебных решений. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 260 с.
27. Елистратов А. И. Основные начала административного права. Москва, издание Г. А. Лемана, 1914. 332 с.
28. Елистратов А. И. Очерк административного права. М., 1922. 236 с.
29. Жетписбаев Б.А., Миразов Г.Т. Административная юстиция: проблемы теоретико-методологического моделирования // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. 2017. № 2 (82). С. 35-47.
30. Загряцков М.Д. Административная юстиция и Право жалобы в теории и законодательстве: (Развитие идеи и принципов адм. юстиции. Адм. процесс и право жалобы в советском праве) / Проф. М.Д. Загряцков. - Москва : Б. и., 1924. 240 с.
31. Загряцков М.Д. Административная юстиция и Право жалобы в теории и законодательстве: (Развитие идеи и принципов адм. юстиции. Адм. процесс и право жалобы в советском законодательстве. Административно-финансовое распоряжение и финансовая жалоба) / Проф. М.Д. Загряцков. Издание 2-е. Москва. Издательство «Право», 1925. 244 с.
32. Зеленцов А.Б. Ибрагимов С.И. Институт административной юстиции в постсоветских государствах Центральной Азии: избранные модели и проблемы их реализации // Вестник РУДН, серия Юридические науки, 2012. № 5. С. 93-102.
33. Карадже-Искров Н. П. Новейшая эволюция административного права. Иркутск. Типография издательства «Власть труда». 1927. 39 с.
34. Кобалевский В. Советское административное право. Юридическое издательство Наркомюста УССР. Харьков, 1929. 417 с.
35. Кобалевский В. Очерки советского административного права: Центральным методкомом Наркомпроса ВУЗов допущено в библиотеки в качестве учебного пособия / Проф. В. Кобалевский. [Харьков]: Государственное издательство Украины, 1924. 258 с.

36. Кодекс адміністративного судочинства України // Відомості Верховної Ради України. 2005. № 35-36, № 37. Ст. 446.
37. Кодекс Казахской ССР об административных правонарушениях // Ведомости Верховного Совета Каз.ССР. 1984. № 14.
38. Конституция (Основной Закон) Казахской Советской Социалистической Республики: Принята на внеочередной седьмой сессии Верх. Совета Казах. ССР девятого созыва 20 апреля 1978 года. Алма-Ата: Казахстан, 1978. – 59 с.
39. Конституция Республики Казахстан, принята Верховным Советом Республики Казахстан 28 января 1993 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000_ (23.02.2025).
40. Концепция Административного процессуального кодекса Республики Казахстан. URL: <https://www.sud.gov.kz/rus/content/konceptsiya-administrativnogo-processualnogo-kodeksa-respubliki-kazakhstan> (23.02.2025).
41. Концепция совершенствования административной юстиции в Республике Казахстан. Астана, 2014. URL: <https://online.zakon.kz> (23.02.2025).
42. Коренев А.П. Кодификация советского административного права. М., Юридическая литература, 1970. 134 с.
43. Круглый стол «Перспективы развития административной юстиции в Республике Казахстан», г. Астана, 10 декабря 2010 г. URL: <https://online.zakon.kz> (8.02.2025).
44. Куйбида Р.А. Обзор законодательства об административной юстиции в странах бывшего СССР. URL: <https://lprc.kz/wp-content/uploads/2020/05/Obzor-zakonodatelstva-ob-administrativnoj-yusticii.pdf> (23.02.2025).
45. Куйбида Р.А. Экспертное заключение на проект Административного процессуального кодекса Республики Казахстан (по состоянию на декабрь 2015 г.) URL: <https://online.zakon.kz0> (23.02.2025).
46. Лазаревский Н.И. Правовой контроль над дискреционными полномочиями администрации // Право. 1901. № 12. С. 642-649.
47. О Государственной программе правовой реформы в Республике Казахстан: Постановление Президента Республики Казахстан от 12 февраля 1994 г. № 1569. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001569_ (23.02.2025).
48. О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 35. Ст. 368.
49. О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке: Указ Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 27 февраля 1962 г. // Ведомости Верховного Совета и Правительства Казахской ССР. 1962. № 9. Стр. 27
50. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858_ (23.02.2025).
51. О Концепции правовой политики Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года № 949 URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/U020000949_/13.07.2005
52. О некоторых вопросах применения судами норм главы 27 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан: Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 24 декабря 2010 г. № 20. URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/57115/rus/24.12.2010> (23.02.2025).
53. О порядке обжалования в суд действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан: Закон СССР от 2 ноября 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1989. № 2. Ст. 416.
54. О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан: Закон СССР от 30 июня 1987 г. // Бюллетень текущего законодательства СССР. 1987. № 7.

55. О проекте Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан: Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 мая 2019 года № 348. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000348> (23.02.2025).

56. О проекте Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан: Постановление Мажилиса Парламента Республики Казахстан от 6 мая 2020 года № 1164-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35791542

57. О проекте Административного процессуального кодекса Республики Казахстан: Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 сентября 2009 года № 1474. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P090001474_ (23.02.2025).

58. О судах и статусе судей в Республике Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу Конституционного закона, от 20 декабря 1995 г. № 2694 // Ведомости Верховного Совета РК. 1995. № 23. Ст. 147.

59. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан: Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2000. № 23. Ст. 410.

60. О судостроительстве Казахской ССР: Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 23 ноября 1990 года // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1990. № 48. Ст. 443.

61. Об административных правонарушениях: Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК // Ведомости Парламента РК 2014. № 18-II. Ст. 92.

62. Об образовании специализированных межрайонных экономических и административных судов: Указ Президента Республики Казахстан от 9 февраля 2002 г. // Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительства Республики Казахстан. 2002. № 6. Ст. 38.

63. Об образовании, реорганизации и упразднении некоторых районных и приравненных к ним судов Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 9 сентября 2004 года № 1437 // САПП Республики Казахстан. 2004. № 33. Ст. 441.

64. Об отзыве из Мажилиса Парламента Республики Казахстан проектов кодексов «Административный процессуальный кодекс Республики Казахстан», «Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (новая редакция)» и проекта закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам административного процессуального законодательства»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 августа 2010 года № 804. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P100000804_/info (23.02.2025).

65. Об утверждении Плана мероприятий на 2013 год по реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Постановление Правительства Республики Казахстан от 13 марта 2013 года № 238 (см. пункт 4). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000238> (23.02.2025).

66. Об утверждении Плана мероприятий на 2014 год по реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 марта 2014 года № 289 (см. пункт 2). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31533647 (23.02.2025).

67. Об утверждении Плана мероприятий на 2015 год по реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 марта 2015 года № 167 (п. 19). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500000167> (23.02.2025).

68. Овсянников Ю.Н. Идеи полицеистики в советский период развития административно-правовой науки // Управленческое консультирование, 2015, № 4, С. 153-166.

69. Подопригора Р. Административная юстиция в Казахстане: история, состояние, перспективы // Право и государство. 2014. № 4. С. 46-56.

70. Подопригора Р.А. Административная юстиция в Казахстане: история, состояние перспективы. URL: <https://online.zakon.kz> (23.02.2025).

71. Подопригора Р.А. Аналитическая записка «Стратегические вопросы развития административной юстиции в Казахстане». URL: <https://lprc.kz/wp-content/uploads/2020/01/Strategicheskie-voprosy-razvitiya-administrativnoj-yusticii-v-Kazahstane-1.pdf> (23.02.2025).

72. Подопригора Р.А. Концепция правовой политики Республики Казахстан и развитие административного права // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2009. № 4. С. 11-13.

73. Послание Президента страны народу Казахстана «Казахстан – 2030: процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев», г. Астана, 10 октября 1997 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1015368&pos=2;-34#pos=2;-34 (23.02.2025).

74. Сабитова А.А. Перспективы развития административного судопроизводства как гарантии защиты прав граждан Республики Казахстан // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 36-41.

75. Смокович М.І., Бевзенко В.М. Адміністративний процес України : теорія, практика: Підручник. Заг. ред. д. ю. н., проф. Бевзенка В.М. Пер. з нім. і адапт. Рижкова Г.В. Видання друге, змінене, доповнене і перероблене. Київ: ВД «Дакор», 2021. 1346 с.

76. Старилов Ю.Н. Административная юстиция в России // Lex Russia. 2016. № 1, С. 21-33.

77. Тян. В. Эволюция власти и либерализация общественной и культурной жизни в СССР в период хрущевской «оттепели» // Власть. 2011. № 9. С. 139-142.

78. Чечот Д.М. Административная юстиция (теоретические проблемы). Л., 1973. 133 с.

References (transliterated):

1. Abdullina Z.K. Proizvodstvo po delam, vytekayushchim iz administrativno-pravovyh otnoshenij // Yuridicheskie nauki. Vypusk 4. Alma-Ata. 1974. S. 109-119.

2. Ablava E.B. Formirovanie sistemy administrativnoj yusticii v respublike Kazahstan: problemy i perspektivy // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2017. № 5. С. 208-215.

3. Ablava E.B. Administrativnaya yusticiya kak element administrativnoj reformy v Respublike Kazahstan: ego stanovlenie i razvitie // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2017. № 5. S. 201-207.

4. Administrativnaya yusticiya v Zapadnoj Evrope. 1. Administrativnaya yusticiya vo Francii / N.O. Kuplevskij. – Har'kov : Univ. tip., 1879. – 230 s.

5. Administrativnyj procedurno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan: Kodeks Respubliki Kazahstan ot 29 iyunya 2020 goda № 350-VI // Vedomosti Parlamenta RK 2020. № 13. St. 66.

6. Administrativnyj process v SSSR / Salishcheva N.G. M.: YUrid. lit., 1964. 158 с.

7. Administrativne pravo i proces UNR v ekzili : nevidoma pravnichna spadshchina Ukraїni. Ukladachi: Gricenko I. S., Bevzenko V.M., Koval' S.O., Bezv A.I., Palamarchuk I.V., Gura O.V., Kravchenko A.V., Smetanyuk R. S. za zag. red. dokt. yurid. nauk, prof. Gricenka I. S. K. : Dakor, 2015. 500 s.

8. Ajthozhin K. Podvizhnik prava (K 75-letiyu so dnya rozhdeniya SHajkenova Nagashbaya Aman-galeevicha) // Femida. 2022. № 3-13.

9. Antologiya ukraїns'koї yuridichnoї dumki. V 6 t. / Redkol.: YU.S. SHsmshuchenko (golova) tain. Tom 5: Policejs'ke ta administrativne pravo / Uporyadniki: YU.I. Rimarenko, V.B. Aver'yanov, I.B. Usenko; vidp. redaktori YU.I. Rimarenko, V.B. Aver'yanov. K; Vidavnichij Dim «YUridichna kniga», 2003. 600 s.

10. Bajmoldina Z.H. Rol' administrativnoj yusticii v razvitii gosudarstvennogo upravleniya // Ezhegodnik publicnogo prava 2015: Administrativnyj process. M.: Infotropik Media, 2015. S. 331-336.

11. Bar. Korf, Administrativnaya yusticiya v Rossii. 2 toma. SPb.T. I. VII, 528 с. T. 2. VII, 507 с.

12. Beknazarov B.A. Privetstvennoe slovo predsedatelya Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan // Materialy II-j mezhdunarodnoj shkoly (nauchno-prakticheskogo seminar) administrativnogo prava «Administrativnaya yusticiya: zarubezhnyj opyt i perspektivy reformirovaniya v Respublike Kazahstan». Astana: GU «Institut zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan», 2011.

13. Bratus' D., Mazhitova D. Problemy administrativnoj yusticii kak vektor grazhdanskoj pozicii. URL: <https://online.zakon.kz> (23.02.2025).

14. Vaksberg M.A., Tazutdinov R.S. O proektah Grazhdanskogo i Grazhdansko-processual'nogo kodeksov Kazahskoj SSR // Voprosy gosudarstva i prava: Sbornik trudov yuridicheskogo fakul'teta Kazahskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. M. Kirova. Alma-Ata, 1963.

15. Vystuplenie Prezidenta Respubliki Kazahstan N.A. Nazarbaeva na III s»ezde sudej Respubliki Kazahstan «Pravosudie – eto spravedlivost'» (g. Astana, 6 iyunya 2001 goda). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013364&pos=3;-88#pos=3;-88 (23.02.2025).
16. Vystuplenie Prezidenta Respubliki Kazahstan N.A. Nazarbaeva na V s»ezde sudej (Astana, 18 noyabrya 2009 goda). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30510310 (23.02.2025).
17. Gessen V.M. Glavnye momenty yuridicheskogo razvitiya Rossii v XIX v. // Pravo. 1901. № 6. S. 291-298.
18. Golovko L. V. Proizvodstvo po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah i administrativnaya yusticiya: razlichiya v processual'noj prirode // Zanger – Vestnik prava Respubliki Kazahstan. 2010. № 5. S. 38-42.
19. Gosudarstvenno-pravovaya nauka v Kazahstane. Bibliograficheskij ukazatel' 1930e gg. – 1991 g. / Avt.-sost. Sh.V. Tlepina; podrazdely 1, 2, 5 razdela II – SH.V. Tlepina i S.F. Udarcev / Pod redakciej d.yu.n., prof. S.F. Udarceva. Pril.: perechni period. izd., spisok sokr. – SH.V. Tlepina. Almaty: KazGYUU. 2005. 276 s.
20. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Kazahskoj SSR. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K630002000>
21. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan. URL: https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/K990000411_/13.07.1999 (20.02.2025).
22. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan: Kodeks Respubliki Kazahstan ot 31 oktyabrya 2015 goda № 377-V ZRK // Vedomosti Parlamenta RK 2015. № 20-VI. St. 114.
23. Dos'e na proekt Administrativnogo procedurno-processual'nogo kodeksa Respubliki Kazahstan (30 maya 2019 goda). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34577198 (13.02.2025).
24. Ezhegodnik publichnogo prava 2017: Usmotrenie i ocenochnye ponyatiya v administrativnom prave. M.: Infotropik Media, 2017. 476 s.
25. Ezhegodnik publichnogo prava 2018: Principy administrativnyh procedur i administrativnogo sudoproizvodstva. M.: Infotropik Media, 2018. 376 s.
26. Ezhegodnik publichnogo prava 2019: Ispolnenie administrativnyh aktov i sudebnyh reshenij. M.: Infotropik Media, 2018. 260 s.
27. Elistratov A. I. Osnovnye nachala administrativnogo prava. Moskva, izdanie G. A. Lemana, 1914. 332 s.
28. Elistratov A. I. Oчерk administrativnogo prava. M., 1922. 236 s.
29. Zhetpisbaev B.A., Mirazov G.T. Administrativnaya yusticiya: problemy teoretiko-metodologicheskogo modelirovaniya // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. 2017. № 2 (82). S. 35-47.
30. Zagryackov M.D. Administrativnaya yusticiya i Pravo zhaloby v teorii i zakonodatel'stve: (Razvitie idei i principov adm. yusticii. Adm. process i pravo zhaloby v sovetskom prave) / Prof. M.D. Zagryackov. - Moskva : B. i., 1924. 240 s.
31. Zagryackov M.D. Administrativnaya yusticiya i Pravo zhaloby v teorii i zakonodatel'stve : (Razvitie idei i principov adm. yusticii. Adm. process i pravo zhaloby v sovetskom zakonodatel'stve. Administrativno-finansovoe rasporyazhenie i finansovaya zhaloba) / Prof. M.D. Zagryackov. Izdanie 2-e. Moskva. Izdatel'stvo «Pravo», 1925. 244 s.
32. Zelencov A.B. Ibragimov S.I. Institut administrativnoj yusticii v postsovetskikh gosudarstv Central'noj Azii: izbrannye modeli i problemy ih realizacii // Vestnik RUDN, seriya YUridicheskie nauki, 2012. № 5. S. 93-102.
33. Karadzhe-Iskrov N. P. Novejshaya evolyuciya administrativnogo prava. Irkutsk. Tipografiya izdatel'stva «Vlast' truda». 1927. 39 s.
34. Kobalevskij V. Sovetskoe administrativnoe pravo. YUridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta USSR. Har'kov, 1929. 417 s.
35. Kobalevskij V. Oчерki sovetskogo administrativnogo prava: Central'nym metodkomom Narkomprosa VUZov dopushcheno v biblioteki v kachestve uchebnogo posobiya / Prof. V. Kobalevskij. [Har'kov]: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ukrainy, 1924. 258 s.
36. Kodeks administrativnogo sudochinstva Ukraini // Vidomosti Verhovnoi Radi Ukraini. 2005. № 35-36, № 37. St. 446.

37. Kodeks Kazahskoj SSR ob administrativnyh pravonarusheniyah // Vedomosti Verhovnogo Soveta Kaz.SSR. 1984. № 14.
38. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Kazahskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki: Prinyata na vneocherednoj sed'moj sessii Verh. Soveta Kazah. SSR devyatogo sozyva 20 aprelya 1978 goda. - Alma-Ata: Kazahstan, 1978. – 59 s.
39. Konstituciya Respubliki Kazahstan, prinyata Verhovnym Sovetom Respubliki Kazahstan 28 yanvarya 1993 g. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K930001000> (23.02.2025).
40. Konceptiya Administrativnogo processual'nogo kodeksa Respubliki Kazahstan. URL: <https://www.sud.gov.kz/rus/content/konceptiya-administrativnogo-processualnogo-kodeksa-respubliki-kazahstan> (23.02.2025).
41. Konceptiya sovershenstvovaniya administrativnoj yusticii v Respublike Kazahstan. Astana, 2014. URL: <https://online.zakon.kz> (23.02.2025).
42. Korenev A.P. Kodifikaciya sovetskogo administrativnogo prava. M., YUridicheskaya literatura, 1970. 134 s.
43. Kruglyj stol «Perspektivy razvitiya administrativnoj yusticii v Respublike Kazahstan», g. Astana, 10 dekabrya 2010 g. URL: <https://online.zakon.kz> (8.02.2025).
44. Kujbida R.A. Obzor zakonodatel'stva ob administrativnoj yusticii v stranah byvshego SSSR. URL: <https://lprc.kz/wp-content/uploads/2020/05/Obzor-zakonodatelstva-ob-administrativnoj-yusticii.pdf> (23.02.2025).
45. Kujbida R.A. Ekspertnoe zaklyuchenie na projekt Administrativnogo processual'nogo kodeksa Respubliki Kazahstan (po sostoyaniyu na dekabr' 2015 g.) URL: <https://online.zakon.kz0> (23.02.2025).
46. Lazarevskij N.I. Pravovoj kontrol' nad diskreccionnymi polnomochiyami administracii // Pravo. 1901. № 12. S. 642-649.
47. O Gosudapstvennoj ppopgamme ppavovoj pefopmy v Respublike Kazahstan: Postanovlenie Ppezidenta Respubliki Kazahstan ot 12 fevpalya 1994 g. № 1569. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001569> (23.02.2025).
48. O dal'nejshem ogranichenii primeneniya shtrafov, nalagaemyh v administrativnom poryadke: Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 21 iyunya 1961 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1961. № 35. St. 368.
49. O dal'nejshem ogranichenii primeneniya shtrafov, nalagaemyh v administrativnom poryadke: Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta Kazahskoj SSR ot 27 fevralya 1962 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta i Pravitel'stva Kazahskoj SSR. 1962. № 9. Str. 27
50. O Konceptii pravovoj politiki Respubliki Kazahstan na period s 2010 do 2020 goda: Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 24 avgusta 2009 goda № 858. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858> (23.02.2025).
51. O Konceptii pravovoj politiki Respubliki Kazahstan: Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 20 sentyabrya 2002 goda № 949 // https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/U020000949_/13.07.2005
52. O nekotoryh voprosah primeneniya sudami norm glavy 27 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Respubliki Kazahstan: Normativnoe postanovlenie Verhovnogo suda Respubliki Kazahstan ot 24 dekabrya 2010 g. № 20. URL: <http://law.gov.kz/client/#!/doc/57115/rus/24.12.2010> (23.02.2025).
53. O poryadke obzhalovaniya v sud dejstvij organov gosudarstvennogo upravleniya i dolzhnostnyh lic, ushchemlyayushchih prava grazhdan: Zakon SSSR ot 2 noyabrya 1989 g. // Vedomosti S»ezda narodnyh deputatov i Verhovnogo Soveta SSSR. 1989. № 2. St. 416.
54. O poryadke obzhalovaniya v sud nepravomernyh dejstvij dolzhnostnyh lic, ushchemlyayushchih prava grazhdan: Zakon SSSR ot 30 iyunya 1987 g. // Byulleten' tekushchego zakonodatel'stva SSSR. 1987. № 7.
55. O proekte Administrativnogo procedurno-processual'nogo kodeksa Respubliki Kazahstan: Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan ot 30 maya 2019 goda № 348. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000348> (23.02.2025).
56. O proekte Administrativnogo procedurno-processual'nogo kodeksa Respubliki Kazahstan: Postanovlenie Mazhilisa Parlamenta Respubliki Kazahstan ot 6 maya 2020 goda № 1164-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35791542

57. О проекте Административного процессуального кодекса Республики Казахстан: Постановление Правительста Республики Казахстан от 30 сентября 2009 года № 1474. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P090001474_ (23.02.2025).

58. О судех и статусе судей в Республике Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу Конституционного закона, от 20 декабрия 1995 г. № 2694 // Ведомости Верховного Совета РК. 1995. № 23. Ст. 147.

59. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан: Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабрия 2000 года № 132 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2000. № 23. Ст. 410.

60. О судостројстве Казахской ССР: Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 23 ноябрия 1990 года // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1990. № 48. Ст. 443.

61. Об административных правонарушених: Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ZRK // Ведомости Парламента РК 2014. № 18-II. Ст. 92.

62. Об образовании специализированных межрайонных экономических и административных судов: Указ Президента Республики Казахстан от 9 февраля 2002 г. // Собрание актов Президента Республики Казахстан и Правительста Республики Казахстан. 2002. № 6. Ст. 38.

63. Об образовании, реорганизации и упразднении некоторых районных и приравненных к ним судов Республики Казахстан: Указ Президента Республики Казахстан от 9 сентября 2004 года № 1437 // SAPP Республики Казахстан. 2004. № 33. Ст. 441.

64. Об отзые из Мажилиса Парламента Республики Казахстан проектов кодексов «Административный процессуальный кодекс Республики Казахстан», «Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (новая редакция)» и проекта закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам административного процессуального законодательства»: Постановление Правительста Республики Казахстан от 6 августа 2010 года № 804. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P100000804_/info (23.02.2025).

65. Об утверждении Плана мероприятий на 2013 год по реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Постановление Правительста Республики Казахстан от 13 марта 2013 года № 238 (см. пункт 4). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000238> (23.02.2025).

66. Об утверждении Плана мероприятий на 2014 год по реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Постановление Правительста Республики Казахстан от 31 марта 2014 года № 289 (см. пункт 2). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31533647 (23.02.2025).

67. Об утверждении Плана мероприятий на 2015 год по реализации Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Постановление Правительста Республики Казахстан от 31 марта 2015 года № 167 (п. 19). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500000167> (23.02.2025).

68. Овсыанников Ю.Н. Идеи полицейстики в советский период развития административно-правовой науки // Управленческое консултирование, 2015, № 4, С. 153-166.

69. Подопригора Р. Административная юстиция в Казахстане: история, состояние, перспективы // Право и государство. 2014. № 4. С. 46-56.

70. Подопригора Р.А. Административная юстиция в Казахстане: история, состояние перспективы. URL: <https://online.zakon.kz> (23.02.2025).

71. Подопригора Р.А. Аналитическая записка «Стратегические вопросы развития административной юстиции в Казахстане». URL: <https://lprc.kz/wp-content/uploads/2020/01/Strategicheskie-voprosy-razvitiya-administrativnoj-yusticii-v-Kazahstane-1.pdf> (23.02.2025).

72. Подопригора Р.А. Концепция правовой политики Республики Казахстан и развитие административно-права // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2009. № 4. С. 11-13.

73. Послание Президента страны народу Казахстана «Казахстан – 2030: процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев», г. Астана, 10 октябрия 1997 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1015368&pos=2;-34#pos=2;-34 (23.02.2025).

74. Sabitova A.A. Perspektivy razvitiya administrativnogo sudoproizvodstva kak garantii zashchity prav grazhdan Respubliki Kazahstan // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2015. № 3 (33). S. 36-41.

75. Smokovich M.I., Bevzenko V.M. Administrativnij proces Ukraïni : teoriya, praktika: Pidruchnik. Zag. red. d. yu. n., prof. Bevzenka V.M. Per. z nim. i adapt. Rizhkova G.V. Vidannya druge, zminene, dopovnene i pereroblene. Kiiiv: VD «Dakor», 2021. 1346 s.

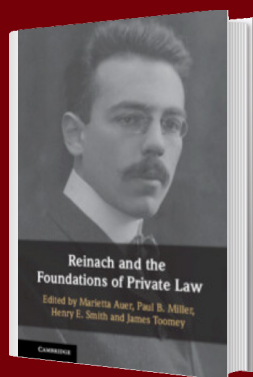
76. Starilov YU.N. Administrativnaya yusticiya v Rossii // Lex Russia. 2016. № 1, S. 21-33.

77. Tyan. V. Evolyuciya vlasti i liberalizaciya obshchestvennoj i kul'turnoj zhizni v SSSR v period hrushchevskoj «otpepli» // Vlast'. 2011. № 9. S. 139-142.

78. СHehot D.M. Administrativnaya yusticiya (teoreticheskie problemy). L., 1973. 133 s.

Для цитирования и библиографии: Мельник Р. С. Основные исторические этапы развития административной юстиции в Казахстане // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 6-28. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_6

Материал поступил в редакцию 23.03.2025

НОВЫЕ КНИГИ

Reinach and the Foundations of Private Law. Cambridge University Press, 2025. 333 p.

ISBN: 9781009445993

This volume introduces the legal philosopher Adolf Reinach and his contributions to speech act theory, as well as his analysis of basic legal concepts and their relationship to positive law. Reinach's thorough analysis has recently garnered growing interest in private law theory, yet his 'phenomenological realist' philosophical approach is not in line with contemporary mainstream approaches. The essays in this volume resuscitate and interrogate Reinach's unique account of the foundations of private law, situating him in contemporary private law theory and broader philosophical currents. The work also makes Reinach's methods more accessible to those unfamiliar with early phenomenology. Together these contributions prove that while Reinach's perspective on private law shares similarities and points of departure with trends in today's legal theory, many of his insights remain singular and illuminating in their own right.

МИНИМАЛИЗМ И ЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОНТОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ ЛОРЕНЦА КЭЛЕРА

В.В. ОГЛЕЗНЕВ, д.ф.н., профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета, e-mail: ogleznev82@mail.ru

Актуальность темы статьи связана с раскрытием и объяснением основных положений минималистской теории юридической обязанности немецкого философа права Лоренца Кэлера, которые представлены в статье «О минималистском понимании юридической обязанности», публикуемой в настоящем номере. *Предметом исследования* является онтология юридических обязанностей, проявляющаяся в таких необходимых их свойствах, как направленность на действие, указание на обязанное лицо и нормативное требование. *Цель работы* заключается в изложении теории немецкого философа права через критический анализ отдельных ее элементов. Основными *методами* исследования выступают историко-философский анализ и контекстуальная интерпретация. *Новизна* исследования состоит в том, что впервые на русском языке разбирается оригинальная теория юридической обязанности, непохожая ни на что в современной юридической литературе. *Основные выводы статьи* заключаются в экспликации основных аргументов теории юридической обязанности Л. Кэлера.

Ключевые слова: юридическая обязанность, существование, онтология права, метафизика права, пропозициональное содержание, идеальные сущности, эмпирические факты, нормы права, Л. Кэлер

Введение

Статья современного немецкого философа права Лоренца Кэлера “Towards a Minimal Concept of Legal Obligation” [5], перевод на русский язык которой публикуется в настоящем номере, представляет собой оригинальную философско-аналитическую попытку установить необходимые и достаточные признаки понятия «юридическая обязанность», опираясь не на лингвистический или позитивистский подход, а на разумные универсальные основания или, словами автора, на рациональное конструирование этого понятия (reason-based construction). Он отвергает идею, что понятие обязанности может быть выведено из языковой практики (практики его употребления в естественном языке) или анализа отдельной правовой системы, и предлагает новую, «очищенную» его версию, построенную на анализе трех ключевых признаков, обнаруживаемых у всех юридических обязанностей: направленность на действие (reference to an action), указание на обязанное лицо (reference to a person) и нормативное требование (normative requirement). Более того, важной предпосылкой рассуждения Л. Кэлера об юридических обязанностях становится утверждение, что эта правовая категория представляет собой онтологически идеальную сущность, обладающую нематериальным характером и пропозициональным содержанием. Именно допущение онтологической идеальности обязанности (как мы далее увидим) позволяет ему установить эти три необходимых признака и подчеркнуть необязательность и нерелевантность других.

Хотя данный подход заявлен как универсалистский и минималистский, он не лишен недостатков как методологического, так и содержательного характера. Ведь автор не претендует на окончательность своих выводов, напротив, он предлагает рассмотреть ряд взаимосвязанных аргументов, касающихся природы юридической обязанности, и открыто приглашает к дискуссии.

В ходе работы над переводом указанной статьи Л. Кэлера мне представилась возможность уточнить у него не только отдельные положения, но и логику его рассуждения. Поэтому я позволю себе выйти за рамки академической сдержанности и в этом коротком комментарии поделиться своими соображениями как о сильных, так и уязвимых сторонах его концепции.

Методы исследования

Л. Кэлер отвергает два традиционных подхода к определению юридической обязанности: (1) через анализ языковой практики (анализ словоупотребления) и (2) через эмпирическое описание конкретной правовой системы. Оба метода, по его мнению, слишком ограничены: первый фиксирует лишь то, как понятие используется, но не раскрывает его сущностную структуру, а второй страдает контингентностью и не дает уверенности в универсальности выводов.

Вместо этого автор избирает третий путь – рациональное конструирование понятия обязанности через выявление его необходимых признаков, обнаруживаемых в контексте любой правовой системы. В частности, он утверждает, что существует лишь одно естественное понятие обязанности, а не множество понятий, из которых разные языки и правовые системы могут выбрать какое-то конкретное. Таким образом, используя комбинацию методов аналитической и трансцендентальной философии, он пытается эксплицировать условия возможности юридической обязанности, а не ее эмпирические проявления. Иными словами, автор выстраивает понятие обязанности как условия возможности нормативного регулирования, отказываясь при этом от любых эмпирических или социологических ограничений.

Такая на первый взгляд неожиданная методологическая стратегия обладает рядом достоинств. Прежде всего тем, что она позволяет при соблюдении требования аналитической строгости формулировать нетривиальные онтологические допущения. Однако именно это стремление к абстрактной концептуальной ясности делает ее уязвимой для критики, что норма права, в которой содержится юридическая обязанность, оказывается как бы изолированной от условий ее действия, признания и воспроизводства в конкретном институциональном контексте.

Результаты

1. Минималистская структура обязанности

Л. Кэлер утверждает, что о существовании юридической обязанности можно говорить, только если одновременно выполняются три условия:

есть указание на действие, которое должно быть совершено (или которого следует воздерживаться),

есть указание на обязанного субъекта – физическое или юридическое лицо,

есть нормативное требование, выраженное посредством таких деонтических модальностей, как «следует», «обязан», «должен».

Эти три элемента, по мнению автора, являются необходимыми и достаточными основаниями для признания обязанности юридической. Все остальные характеристики – указание на лицо, имеющее право требовать исполнения обязанности (reference to an obligee), указание на лицо, установившее обязанность (reference to an obligating person), а также наличие санкции – рассматриваются как необязательные, производные признаки, зависящие от конкретных условий правовой системы, но не определяющие само понятие обязанности.

Такая минималистская трактовка, с одной стороны, позволяет четко отделить юридическую обязанность от описания эмпирических фактов (то есть конкретных действий, уже совершенных или совершаемых) или от ситуаций вынужденного поведения (being obliged), когда отсутствует нормативное требование совершить определенное действие. Так, концепция Л. Кэлера позволяет различать ситуации легитимного нормативного предписания и простого принуждения (как в хартовском примере с вооруженным грабителем [3, с. 88-89], где жертва «вынуждена» отдать деньги грабителю, но не «обязана» это делать в нормативном смысле). Однако, с другой стороны, та же минималистская установка порождает концептуальное сомнение: насколько правомерно считать юридической обязанность, которая не подкреплена санкцией, или которая не предполагает корреспондирующего субъективного права? Ведь в большинстве правовых систем именно наличие санкционного механизма служит критерием юридической валидации нормы.

На это возражение Л. Кэлер отвечает тем, что санкция не входит в сущностную структуру обязанности, поскольку нормативное требование может существовать независимо от его принудительного обеспечения. По его мнению, санкционируемость – это производный признак, обусловленный институциональной практикой, но не логикой самой нормы. Иными словами, нормативное требование не зависит от наличия санкции, хотя санкция может служить способом его реализации или поддержания в конкретной правовой системе. Санкция – это лишь реакция на нарушение, но не источник нормативной силы самой нормы.

Такое рассуждение открывает путь к признанию символических, морально значимых или институционально несанкционируемых обязанностей как полноценных юридических обязанностей. Вместе с тем оно размывает традиционное различие между правом и моралью, поскольку последняя также предполагает нормативные требования без санкции и без корреспондирующих субъективных прав. Таким образом, возникает необходимость в дополнительном критерии, позволяющем различать юридическое и моральное нормативное содержание при отсутствии санкции. Однако Л. Кэлер не предлагает четкой онтологической границы между ними.

Еще одним новаторским и одновременно спорным утверждением является то, что обязанность может существовать без лица, в интересах которого она должна быть исполнена (*obligee*). В качестве примера Л. Кэлер приводит нормы экологического права, предписывающие не загрязнять окружающую природную среду, не будучи адресованными конкретному лицу или институту. Это логически возможно, особенно если принять точку зрения, что нормативность – это прежде всего пропозициональное содержание, а не условие юридической валидности обязанности.

Однако если нет лица, в чьих интересах возникает обязанность, то на каком основании она может быть оспорена, защищена или реализована? Л. Кэлер, разводя понятия юридической обязанности и субъективного права, что может быть адекватным в отдельных отраслях публичного права (например, в экологическом праве), не анализирует, какое влияние этот подход может оказать на правовые средства защиты и институциональную структуру правопорядка. Отсюда возникает опасность того, что понятие юридической обязанности будет отделено от понятия субъективного права настолько, что потеряет свою институциональную значимость. Это особенно чувствительно для правовых систем, в которых корреспонденция обязанностей и прав является системообразующим элементом.

Таким образом, такой минимализм в определении юридической обязанности хотя и придает ему аналитическую строгость, но при этом ослабляет институциональную определенность и требует более глубокой проработки статуса санкции и субъективного права как не просто вторичных, а функционально необходимых компонентов правопорядка.

2. Обязанность как онтологически идеальное положение дел

Ключевой идеей теории немецкого правоведа является утверждение, что юридическая обязанность – это онтологически идеальная сущность, не являющаяся ни вещью, ни абстрактным объектом. Юридическая обязанность, как и другие онтологически идеальные сущности (например, математические формулы, логические структуры, рассказы и т.п. [1, с. 54; 2, с. 10; 4, р. 402; 5, р. 9; 6, р. 214]), имеет нематериальный характер в силу того, что она выражает не фактическое положение дел, а смысловое содержание правовой нормы в форме пропозиции, в центре которой – указание на определенное действие или отказ от него. Хотя сами предписываемые действия обычно реализуются в физическом мире, их нормативность не имеет материальной природы. Даже если обязанность сформулирована в рамках конкретного языка, ее содержание не ограничено этой языковой формой – оно может быть переформулировано иными средствами, не теряя своей идентичности. Именно это указывает на то, что обязанность обладает пропозициональным содержанием, не сводимым к языковому или физическому носителю и не зависящим от психических актов восприятия. При этом действительность того положения дел, на которое ссылается обязанность, не влияет на сам факт ее существования: обязанность сохраняет силу даже в случае, если предписанное действие не выполнено или не будет реализовано никогда. Ее функция состоит не в описании сущего, а в указании на то, что должно быть, несмотря на его возможное отсутствие в настоящем.

Такой подход, позволяющий обосновать устойчивость норм вне зависимости от их материального воплощения (обязанность не исчезает при уничтожении текста закона, она существует как смысловая структура), представляет собой секуляризованную версию платонизма, в котором «мир

норм» – это не трансцендентная область, но рационально артикулируемая структура. С этой точки зрения такие явления, как права и обязанности, можно с полным основанием рассматривать как онтологически идеальные. Их существование аналогично существованию платоновских идей: они не сводятся к своим эмпирическим проявлениям, не тождественны конкретным нормам, законам или правовым институтам. Их онтологическая идеальность не связана с содержательной справедливостью, легитимностью или валидностью. Ведь даже аморальные, фиктивные или давно забытые нормы, считает Л. Кэлер, продолжают существовать как идеальные объекты, поскольку обладают теми же формальными характеристиками: нематериальностью и пропозициональной структурой. Следовательно, понятия «право», «обязанность», «разрешение» и т.п. представляют собой онтологически идеальные сущности, существование и интерпретируемость которых возможны независимо от их применения, оценки или санкционирования.

Однако подобное абстрагирование юридической обязанности от условий ее институционального функционирования вызывает сомнение. Значение нормативного предписания, а следовательно, и самой обязанности, реализуется только в определенной языковой, социальной и интерпретативной среде. Обязанность, как и норма, в которой она выражена, не может быть понята вне контекста ее применения. Она не предшествует своему же применению, а существует через него. Отделение обязанности от ее институциональных и лингвистических воплощений рискует превратить ее в онтологический фантом, лишенный прагматической определенности. Юридическая обязанность, по моему мнению, не является идеальной сущностью в том смысле, в каком ей является число π или теорема Пифагора. Она не существует как бы «сама по себе» и лишь случайно находит выражение в конкретных институтах. Напротив, она есть продукт и одновременно элемент социально-языковой практики, возникающий и действующий в конкретных правовых системах. В этом смысле обязанность существует не «где-то вовне», а в тех речевых актах, институциональных процедурах и ожиданиях, которые ее порождают и воспроизводят.

В стремлении подчеркнуть нематериальный характер юридической обязанности Л. Кэлер склоняется к ее реификации: рассматривает обязанность как существующую независимо от конкретной юридической практики. Но тем самым он переоценивает устойчивость нормативного смысла, абстрагируя его от условий intersubjectивного признания и применения. Между тем, нематериальность юридической обязанности можно объяснить и без введения онтологически особого измерения: она нематериальна не потому, что принадлежит внеэмпирическому уровню бытия, а потому что реализуется в языке и институциональных действиях, опирающихся на социальное признание, а не на физическую данность.

3. Проблема недействительных обязанностей

Проблема недействительных обязанностей в онтологии Л. Кэлера занимает особое место и связана со стремлением строго различать существование обязанности и ее юридическую действительность (валидность). Это разграничение позволяет ему утверждать, что даже недействительная обязанность может оставаться обязанностью пусть и не обязывающей в юридическом смысле. Однако такой подход порождает ряд философских и юридических трудностей, на которых следует остановиться подробнее.

Как уже было сказано, юридическая обязанность, по мнению немецкого правоведа, обладает пропозициональным содержанием, то есть представляет собой высказывание вида: «А должен сделать ϕ », где А – обязанный субъект, а ϕ – предписанное действие. Здесь важно то, что даже если условие действительности не выполнено (например, обязанность издана неправомочным органом), сама эта пропозиция сохраняется как высказывание, претендующее на нормативную силу.

Л. Кэлер особо подчеркивает, что даже ошибочное или нелегитимное притязание на обязанность остается обязанностью – просто недействительной. Он аналогично отличает пропозициональное содержание от условий истинности: то, что обязанность существует как смысловая структура, не гарантирует ее обязательность в юридическом смысле. Это позволяет ему объяснять явления вроде неконституционных законов, команд, изданных без должных полномочий, принуждающих высказываний, не имеющих нормативной силы (например, «Кошелек или жизнь!»).

Проблема, однако, состоит в следующем: что именно означает «существовать» для недействительной обязанности? Если ее существование не предполагает ни легитимности, ни институциональной силы, ни применения, в каком смысле она остается «обязанностью», а не,

скажем, языковым симулякром? Ведь одна из функций права – это проводить различие между должным и недолжным, а не только констатировать, что некие притязания были сделаны. Поэтому если мы признаем, что всякое нормативное высказывание формы «А должен сделать ф» уже является юридической обязанностью, мы размываем границу между правом и его имитацией. Так, угроза вооруженного грабителя («Кошелек или жизнь!») может быть интерпретирована как притязание на обязанность, но будет ли это «обязанностью», пусть даже недействительной? Или же это просто имитация правовой формы, лишённая юридического содержания? Последнее создает еще и угрозу того, что любой акт, имитирующий форму предписания, может быть воспринят как потенциальная обязанность, даже если у него нет юридического основания.

Кроме того, признание недействительных обязанностей «реально существующими» ведет к своеобразному нормативному инфляционизму. Мы получаем множество «призрачных» обязанностей, которые не обязывают, не поддерживаются институтами, не могут быть реализованы, но тем не менее считаются «обязанностями». Это онтологически расширяет понятие нормы, но юридически его ослабляет, поскольку утрачивается критерий релевантности: что отличает норму, подлежащую исполнению, от нормы, существующей лишь как претензия? Л. Кэлер отвечает на этот вопрос утверждением, что валидность – это не условие существования нормы, а условие ее действия. Это разумное различие, но оно работает только при наличии независимого механизма, определяющего эту валидность. Но в теории Л. Кэлера таких жестких институциональных критериев валидности просто не предусмотрено. Хотя он говорит о «нормативной силе» как независимой от институционального признания, но не указывает, как она может быть обоснована – через легитимность? процедуру? соответствие морали?

Заключение

Минималистская концепция юридической обязанности Л. Кэлера предлагает ясную и рационально реконструированную модель, свободную от эмпирических, институциональных и культурных особенностей конкретных правовых систем. Что является ее несомненным достоинством. Однако в стремлении к метафизической универсальности немецкий правовед сознательно отказывается от эмпирических и социологических аспектов, рискуя тем самым утратить связь с юридической практикой. Его теория, несмотря на внутреннюю логическую стройность, требует постоянной коррекции с учетом языковых, институциональных и интерпретативных условий, в которых нормы реально существуют, функционируют и производят правовые последствия. Без этого теория может потерять свою нормативную продуктивность и превратиться в отвлеченную, онтологически самодостаточную конструкцию, подобную платоновским сущностям – строгую, но не применимую.

Тем не менее, предложенная Л. Кэлером модель позволяет переосмыслить базовые юридические категории, такие как «обязанность», «норма», «санкция», «юридическая сила» и др. Более того, она способствует уточнению границ между юридическим и моральным, между действием и принуждением, между формой и содержанием нормативного высказывания.

В.В. Оглезнев, ф.г.д., Санкт-Петербург мемлекеттік университетінің құқық факультеті мемлекет және құқық теориясы мен тарихы кафедрасының профессоры (Санкт-Петербург қ., Ресей); Горно-Алтай мемлекеттік университетінің жетекші ғылыми қызметкері: Минимализм және оның шектеулері: Лоренц Кэлердің құқықтық міндет онтологиясына сыни талдау.

Мақала тақырыбының өзектілігі неміс құқық философы Лоренц Кэлердің осы шығарылымда жарияланған «Құқықтық міндетті минималистік түсіну туралы» атты мақаласында ұсынған құқықтық міндеттің минималистік теориясының негізгі ережелерін ашу мен түсіндіруге байланысты. Зерттеудің тақырыбы құқықтық міндеттердің онтологиясы, ол олардың қажетті қасиеттерінде көрініс табады: әрекетке бағытталуы, міндетті тұлғаны көрсетуі және нормативтік талапты қамтуы. Зерттеудің мақсаты – неміс құқық философиясының теориясын оның жекелеген элементтеріне сыни талдау арқылы баяндау. Зерттеуде қолданылатын негізгі әдістер – тарихи-философиялық талдау мен контекстуалдық интерпретация. Зерттеудің жаңашылдығы – қазіргі құқықтық әдебиетте баламасы жоқ, түпнұсқа құқықтық міндет теориясының алғаш рет орыс тілінде егжей-тегжейлі талдануында. Мақаланың негізгі қорытындылары Л. Кэлердің құқықтық міндет теориясының басты дәлелдерін ашып көрсетуге бағытталған.

Түйінді сөздер: құқықтық міндет, болмыс, құқық онтологиясы, құқық метафизикасы, пропозиционалдық мазмун, идеалдық мәндер, эмпирикалық фактілер, құқық нормалары, Л. Кэлер.

Vitaly V.V. Ogleznev, DSc in Philosophy, Professor, Department of the Theory and History of the State and Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University (Санкт-Петербург к., Ресей); Leading Research Fellow, Gorno-Altai State University: Minimalism and Its Limits: A Critical Analysis of Lorenz Kaehler's Ontology of Legal Obligation.

The relevance of topic lies in the exposition and analysis of the main tenets of the minimalist theory of legal obligation proposed by Lorenz Kaehler, German legal philosopher, as presented in his article "Towards a Minimal Concept of Legal Obligation", published in the current issue. *The subject of study* is the ontology of legal obligations, understood through such necessary features as reference to an action, reference to a person, and the presence of normative requirement. *The aim* of the article is to present Kaehler's theory through a critical analysis of its key components. *The main methods* employed are historical-philosophical analysis and contextual interpretation. *The novelty of research* lies in the fact that it is the first Russian-language analysis of an original theory of legal obligation, which stands apart from contemporary legal literature. *The main conclusions* consist in an explication of Kaehler's core arguments concerning the structure and ontological status of legal obligation.

Keywords: legal obligation, existence, ontology of law, metaphysics of law, propositional content, ideal entities, empirical facts, legal norms, L. Kähler.

Список литературы:

1. Кэлер Л. Ослабленная реальность права // Право и государство. 2023. № 1(98). С. 40–59.
2. Оглезнев В.В. В каком смысле право реально? Теория онтологической идеальности права Лоренца Кэлера // Право и государство. 2023. № 1(98). С. 6–15.
3. Харт Г.А.А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.
4. Kähler L. Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts // ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 2021. Vol. 107, No. 3. P. 392–416.
5. Kaehler L. Towards a Minimal Concept of Legal Obligation // Theories of Legal Obligation / eds. D. Beyleveld, S. Berteau. Cham: Springer, 2024. P. 7–26.
6. Kaehler L. What Is the Ideal Dimension of Law? // Ratio Juris. 2024. Vol. 37. No. 3. P. 210–229.

References (transliterated):

1. Hart H.L.A. Ponjatje prava [The Concept of Law]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007.
2. Kähler L. Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts // ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 2021. Vol. 107, No. 3. P. 392–416.
3. Kaehler L. Oslablennaja real'nost' prava [The Attenuated Reality of Law]. Pravo i gosudarstvo. 2023. № 1(98). P. 40–59.
4. Kaehler L. Towards a Minimal Concept of Legal Obligation // Theories of Legal Obligation / eds. D. Beyleveld, S. Berteau. Cham: Springer, 2024. P. 7–26.
5. Kaehler L. What Is the Ideal Dimension of Law? // Ratio Juris. 2024. Vol. 37. No. 3. P. 210–229.
6. Ogleznev V.V. V kakom smysle pravo real'no? Teorija ontologicheskoy ideal'nosti prava Lorenca Kjelera [In What Sense is a Law Real? Lorenz Kähler's Theory of The Ontological Ideality of Law]. Pravo i gosudarstvo. 2023. № 1(98). P. 6–15.

Для цитирования и библиографии: Оглезнев В.В. Минимализм и его ограничения: критический анализ онтологии юридической обязанности Лоренца Кэлера // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 29–34. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_29

Материал поступил в редакцию 18.02.2025

АКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ФИНАНСОВОГО ЦЕНТРА «АСТАНА» И СИСТЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

С.К. ИДРЫШЕВА, д.ю.н., Professor Emeritus Высшей школы права Maqсут Narikbayev University (Республика Казахстан, г. Астана), e-mail: isk.80@mail.ru

Актуальность избранной нами темы обусловлена ее неразработанностью в юридической науке Казахстана и новизной рассматриваемой ситуации. Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА) является особым анклавом на территории столицы Казахстана, где законодательство формируется по законам Англии и Уэльса, причем только на английском языке, который не является ни государственным, ни языком межнационального общения. Однако в последние пять лет в Казахстане многие граждане осуждены за незаконную предпринимательскую деятельность в сфере оборота криптовалюты по мотиву несоблюдения ими законодательства МФЦА.

Целью исследования является определение вопросов обоснованности привлечения граждан к уголовной ответственности в аспекте соотношения законодательства МФЦА с законодательством Республики Казахстан. Автором выявлено, что поскольку право МФЦА основано на праве Англии и Уэльса, все правовые акты издаются на английском языке, не проходят процедуру обязательного опубликования на государственном и русском языках в установленных государством изданиях. Все нормы о порядке оборота цифровых активов закреплены в правовых актах МФЦА на английском языке; в общедоступных базах законодательства государства они отсутствуют.

Новизна исследования состоит в том, что научные изыскания по теме статьи в Казахстане и зарубежных странах не проводились. В качестве методов исследования применены всеобщий диалектический метод познания, логический метод, формально-юридический. Эмпирический метод использован путем изучения автором более пяти судебных приговоров по уголовным делам по статье 214 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

В результате сделан вывод о том, что согласно Конституции Республики Казахстан и Закону «О правовых актах» нормы, касающиеся прав и обязанностей граждан, а также затрагивающие интересы предпринимателей, должны быть обязательно опубликованы; неопубликованные акты не применяются. В этой связи правовые акты МФЦА, издаваемые на английском языке и публикуемые только на сайте данного анклава, не могут быть использованы органами уголовного преследования и судами для обоснования объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 214 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Ключевые слова: система права государства; Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА); действующее право; уголовная ответственность; язык законодательства; опубликование законов; права и обязанности граждан; интересы предпринимателей; обеспеченные и не обеспеченные цифровые активы; анклав.

Введение

В последние годы правоохранительными органами Республики Казахстан возбуждается достаточно много уголовных дел, связанных с незаконным оборотом необеспеченных цифровых активов и получением доходов в крупных и особо крупных размерах (статья 214 Уголовного Кодекса Республики Казахстан – далее: УК РК). Объективная сторона преступления обосновывается в обвинительных заключениях как незаконное занятие предпринимательской деятельностью без получения соответствующей лицензии путем купли-продажи, обмена необеспеченных цифровых

активов без лицензии, выданной Комитетом МФЦА о регулировании финансовых услуг. Между тем уполномоченный государственный орган занимается выдачей лицензий в сфере цифровых активов только для занятия майнинговой деятельностью. Деятельность же по обороту криптовалюты (покупка, обмен, продажа) подлежит лицензированию в совершенно другой юрисдикции – специальном подразделении Международного финансового центра «Астана» (МФЦА). Законодательство МФЦА ведется только на английском языке и не публикуется в соответствии с пунктом 4 статьи Конституции РК и Законом «О правовых актах» в официальных государственных изданиях на казахском и русском языках.

Целью работы является определение законности привлечения граждан к уголовной ответственности за деяние, правила совершения которого закреплены актами, не входящими в состав действующего права государства и на официальном языке другого государства.

В этой связи подлежит рассмотрению вопрос о законности вменения в вину гражданам невыполнения ими нормативных процедур, предусмотренных не законами государства, а подзаконными актами анклава, не доступными для основной массы населения государства.

Материалами для исследования по заявленной теме послужили изученные автором акты обвинения и приговоры по уголовным делам, возбужденным по статье 214 УК РК, в рамках дачи заключений в качестве специалиста; нормы Конституции, конституционных законов и иных нормативных правовых актов (далее – НПА) Республики Казахстан и МФЦА.

Материалы и методы

Данная тема не была предметом исследования в отечественной и зарубежной юридической литературе. Поэтому для достижения цели исследования кроме общедиалектических методов познания избраны специальные юридические методы, основным из которых является формально-юридический метод, позволивший проанализировать смысл и содержание положений НПА. Сравнительно-правовой метод применялся при анализе соответствия норм законодательства Республики Казахстан и законодательства МФЦА. Хронологический метод позволил определить момент начала правового регулирования рассмотренных общественных отношений, динамику правового регулирования. Материалы практики были изучены автором при выполнении научно-правовых исследований в качестве специалиста, привлекаемого в ходе расследования уголовных дел экономической направленности.

Основная часть исследования

Международный финансовый Центр «Астана» (МФЦА) – это в соответствии с одноименным Конституционным законом «территория в пределах города Астаны с точно обозначенными границами, определяемыми Президентом Республики Казахстан, в которой действует особый правовой режим в финансовой сфере» [1]. Статьей 4 данного Закона определено, что право Республики Казахстан применяется в МФЦА только «в части, не урегулированной настоящим Конституционным законом и актами Центра».

В статье 4 Конституции Республики Казахстан регламентировано: «Действующим правом в Республике Казахстан являются нормы Конституции, соответствующих ей законов, иных нормативных правовых актов, международных договорных и иных обязательств Республики, а также нормативных постановлений Конституционного Суда и Верховного Суда Республики». Тем самым, законодательство МФЦА не входит в систему действующего права Республики Казахстан.

Данная тема не была предметом исследования в отечественной и зарубежной юридической литературе. Поэтому для достижения цели исследования кроме общедиалектических методов познания избраны специальные юридические методы, основным из которых является формально-юридический метод, позволивший проанализировать смысл и содержание положений НПА. Сравнительно-правовой метод применялся при анализе соответствия норм законодательства Республики Казахстан и законодательства МФЦА. Хронологический метод позволил определить момент начала правового регулирования рассмотренных общественных отношений, динамику правового регулирования. Материалы практики были изучены автором при выполнении научно-правовых исследований в качестве специалиста, привлекаемого в ходе расследования уголовных дел экономической направленности.

Обзор литературы по теме данной статьи будет unsuccessful, так как в юридической литературе избранная нами тема не рассматривалась до настоящего времени. Имеются лишь публикации по общим вопросам деятельности МФЦА и отдельно о системе законодательства Республики Казахстан. Из числа последних работ можно назвать статьи Сулейменова М.К. «Система права и система законодательства Казахстана: выбор пути» [2]; «Английское право и правовая система Казахстана» [3], которые посвящены иным общим и специальным вопросам, не относящимся непосредственно к нашей теме. В статье Батырбековой Д.С. [4] рассмотрены совершенно иные аспекты соотношения названных правовых систем: о вопросах возможной рецепции английского права в право Казахстана и о действии права МФЦА в пространстве. Из общетеоретических работ приведем статью Муканова Р.Ж. об эволюции правовой системы Казахстана [5]. Кроме того, о правовой системе Казахстана в прежние годы были защищены ряд диссертаций, но безотносительно к праву МФЦА.

Общеизвестно, что правовое регулирование общественных отношений в любом правовом государстве осуществляется самим государством. Необходимость в правовом регулировании организации и деятельности в сфере цифровых активов появилась в Казахстане, как и во многих иных государствах, в последние несколько лет, поскольку именно в эти годы под воздействием внешних глобализационных процессов и внутренних процессов динамичного развития цифровых технологий сложился и продолжается развиваться такой сегмент цифровых технологий как цифровые активы. Республика Казахстан принимает меры для упорядочения организации данной сферы, внося первоначально соответствующие изменения и дополнения в Закон РК «Об информатизации», затем приняв конституционный закон о внесении изменений и дополнений в конституционный закон «О МФЦА», а также приняв специальный закон «О цифровых активах в Республике Казахстан» [6]. На основе и во исполнение названных законов центральным исполнительным органом и соответствующими министерствами были изданы подзаконные акты, уточняющие и дополняющие нормы законодательных актов. В качестве таковых можно назвать утвержденные приказом министра «Перечень видов обеспеченных цифровых активов, признаваемых на территории Республики Казахстан» [7], «Правила оформления решения о выпуске обеспеченных цифровых активов» [8] и др.

Однако о необеспеченных цифровых активах, порядке их оборота в Казахстане нет нормативного правового акта, а имелись только общие положения закона «Об информатизации» о запрете их применения (с 25.06.2020 г. до марта 2023 г.) [9]. Официального сообщения уполномоченного государственного органа (Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан) в общедоступных средствах массовой информации о необходимости регистрации участников оборота цифровых активов в Комитете МФЦА не имелось. Делегирование правомочий по правовому регулированию общественных отношений в рассматриваемой сфере особому анклаву в независимом государстве – МФЦА – с изданием нормативных актов на английском языке и не от имени государства, представляется нарушающим основы конституционных принципов правового и демократического государства.

Обозначим аргументы, подтверждающие наши рассуждения.

Во-первых, в соответствии с п. 4 статьи 4 Конституции Республики Казахстан: «Все законы, международные договоры, участником которых является Республика, публикуются. Официальное опубликование НПА, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан, является обязательным условием их применения».

Акты МФЦА принимаются не от имени Республики Казахстан и публикуются не на казахском и русском языках, не в установленных Республикой Казахстан для официальной публикации НПА изданиях, а только на веб-сайте МФЦА.

Подпунктом 30) статьи 1 Закона РК «О правовых актах» предусмотрено: официальное опубликование нормативного правового акта – это публикация для всеобщего сведения полного текста НПА *на казахском и русском языках* в Эталонном контрольном банке НПА РК в электронном виде, в официальных печатных изданиях, а также в периодических печатных изданиях в случаях, предусмотренных настоящим законом [10].

Статья 37 данного Закона уточняет, что официальными печатными изданиями являются Ведомости Парламента РК, Собрание актов Президента и Правительства Республики Казахстан, Вестник Национального Банка РК. «Официальное опубликование законодательных актов осуществляется

также периодическими печатными изданиями, получившими такое право на конкурсной основе, в порядке, определяемом Правительством Республики Казахстан».

При этом первое официальное опубликование НПА должно быть осуществлено одновременно на государственном и русском языках в течение 30 календарных дней после дня их вступления в силу.

В этой связи делегирование функций по правовому регулированию общественных отношений в сфере цифровых активов анклаву в лице МФЦА представляется применительно к данной теме откровенно нарушающим конституционные права и свободы всех участников гражданских правоотношений в Республике Казахстан.

Законом РК «О разрешениях и уведомлениях» с момента его принятия не было предусмотрено лицензирование деятельности в сфере цифровых активов [11]. Впервые дополнение об обязательном лицензировании в сфере деятельности с цифровыми активами, и только для майнинговой деятельности, было внесено лишь Законом РК от 6 февраля 2023 г. (подпункт 27 статьи 28 введен в действие с 1 апреля 2023 г.). [12].

Следовательно, в вину гражданам не могло быть вменено занятие предпринимательской деятельностью в сфере оборота криптовалюты без лицензии до 10 марта 2023 г., тогда как уголовные дела стали возбуждаться и направляться в суд за деяния, совершаемые еще с 2017 г.

Следующий аргумент в поддержку нашей позиции: пунктом 3 статьи 33-1 Закона РК «Об информатизации» было предусмотрено: «3. Выпуск и оборот необеспеченных цифровых активов на территории Республики Казахстан запрещаются, за исключением случаев, предусмотренных законами Республики Казахстан».

Однако со дня введения в действие Закона «Об информатизации» и до апреля 2023 г. ни в одном законе Республики Казахстане не было норм (даже бланкетных) о регулировании порядка разрешения выпуска и оборота необеспеченных цифровых активов. По умолчанию в границах МФЦА применялись нормы подзаконного акта, т.е. Правил МФЦА № FR0002 2017 г. с изменениями от 26 октября 2021 г., но оно было опубликовано только в недоступной для основной массы населения системе МФЦА и только на английском языке [13].

Как отмечено выше, уголовные дела по статье 214 УК РК начали возбуждаться за деяния, совершенные гражданами в отношении криптовалюты с 2017 г. [14; 15]. Но при этом в Казахстане не было ни одного НПА, регламентирующего законный порядок создания и оборота криптовалюты. С каждым годом количество возбужденных уголовных дел и осужденных лиц увеличивается. Так, только за первое полугодие 2024 г. по статье 214 УК РК было возбуждено 12 уголовных дел. [16; 17].

Лишь конституционным законом РК от 30 декабря 2022 г. Конституционный закон «О МФЦА» был дополнен статьей 4-1 следующего содержания:

«Статья 4-1. Особый режим регулирования в сфере цифровых активов

1. Понятие и виды цифровых активов, а также порядок и условия выпуска (за исключением цифрового майнинга), размещения, обращения, хранения цифровых активов в Центре определяются актами Центра.
2. Требования к биржам цифровых активов и порядок их лицензирования в Центре определяются актами Центра» и т.д. [18]

Буквальный, т.е. формально-юридический анализ норм данной статьи четко показывает, что они регулируют в основном только деятельность самой криптобиржи (п.2 и 3), но не участников криптобиржи, не порядок их регистрации, получения лицензии и т.п. В данной статье сказано, что **порядок и условия выпуска, размещения, обращения, хранения цифровых активов в Центре определяются актами Центра**, т.е. это бланкетная норма, отсылающая к иным подзаконным актам Центра МФЦА. Хотя п.3 статьи 33-1 Закона РК «Об информатизации» было установлено требование издания таких норм **на уровне законодательного акта Республики Казахстан**. Акты же МФЦА издаются на английском языке, которым не обязаны владеть все участники предпринимательской деятельности; они не являются законодательными актами и не принимаются от имени Республики Казахстан.

Результаты и выводы

Тем самым до настоящего времени в Республике Казахстан отсутствует законодательный акт, либо нормы какого-либо законодательного акта, регулирующие законный/легальный порядок совершения обменных операций (оборота) с криптовалютой. Деятельность цифровой платформы

(криптовиржи) законодательным актом Республики Казахстан не предусмотрена, отсылочной нормы о необходимости регистрации и лицензирования в Комитете МФЦА не было в законах Республики Казахстан. Лицензирование данного вида деятельности уполномоченным госорганом также не было предусмотрено. Издававшиеся с 2018 г. акты МФЦА относительно операций с криптовалютой не были доступны основной массе населения, т.к. были написаны только на английском языке и не являются законами Республики Казахстан, не размещены в общедоступных средствах массовой информации на государственном и русском языках.

На основании пункта 6 статьи 19 Закона РК «О правовых актах» даже проекты НПА, которые затрагивают интересы субъектов частного предпринимательства, подлежат обязательному размещению в средствах массовой информации, в том числе на интернет-ресурсах до их рассмотрения Национальной палатой предпринимателей РК и экспертным советом. Данные процедуры являются обязательными (п.7 данной статьи). Аналогичное требование применяется к НПА, касающимся прав и обязанностей граждан (п.4 статьи 4 Конституции РК, статья 37 Закона РК «О правовых актах»).

В соответствии с п.2 статьи 37 Закона РК «О правовых актах» целостность системы законодательства Республики Казахстан обеспечивается посредством:

«1) соблюдения порядка принятия нормативных правовых актов, внесения в них изменений и дополнений, установленных Конституцией Республики Казахстан, законодательными и иными нормативными правовыми актами;

2) соблюдения иерархии нормативных правовых актов, закрепленной Конституцией Республики Казахстан и настоящим Законом;

3) официального опубликования нормативных правовых актов, касающихся прав, свобод и обязанностей граждан».

В этой связи мы считаем необходимым уточнить позицию Батырбековой Д.С. о действии права МФЦА по территории и по кругу лиц: право МФЦА «Астана», регулирующее права и обязанности граждан и интересы предпринимателей, может применяться только к субъектам, зарегистрированным в МФЦА, и только в случае опубликования правовых актов в установленных государством официальных источниках публикации на казахском и русском языках.

Закон «О цифровых активах» в статье 2 регламентирует, что законодательство Республики Казахстан о цифровых активах, помимо данного Закона, основано на Конституции, Конституционном законе об МФЦА, и иных нормативных правовых актах РК [6]. Но, как отмечено нами выше, в конституционном законе об МФЦА имеются только бланкетные нормы, отсылающие к праву МФЦА.

Нормы о запрете выпуска и оборота необеспеченных цифровых активов и деятельности криптобирж ныне перенесены из Закона «Об информатизации» в статью 11 Закона «О цифровых активах». Такая деятельность разрешена только на территории МФЦА (п.5 статьи 11).

Для сравнения следует отметить, что уже более 20 лет успешно действует Дубайский международный финансовый центр (DIFC), однако рассматриваемые нами проблемы в Объединенных Арабских Эмиратах не возникают. Связано это с тем, что официальным языком ОАЭ является арабский, но вместе с тем в сфере бизнеса, деловой переписки широко используется и английский язык, имеющий статус языка межнационального общения (по аналогии с нормой статьи 7 Конституции РК о статусе русского языка). Поэтому правовое регулирование общественных отношений в DIFC основано на английском праве и логично ведется на английском языке, доступном основной массе населения, особенно предпринимателям.

Кроме того, основными видами НПА DIFC являются законы, а подзаконные акты принимаются для конкретизации законодательных актов, как и в Казахстане, в отличие от МФЦА [19; 20].

Заключение

Рассмотрев проблемные вопросы о привлечении к уголовной ответственности граждан за несоблюдение порядка оборота необеспеченных цифровых активов (криптовалюты), предусмотренного правом не Республики Казахстан, а анклава в виде МФЦ «Астана», полагаем для устранения выявленных пробелов и коллизий законодательства необходимыми следующие меры:

- внести в Закон Республики «О цифровых активах» и в Конституционный закон об МФЦА дополнения о правовом регулировании оборота криптовалюты и о порядке регистрации в МФЦА на казахском и русском языках;

- уточнить в Законе «О цифровых активах» различие между обеспеченными и необеспеченными цифровыми активами,

- либо внести в Конституционный закон об МФЦА дополнения о необходимости издания правовых актов, затрагивающих права и обязанности граждан, интересы предпринимателей - на государственном и русском языках в официальных источниках опубликования, предусмотренных Законом РК «О правовых актах».

Полагаем, что предложенные нами меры повлекут снижение правонарушений в сфере оборота криптовалюты в Казахстане; информированность населения о правилах легальной деятельности в сфере оборота необеспеченных цифровых активов будет способствовать закреплению их прав, знанию обязанностей и в целом позволит повысить уровень правопорядка в государстве.

Идрышева С.К. з.ғ.д., Құқық Жоғары мектебінің Professor Emeritus, Maqsut Narikbayev University (Астана қ., Қазақстан Республикасы): «Астана» халықаралық қаржы орталығының актілері және Қазақстан Республикасының заңнамалық жүйесі.

Біз таңдаған тақырыптың өзектілігі оның Қазақстанның заң ғылымында зерттелмегендігімен және қарастырылып отырған жағдайдың жаңалығымен түсіндіріледі. Астана халықаралық қаржы орталығы (АХҚО) Қазақстан астанасындағы ерекше анклав болып табылады, онда заңнама Англия мен Уэльс заңдары бойынша, тек ағылшын тілінде ғана қалыптасады, бұл мемлекеттік тіл де, ұлттаралық қатынас тілі де емес. Дегенмен, соңғы бес жылда Қазақстанда көптеген азаматтар АХҚО заңнамасын сақтамағаны үшін криптовалюта айналымы саласындағы заңсыз кәсіпкерлік қызметі үшін сотталған.

Зерттеудің мақсаты – АХҚО заңнамасы мен Қазақстан Республикасы заңнамасының өзара арақатынасын саралау нәтижесінде азаматтарды қылмыстық жауапкершілікке тартудың негізділігі мәселелерін анықтау. Автор АХҚО заңнамасы Англия мен Уэльс заңдарына негізделгендіктен, барлық нормативтік-құқықтық актілер ағылшын тілінде жарияланатынын және мемлекет белгілеген басылымдарда мемлекеттік және орыс тілдерінде міндетті түрде жариялану рәсімінен өтпейтінін анықтады. Цифрлық активтердің айналыс тәртібі туралы барлық нормативтік құқықтық актілер АХҚО құқықтық актілерінде ағылшын тілінде бекітілген; олар мемлекеттік заңнаманың жалпыға қолжетімді дерекқорларына енгізілмеген.

Зерттеудің жаңалығы мақала тақырыбына қатысты ғылыми зерттеулердің Қазақстанда да, шетелдік елдерде де бұрын жүргізілмегенімен айқындалады.

Зерттеу әдістері ретінде жалпы диалектикалық әдісі, логикалық әдіс, формальды құқықтық әдіс қолданылды. Эмпирикалық әдісті автор Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 214-бабында көзделген қылмыстық істер бойынша 5-тен астам айыптау актілерін зерттей отырып пайдаланды.

Зерттеу нәтижесінде Қазақстан Республикасының Конституциясына және «Құқықтық актілер туралы» Заңға сәйкес азаматтардың құқықтары мен міндеттеріне қатысты, сондай-ақ кәсіпкерлердің мүдделерін қозғайтын нормалар жүзеге асырылуы үшін міндетті түрде жариялануы тиіс деп бекітілген; жарияланбаған актілер қолданылмайды. Осыған байланысты, АХҚО-ның ағылшын тілінде шығарылған және осы анклавтың сайтында ғана жарияланған құқықтық актілерін қылмыстық қудалау органдары мен соттар Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінің 214-бабында көзделген қылмыстың объективтік жағын негіздеу үшін пайдалана алмайды.

Түйінді сөздер: мемлекеттік құқық жүйесі; Астана халықаралық қаржы орталығы (АХҚО); қолданыстағы заң; қылмыстық жауапкершілік; заңнама тілі; заңдарды жариялау; азаматтардың құқықтары мен міндеттері; кәсіпкерлердің мүдделері; қорғалған және қамтамасыз етілмеген цифрлық активтер; анклав.

Idrysheva S.K. Doctor of Law of the Russian Federation, Candidate of Law of the Republic of Kazakhstan; PhD; Associate Professor, Professor Emeritus of the Higher School of Law, Department of Private Law, Maqsut Narikbayev University (Astana c., Republic of Kazakhstan): Acts of the International Financial Center “Astana” and the legislative system of the Republic of Kazakhstan.

The relevance of the topic we have chosen is due to its lack of development in the legal science of Kazakhstan and the novelty of the situation under consideration. The Astana International Financial Center (AIFC) is a special enclave in the capital of Kazakhstan, where legislation is formed according to the laws of England and Wales, and only in English, which is neither the state nor the language of interethnic communication. However, over the past five years, many citizens in Kazakhstan have been convicted of illegal entrepreneurial activity in the field of cryptocurrency turnover due to their failure to comply with the AIFC legislation. The purpose of the study is to determine the issues of the validity of bringing citizens to criminal liability in the aspect of the relationship between the AIFC legislation and the legislation of the Republic of Kazakhstan. The author found that since the AIFC law is based on the law of England and Wales, all legal acts are published in English and do not undergo the procedure of mandatory publication in the state and Russian languages in the publications established by the state. All rules on the procedure for the circulation of digital assets are enshrined in the legal acts of the AIFC in English; they are not available in publicly available databases of state legislation.

The novelty of the study is that scientific research on the topic of the article has not been conducted in Kazakhstan or foreign countries.

The general dialectical method of cognition, logical method, formal legal method were used as research methods. The empirical method was used by the author through the study of more than 5 Acts of indictment in criminal cases under Article 214 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

As a result, it was concluded that, according to the Constitution of the Republic of Kazakhstan and the Law "On Legal Acts", the norms concerning the rights and obligations of citizens, as well as affecting the interests of entrepreneurs, must be published; unpublished acts are not applied. In this regard, the legal acts of the AIFC, published in English and published only on the website of this enclave, cannot be used by criminal prosecution bodies and courts to substantiate the objective side of the crime provided for in Article 214 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

Key words: state legal system; Astana International Financial Center (AIFC); current law; criminal liability; language of legislation; publication of laws; rights and obligations of citizens; interests of entrepreneurs; secured and unsecured digital assets; enclave.

Список литературы:

1. О Международном финансовом центре «Астана». Конституционный закон Республики Казахстан от 7 декабря 2015 года № 438-V ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000438> (20.09.2024).
2. Сулейменов М.К. Система права и система законодательства Казахстана: выбор пути. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102841 (20.09.2024).
3. Сулейменов М.К. Английское право и правовая система Казахстана. Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2015. № 5 (41). С. 169-175.
4. Батырбекова Д.С. Действующее право Международного финансового центра «Астана» и его взаимодействие с действующим правом Республики Казахстан. // Право и государство, № 4 (93), 2021. С. 6-24.
5. Муканов Р.Ж. Эволюция правовой системы Республики Казахстан как основы социально-правового контроля над преступностью. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-pravovoy-sistemy-respubliki-kazahstan-kak-osnovy-sotsialno-pravovogo-kontrolya-nad-prestupnostyu> (30.09.2024).
6. О цифровых активах в Республике Казахстан. Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 года № 193-VII ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193> (дата обращения 23.09.2024) - электронный ресурс
7. Приказ и.о. Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 31 марта 2023 года № 124/НК «Об утверждении Перечня видов обеспеченных цифровых активов, признаваемых на территории Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032245> (25.10.2024).
8. Приказ и.о. Министра цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан от 26 апреля 2023 года № 78/НК «Об утверждении Правил оформления решения о выпуске обеспеченных цифровых активов». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032392> (25.10.2024).

9. Об информатизации. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418#z68> (25.10.2024).

10. О правовых актах. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480> (25.10.2024).

11. О разрешениях и уведомлениях. Закон Республики Казахстан от 16 мая 2014 года № 202-V ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000202> (30.10.2024).

12. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам цифровых активов и информатизации. Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 года № 194-VII ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000194>. (30.11.2024).

13. AIFC AUTHORISED MARKET INSTITUTION RULES (AMI). AIFC RULES NO. FR0002 OF 2017 (with amendments as of 9 December 2023, which commence on 1 January 2024). URL: https://expatcentre.aifc.kz/files/legals/617/file/ami_v8_fr0002_01.01.2024-sto_gk_as.pdf (25.11.2024).

14. Судом осуждены за незаконную предпринимательскую деятельность с извлечением дохода в особо крупном размере. [https://astana.sud.kz/rus/news/sudom-osuzhdeny-za-nezakonnuu-predprinimatelskuu-deyatelnost-s-izvlecheniem-dohoda-v-osobo-](https://astana.sud.kz/rus/news/sudom-osuzhdeny-za-nezakonnuu-predprinimatelskuu-deyatelnost-s-izvlecheniem-dohoda-v-osobo-kрупном-размере) (25.11.2024).

15. Размер ответственности зависит от степени общественной опасности конкретного правонарушения – КС разъяснил норму УК. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/629961?lang=ru>; (22.12.2024).

16. Пробелы в законодательстве отправляют казахстанских криптобизнесменов за решетку. URL: <https://newtimes.kz/ekslyuziv/195604-probely-v-zakonodatelstve-otpravliaiut-kazakhstanski-kh-kriptobiznesmenov-za-reshetku>. (22.12.2024).

17. В тюрьму или на биржу: можно ли законно торговать криптовалютой в Казахстане? URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/v-tyurmu-ili-na-birzhu-mozhno-li-zakonno-torgovat-kriptoalyutoj-v-kazahstane#:~:text=%D0%A7%D1%82%D0%BE%20%D0%BA%D0%B0%D1%81%D0%B0%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F%20%D0%BF%D1%80> (25.12.2024).

18. О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан. Конституционный закон Республики Казахстан от 30 декабря 2022 года № 176-VII ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000176>. (25.10.2024).

19. By Amer Al Jabri. A Critical Analysis of the Role of Dubai International Financial Centre in Making Dubai a Regional Financial Centre. URL: https://bpace.buid.ac.ae/buid_server/api/core/bitstreams/ae3ae90b-d1ef-4fd0-b8ab-c1c6a2750aae/content (25.12.2024).

20. P.M. Mishra. Exploring the Regulatory Framework of DIFC Dubai: A Gateway to Financial Independence in Dubai. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/exploring-regulatory-framework-difc-dubai-gateway-financial-1n7ee>. (25.12.2024).

References (transliterated):

1. О Mezhdunarodnom finansovom centre «Astana». Konstitucionnyj zakon Respubliki Kazahstan ot 7 dekabrya 2015 goda № 438-V ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000438> (20.09.2024).

2. Sulejmenov M.K. Sistema prava i sistema zakonodatel'stva Kazahstana: vybor puti. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102841 (20.09.2024).

3. Sulejmenov M.K. Anglijskoe pravo i pravovaja sistema Kazahstana. Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. 2015. № 5 (41). S. 169-175.

4. Batyrbekova D.S. Dejstvujushhee pravo Mezhdunarodnogo finansovogo centra «Astana» i ego vzaimodejstvie s dejstvujushhim pravom Respubliki Kazahstan. // Pravo i gosudarstvo, № 4 (93), 2021. S. 6-24.

5. Mukanov R.Zh. Jevoljucija pravovoj sistemy Respubliki Kazahstan kak osnovy social'no-pravovogo kontrolja nad prestupnost'ju. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-pravovoy-sistemy-respubliki-kazahstan-kak-osnovy-sotsialno-pravovogo-kontrolya-nad-prestupnostyu> (30.09.2024).

6. O cifrovyh aktivah v Respublike Kazahstan. Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 fevralja 2023 goda № 193-VII ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000193> (data obrashhenija 23.09.2024) - jelektronnyj resurs

7. Prikaz i.o. Ministra cifrovogo razvitiya, innovacij i ajerokosmicheskoj promyshlennosti Respubliki Kazahstan ot 31 marta 2023 goda № 124/NK «Ob utverzhdenii Perechnja vidov obespechennyh cifrovyh aktivov, priznavaemyh na territorii Respubliki Kazahstan». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032245> (25.10.2024).

8. Prikaz i.o. Ministra cifrovogo razvitiya, innovacij i ajerokosmicheskoj promyshlennosti Respubliki Kazahstan ot 26 aprelja 2023 goda № 78/NK «Ob utverzhdenii Pravil oformlenija reshenija o vypuske obespechennyh cifrovyh aktivov». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032392> (data otkrytija 25.10.2024)

9. Ob informatizacii. Zakon Respubliki Kazahstan ot 24 nojabrja 2015 goda № 418-V ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000418#z68> (25.10.2024).

10. O pravovyh aktah. Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 aprelja 2016 goda № 480-V ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480> (25.10.2024).

11. O razreshenijah i uvedomlenijah. Zakon Respubliki Kazahstan ot 16 maja 2014 goda № 202-V ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000202> (30.10.2024).

12. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam cifrovyh aktivov i informatizacii. Zakon Respubliki Kazahstan ot 6 fevralja 2023 goda № 194-VII ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000194>. (30.11. 2024).

13. AIFC AUTHORISED MARKET INSTITUTION RULES (AMI). AIFC RULES NO. FR0002 OF 2017 (with amendments as of 9 December 2023, which commence on 1 January 2024). URL: https://expatcentre.aifc.kz/files/legals/617/file/ami_v8_fr0002_01.01.2024-sto_gk_as.pdf (25.11. 2024).

14. Sudom osuzhdeny za nezakonnuju predprinimatel'skuju dejatel'nost' s izvlecheniem dohoda v osobo krupnom razmere. URL: <https://astana.sud.kz/rus/news/sudom-osuzhdeny-za-nezakonnuyu-predprinimatelskuyu-deyatelnost-s-izvlecheniem-dohoda-v-osobo>. (25.11.2024).

15. Razmer otvetstvennosti zavisit ot stepeni obshhestvennoj opasnosti konkretnogo pravonarushenija - KS raz#jasnil normu UK. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ksrk/press/news/details/629961?lang=ru>. (22.12.2024).

16. Probely v zakonodatel'stve otpravljajut kazahstanskih kriptobiznesmenov za reshetku. <https://newtimes.kz/eksklyuziv/195604-probely-v-zakonodatel'stve-otpravliaiut-kazahstanskih-kriptobiznesmenov-za-reshetku>. (22.12. 2024).

17. V tjur'mu ili na birzhu: mozjno li zakonno torgovat' kriptovaljutoj v Kazahstane? <https://inbusiness.kz/ru/news/v-tyurmu-ili-na-birzhu-mozjno-li-zakonno-torgovat-kriptovaljutoj-v-kazahstane#:~:text=%D0%A7%D1%82%D0%BE%20%D0%BA%D0%B0%D1%81%D0%B0%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%8F%20%D0%BF%D1%80> (25.12.2024).

18. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye konstitucionnye zakony Respubliki Kazahstan. Konstitucionnyj zakon Respubliki Kazahstan ot 30 dekabrja 2022 goda № 176-VII ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000176>. (25.10.2024).

19. By Amer Al Jabri. A Critical Analysis of the Role of Dubai International Financial Centre in Making Dubai a Regional Financial Centre. URL: https://bpace.buid.ac.ae/buid_server/api/core/bitstreams/ae3ae90b-d1ef-4fd0-b8ab-c1c6a2750aae/content. (25.12.2024).

20. P.M. Mishra. Exploring the Regulatory Framework of DIFC Dubai: A Gateway to Financial Independence in Dubai. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/exploring-regulatory-framework-difc-dubai-gateway-financial-1n7ee>. (25.12.2024).

Для цитирования и библиографии: Идрышева С.К. Акты Международного финансового центра «Астана» и система законодательства Республики Казахстан // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 35-43. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_35

Материал поступил в редакцию 26.03.2025

О МИНИМАЛИСТСКОМ ПОНИМАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ*

Л. КЭЛЕР, доктор права, доктор философии, профессор юридического факультета Бременского университета (Бремен, Германия), e-mail: lkaehler@uni-bremen.de

Перевод с английского языка

В.В. ОГЛЕЗНЕВА, доктора философских наук, профессора юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); ведущего научного сотрудника Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия), e-mail: ogleznev82@mail.ru

В статье предлагается минималистское понятие юридической обязанности, основанное не на лингвистических или догматических подходах, а на рациональной реконструкции, опирающейся на универсальные основания. Автор выделяет три необходимых признака юридической обязанности: отсылка к действию, указание на обязанное лицо и наличие нормативного требования. Эти признаки позволяют отличать обязанности от описаний фактов и от ситуаций вынужденности. Статья также демонстрирует, что такие свойства, как наличие адресата, установление обязанности субъектом или возможность санкции, не являются необходимыми, хотя и часто сопутствуют обязанностям. Такой подход позволяет охватить широкий спектр юридических феноменов и избавиться от ненужных метафизических предпосылок. Обязанности трактуются как онтологически идеальные сущности, не сводимые к физическим объектам.

Ключевые слова: юридическая обязанность, онтологическая идеальность, нормативное требование, обязанное лицо, действие, санкционируемость, естественные обязанности, позитивное право, концептуальный анализ.

1. Рациональное конструирование юридической обязанности

Чтобы понять природу юридической обязанности, как и любого другого теоретического понятия, необходимо установить ее необходимые и достаточные признаки. Только после этого возможно обсуждать, имеет ли место в том или ином случае обязанность или долг¹, а также принадлежит ли, например, наличие санкции всем видам обязанностей или лишь некоторым из них. Существует три подхода к выявлению таких признаков, каждый из которых имеет свои ограничения. Первый исходит из того, что слово «обязанность» означает в конкретном языке. В этом случае необходимо установить, с каким намерением носители языка употребляют данный термин, и какую функцию он выполняет в системе естественного языка.

Хотя этот подход позволяет выявить внутреннюю логику лингвистических практик, он остается ограниченным самим употреблением языка. Устанавливая, что понимается под обязанностью, мы тем самым не отвечаем на вопрос, чем она является на самом деле, поскольку обязанности могут обладать такими свойствами, которые до сих пор оставались незамеченными и, следовательно, не вошли в языковое определение данного понятия. К примеру, может оказаться, что всякая

© Л. Кэлер, 2025

* Перевод выполнен по изданию: Kaehler L. Towards a Minimal Concept of Legal Obligation. Theories of Legal Obligation. D. Beyleveld, S. Bertea (eds.). Springer, 2024. P. 7–26.

Публикуется с разрешения автора.

¹Эти два понятия далее будут использоваться как взаимозаменяемые.

обязанность соответствует определенному субъективному праву, хотя это и не подразумевается самим словоупотреблением. Следовательно, полное понимание обязанности невозможно получить исключительно средствами лингвистического анализа. В конечном счете, теория права не сводится к лексикографии [9, р. 21; 6, р. 4].

Второй подход заключается в анализе понятия обязанности в рамках определенной правовой системы. В этом случае необходимо исследовать, какие обязанности существуют в конкретной правовой системе, и выяснить, обладают ли они общими признаками. Такой анализ может быть продуктивным, поскольку правовые системы, как правило, содержат так много разных обязанностей, что выявление общих признаков позволяет получить представление об их общей природе. Совпадение таких признаков вряд ли будет случайным.

Однако если анализ ограничивается лишь одной правовой системой, тогда невозможно с уверенностью утверждать, что эти признаки характерны исключительно для нее или что они встречаются и в других правовых системах. Также без дополнительных аргументов невозможно установить, являются ли выявленные признаки необходимыми, или они просто случайно присутствуют у всех них. И наоборот, признак, который отсутствует у всех обязанностей данной правовой системы, вполне может проявиться в будущем; поэтому из его текущего отсутствия нельзя заключить, что он принципиально не свойственен понятию обязанности. Аналогичным образом, правовая система может предписывать лишь определенные виды обязанностей и по прагматическим соображениям исключать другие, чье отсутствие никак не связано с самим понятием обязанности. Так, например, может оказаться, что в данной правовой системе обязанности всегда сопровождаются санкцией, хотя они по-прежнему могут считаться обязанностями и без нее. Таким образом, теория права не может ограничиваться случайными признаками одной правовой системы и не должна сводиться к догматическому изучению лишь законодательства.

Но если ни язык, ни правовая система не дают достаточного основания для понимания обязанности, что же тогда его дает? На каком основании можно построить понятие юридической обязанности? Третий подход стремится избежать упомянутых трудностей, предлагая исследовать природу обязанности исходя из предположения, что существует некое естественное понятие обязанности, действительно во все времена, во всех местах и во всех правовых системах.

Однако этот подход отличается избыточной требовательностью. Он предполагает, что существует лишь одно естественное понятие обязанности, а не множество понятий, из которых разные языки и правовые системы могут выбрать какое-то конкретное. Это допущение трудно обосновать, поскольку, по меньшей мере, можно представить разные концепции обязанности, причем как узкие, так и широкие. Остается неясным, на каком основании можно выбрать одно из них и признать его «естественным» или «верным», если исключить из рассмотрения конкретный язык и правовую систему. Как можно быть уверенным, что определенное понятие действительно применимо всегда и везде?

К счастью, альтернатива между понятием обязанности, ограниченным рамками одной правовой системы, и естественным понятием, действительно во все времена и во всех местах, не является исчерпывающей. Потому что возможно использовать современные правовые системы и их языки в качестве отправной точки, чтобы затем на этом фоне задаться вопросом: какое общее понятие обязанности представляется наиболее правдоподобным? Такое понятие может опираться на уже сложившееся понимание, но при наличии убедительных причин также может от него отклониться. Таким образом, именно причины, а не случайные факты, связанные с конкретной системой или языком, оказываются в итоге решающими.

Суть данного подхода заключается в том, что *можно* воспользоваться лингвистическими практиками, пониманием и различиями, характерными для конкретного языка или правовой системы, если только не существует убедительных причин этого не делать. Таким образом, юридический и повседневный опыт может способствовать построению общего понятия юридической обязанности, не устанавливая его границ. Основанием такого понятия должны служить причины, обладающие универсальной применимостью, которые сделают его наиболее убедительным. Именно благодаря своей универсальности такие причины не зависят от конкретной правовой системы или языка, хотя и должны быть с ними соотношены. Ведь если теория не распространяется на норму, в которой обычно содержится обязанность, необходимо либо изменить теорию, либо доказать, что это восприятие ошибочно.

Такая аргументативная конструкция и будет предложена в данной статье. На фоне современных правовых систем будут рассмотрены признаки, которые можно обосновано признать необходимыми и достаточными для существования обязанности. Этот подход отличается от концептуального анализа, по крайней мере в его традиционном понимании [19], поскольку не предполагает уже готового понятия, которое нужно просто проанализировать. Напротив, конструкция, основанное на причинах, допускает возможность формирования нового понятия, если для этого имеются убедительные основания. Следовательно, наиболее убедительное понятие обязанности вовсе не обязательно должно быть традиционным или общепринятым.

Поскольку ключевой вопрос для любого понятия заключается в том, каковы его необходимые и достаточные признаки, структура статьи выстроена следующим образом. Сначала рассматриваются четыре необходимых признака юридической обязанности: ее онтологическая идеальность, направленность на действие, адресация дееспособному субъекту и ее нормативный характер. Затем, чтобы проверить, являются ли эти признаки также достаточными, рассматриваются дополнительные признаки, которые нередко считаются необходимыми, например, наличие лица, в интересах которого обязанность исполняется, и санкции за неисполнение обязанности. В третьей части обосновывается, что эти дополнительные признаки, несмотря на их распространенность, не являются необходимыми, в результате чего разрабатываемое понятие оказывается сравнительно минималистским по своим требованиям. Это в свою очередь позволяет уловить суть понятия обязанности, не размывая его практиками, которые, по прагматическим соображениям, используют лишь некоторые типы обязанностей, исключая другие.

Таким образом, цель предлагаемой конструкции не просто получить определение ради определения, а выявить и прояснить те причины, которые действительно имеют решающее значение. Именно потому, что эти причины позволяют отвечать на спорные вопросы, касающиеся природы юридических обязанностей, они и приобретают первостепенную важность.

2. Необходимые признаки

2.1. Онтологическая идеальность

Чтобы понять природу юридической обязанности, прежде всего необходимо определить, к какому типу сущностей она принадлежит. Здесь важно, рассматривается ли обязанность как разновидность социальной практики или же как абстрактный объект. Примечательно, что обязанность может возлагаться на лицо без какой-либо физической связи с ним или с ситуацией, в которой оно находится. Например, закон может установить, что работодатели имеют определенные обязанности по отношению к своим работникам. Эти лица несут обязанность независимо от того, насколько они физически удалены от законодателя или имеют ли они какое-либо отношение к месту принятия соответствующего акта. Обязанность может возлагаться и на будущих работодателей. Следовательно, представление о том, что обязанность полностью или частично обусловлена физической связью с регулируемой ситуацией, оказывается несостоятельным.

Эта независимость от физического мира – одна из причин, по которой юридические обязанности необходимо понимать как нематериальные, даже если они возникают в законодательных актах, основанных на материальных фактах. Обязанности не могут быть ограничены рамками физического мира. Они применяются к ситуациям, которые могут возникнуть в будущем. В этом отношении они схожи с другими правовыми сущностями, такими как субъективные права или нормы. Все они являются нематериальными и способны отсылать к состояниям дел, которые могут либо реализоваться, либо не реализоваться. Если бы это было не так, возможность нормативного регулирования была бы серьезно ограничена. К примеру, обязанности перед будущими поколениями были бы в принципе невозможны из-за отсутствия какой-либо физической связи с ними.

Нематериальный характер обязанностей проистекает из того, что они имеют пропозициональное содержание, частью которого является указание на требуемое действие или воздержание от него. Хотя сами действия или бездействия, как правило, имеют физическую природу, отсылка к ним в составе нормы все же нематериальна. Даже если обязанность выражена средствами конкретного языка, ее содержание – это пропозиция, которая не зависит от языка выражения и которую можно сформулировать иными средствами. Именно поэтому обязанность должна рассматриваться как

обладающая пропозициональным содержанием. При этом не имеет значения, соответствует ли реальность тому положению дел, на которое обязанность указывает. Обязанность может существовать даже в том случае, если предписанное действие не было совершено или никогда не будет совершено. Смысл обязанности как раз и заключается в том, чтобы указывать на такие положения дел, которые должны возникнуть, но в данный момент отсутствуют.

Хотя указание на предписываемое действие не является частью физического мира, формулировка обязанности обычно воплощается в каком-либо материальном носителе. Это может быть камень, на котором высечена норма, или экран компьютера, на котором она отображается. Обязанность, скажем, не превышать скорость 50 км/ч в черте города, зачастую фиксируется письменно, выводится на экран или изображается на дорожных знаках. Однако обязанность содержится не в бумаге, не в чернилах и не в каком-либо ином материальном объекте, а в смысле, который приписывается словам, нанесенным на эти объекты. Именно этот смысл, отличный от материального средства его выражения, и составляет пропозициональное содержание, идентичное самой обязанности.

После того как обязанность возникла, ее дальнейшее существование не зависит от конкретного материального объекта, с помощью которого она была зафиксирована. Юридическая обязанность сохраняет силу даже тогда, когда слова, с помощью которых она была сформулирована, исчезли. Если утерян лист бумаги, на котором был записан договор, это не означает, что согласованные обязанности прекращаются. Точно так же сожжение юридических документов не уничтожает само право или вытекающие из него обязанности, хотя и может затруднить их реализацию. Все это возможно лишь потому, что обязанности обладают пропозициональным содержанием, которое неподвластно физическому уничтожению, в отличие от материального объекта, в котором оно может быть выражено.

В этой связи может возникнуть соблазн рассматривать обязанности как абстрактные объекты [23]. Хотя понятие «абстрактный объект» пользуется определенной популярностью среди правоведов [17; 12, p. 124], такая характеристика применительно к правовым сущностям, таким как обязанности, представляется сомнительной. Это связано с тем, что обязанности нельзя абстрагировать от каких-либо конкретных объектов. Так, обязанность не превышать скорость 50 км/ч в черте города не является результатом абстрагирования от автомобилей, которые, в силу соблюдения этой нормы, действительно едут медленнее. Даже если бы автомобили двигались быстрее или вообще находились за городом, установленное ограничение скорости продолжало бы действовать. Эта обязанность не содержится в акте вождения как таковом; скорее, она является частью мотивации водителей, почему они не превышают скорость. Но и сама мотивация не представляет собой то, от чего можно абстрагировать обязанность, а является лишь возможным воплощением ее пропозиционального содержания.

В этом отношении обязанности отличаются от таких абстрактных объектов, как цвета или числа, которые, по крайней мере на первый взгляд, могут быть абстрагированы от конкретных вещей. Цвет «красный» можно рассматривать как абстрагирование от всех красных предметов, а число 3 – как абстрагирование от всех множеств, содержащих три элемента. Абстрактные свойства, подобные цвету, обнаруживаются в конкретных предметах и связаны с ними. Такой корреляции не обнаруживается у юридических обязанностей и права в целом [9, p. 25]. Обязанности не соотносятся с регулируемым поведением, как цвет «красный» соотносится с красными вещами. Они не являются частью физического события, а устанавливают, что должно в нем произойти.

Именно по этой причине понятие «абстрактный объект» не может быть без серьезной адаптации применено к таким нормативным феноменам, как обязанности. Более уместным будет рассматривать их как «онтологически идеальные» (*ontologically ideal*) или «идейные» (*ideational*) сущности. Однако такая онтологическая идеальность отличается от эстетической или нормативной, поскольку она не требует ни идеального содержания, ни совершенной формы. Даже жестокие или бюрократические сформулированные нормы являются онтологически идеальными, поскольку, как и любые другие нормы, они нематериальны и обладают пропозициональным содержанием. Отсюда вытекает важное различие между моральной или эстетической идеальностью и онтологической идеальностью, которое соответствует различию между понятиями идеального или идейного во многих языках².

² «Идеальный» и «идейный» в русском языке, «ideal» и «ideational» в английском, «idéal» и «idéelle» во французском, «ideal» и «ideell» в немецком.

Онтологическая идеальность помогает также ответить на вопрос: являются ли обязанности независимыми от мышления, и если да, то в каком смысле? В терминологии Фреге, обязанности можно назвать «мыслями» (*thoughts*). Однако тогда, следуя Фреге, необходимо различать их не только с физическими объектами, но и с ментальными образами [7, p. 69]. В этом контексте «мысли» – это не реальные ощущения и не ментальные образы, а пропозициональное содержание, которое может как воплощаться в них, так и не воплощаться. Различие между физическими и идейными мыслями имеет принципиальное значение для юридических обязанностей, поскольку их нормативная сила существенно ослабла бы, если бы она зависела от актуального представления о них в сознании одного или нескольких субъектов. Родители, к примеру, обязаны заботиться о своих детях, даже если ни они сами, ни их дети, и ни кто-либо в данный момент об этом не думает.

Точно так же, право на возмещение ущерба в случае нарушения обязанности не исчезает лишь потому, что в момент нарушения никто об этой обязанности не вспомнил. Напротив, то, что об этом никто не вспомнил, может как раз и объяснить, почему обязанность была нарушена. Обязанности как «мысли» (по Фреге) обладают определенным пропозициональным содержанием, которое не обязательно совпадает с чьей-либо конкретной мыслью. То же справедливо и в отношении чисел и других идеальных объектов: число 3 не исчезает от того, что никто о нем не думает. В вопросе своего существования обязанности, следовательно, являются независимыми от мышления.

В отношении этой независимости возможно выдвинуть следующее возражение: в момент создания обязанности о ней кто-то должен был знать. Обязанность, о которой никто никогда не узнает, не может иметь практического эффекта и, следовательно, не способна выполнять регулятивную функцию права. Однако вопрос здесь состоит не в условиях возникновения обязанности, а в ее свойствах после того, как она возникла. Даже если для создания обязанности необходим сознательный акт, сама обязанность может существовать независимо от того, думает ли кто-то сейчас о ней. Здесь важно различать акт установления обязанности и саму обязанность как его продукт [16, p. 2]. Хотя акт создания обязанности требует материальной формы и, возможно, сознательных усилий, эти характеристики не присущи самой обязанности. Более того, нормативная сила обязанностей отчасти и объясняется их независимостью от материального носителя. В отличие от физических объектов, обязанности невозможно уничтожить физически. В этому поводу можно было бы сказать: *Cum grano salis*, или словами Бернарда Уильямса: «только обязанность может победить обязанность» [24, p. 187].

Обязанности нередко фигурируют в обыденной речи как объекты, к которым можно указать и которые можно «иметь». Так, например, говорят, что у кого-то есть обязанность, и далее уточняют ее содержание. На первый взгляд, это напоминает описание материальных объектов, таких как деревья или автомобили, которые можно «иметь» и описать с помощью различных признаков, например, быть красным. В этом смысле иметь обязанность – почти то же самое, что иметь автомобиль или какой-либо иной физический предмет: в каждом случае предполагается наличие объекта, которому можно приписывать дальнейшие характеристики.

Однако такое понимание обязанностей как объектов может ввести в заблуждение, поскольку упускается из виду, что обязанность не является ни материальным объектом, ни субстанцией, которую можно рассматривать независимо от ее свойств. Иметь обязанность – это не что иное, как быть обязанным. Сказать, что некое лицо несет обязанность ϕ , – то же самое, что сказать: оно должно совершить ϕ . Вместо фразы «у него есть обязанность» можно просто сказать: «он обязан». При этом не теряется никакая информация, поскольку использование существительного вместо глагола или наоборот не добавляет ничего нового в пропозициональное содержание. Не существует такой «обязанности», которая сохранилась бы, если исключить сам признак – быть обязанным.

Разумеется, это не означает, что дискурс об обязанностях как об объектах является ложным. Можно ссылаться на них как на онтологически идеальные объекты, описывать их свойства, например, наличие санкции. Однако не следует позволять языковой форме вводить в заблуждение: из того, что о чьей-то обязанности говорится как о «предмете обладания», не следует, что обязанность – это вещь, которой можно обладать так же, как материальным объектом. Это может быть лишь сокращенным обозначением того факта, что кто-то является обязанным. Но такое сокращение, как и его лингвистическая функция в структуре предложения, не делает обязанность объектом в онто-

логическим смысле. Возможно, как предлагал Карнап [3, р. 205], уместнее было бы говорить не об «объектах», а об «абстрактных сущностях», поскольку это позволяет избежать недоразумения, будто существует объект без определенного свойства.

Однако если следовать определению объекта как «потенциального референта сингулярного термина» [1, р. 142], то юридические обязанности можно считать объектами: ведь они могут быть обозначены с помощью сингулярных терминов, например, через ссылки на конкретные положения закона, выступающие в роли собственных имен. Так, можно сослаться на п. 2 ст. 433 Германского гражданского уложения, чтобы утверждать, что по закону покупатель обязан уплатить согласованную цену товара. Аналогичным образом обязанность можно рассматривать в сингулярных терминах, если при этом используется время и место ее возникновения. Например, можно рассматривать в качестве обязанности требование уплатить определенную сумму по договору, заключенному 2 ноября между А и В в Лондоне. Эти примеры показывают, что обязанности могут быть референтами сингулярных терминов. Это не удивительно: большинство норм права (если не все) возникли в конкретный момент времени и в определенном месте, и, следовательно, могут быть описаны в сингулярных терминах, указывающих на эти обстоятельства.

Эта возможность гораздо менее очевидна для обязанностей, которые не были созданы законодательством, а либо вытекают из (предположительно) вечных норм естественного права, либо предполагаются каждой правовой системой. Например, всеобщая обязанность соблюдать законы вряд ли может быть индивидуализирована с помощью сингулярного термина, поскольку она не возникла в конкретное время и в определенном месте и не имеет собственного имени. При этом не так важно, действительно ли такая обязанность существует и входит ли она в состав конкретной правовой системы или даже права как такового. Достаточно того, что можно обсуждать ее существование на основании допущения, что ее можно каким-то образом идентифицировать. Даже те, кто отрицает ее действительность, должны на нее ссылаться, хотя и не могут использовать для этого сингулярные термины.

Это, на первый взгляд, приводит к затруднению: одни обязанности можно обозначать сингулярными терминами и, по предложенному определению, они будут объектами, в то время как другие – нет. Но такая позиция выглядит неудовлетворительной, поскольку статус объекта настолько фундаментален для любой сущности, что он не может зависеть от других ее признаков. Если нечто является объектом, это должно быть справедливо для всех его проявлений, а не только для некоторых. Странно было бы, если бы некая сущность в одних случаях была объектом, а в других – нет. Быть объектом не такая характеристика, как, скажем, цвет, который может изменяться, не затрагивая сущность самой вещи. Это указывает на два возможных вывода: либо определение объекта следует пересмотреть, чтобы оно охватывало и те обязанности, которые нельзя индивидуализировать, либо быть объектом не является существенным свойством обязанности.

Так или иначе, если известно, что кто-то обязан, никакой новой информации не прибавляется от того, что говорится, будто у него есть обязанность. В отличие от случая с материальными объектами, из факта, что нечто является онтологически идеальным объектом, не следует, что оно имеет вес или занимает место в пространстве и времени. Это еще раз подтверждает, насколько важно понимать, что обязанности ввиду своего пропозиционального содержания нематериальны и потому онтологически идеальны. Они настолько радикально отличаются от материальных объектов, что включение их в ту же категорию «объекта» скорее запутывает, чем проясняет. Что касается их онтологического статуса, то достаточно признать, что обязанности, так же как числа, истории и иные идеи, являются онтологически идеальными сущностями.

2.2. Направленность на действие

Как только становится ясно, что обязанности обладают пропозициональным содержанием, возникает следующий вопрос: в чем именно заключается это содержание? Минимальным условием существования обязанности является то, что некое действие должно быть совершено или, напротив, не должно быть совершено. Это прежде всего предполагает указание на действие, которое предписано как обязательное или запрещенное. Ключевым моментом идеи обязанности, как в праве, так и в морали, является то, что она регулирует поведение, предписывая определенные действия

или воздержание от них. Так, обязанность уплатить определенную сумму денег означает, по сути, сам акт платежа, подразумеваемый обязанностью.

Однако «направленность на действие» не обязательно должна быть фактическим действием, то есть тем, что происходит в настоящем или непременно произойдет в будущем. Достаточно лишь *допустить*, что оно произойдет. Обязанность может возникнуть даже в том случае, если обязанное лицо умерло до того, как успело ее выполнить. Это показывает, что как сама обязанность (как указывающая сущность), так и предписанное действие (как указываемая сущность) не обязательно представляет собой эмпирические факты, но могут быть лишь возможностями. И это не случайно: именно в этом и заключается цель обязанности – предписывать еще не совершенные действия и тем самым инициировать изменения. Тем не менее в отличие от самой обязанности, действие, на которое она направлена, предполагается как эмпирическое событие. Оно просто не обладает пропозициональным содержанием, но должно быть каким-то образом материализовано. Если А должен В определенную сумму денег, недостаточно, чтобы А просто «представил себе» эту выплату, он должен реально произвести платеж. Таким образом, исполнение обязанности предполагает наличие эмпирических фактов, которые и составляют соответствующее поведение. Поэтому необходимо различать указание на действие (*reference to action*) и указанное действие (*“referred-to” action*). Первое состоит из пропозиционального содержания, второе, предположительно, из эмпирических фактов.

Эти факты могут оказаться вовсе невыполнимыми, например, когда требуется передать такое количество золота, которого не существует. В подобных случаях вопрос о действительности обязанности решается исключительно в рамках позитивного права: будет ли такая обязанность признана ничтожной (в духе принципа *Impossibulum nulla est obligatio*³) или, напротив, сочтена юридически действительной. Но в обоих случаях сохраняется указание на действие, а значит, этот признак обязанности остается в силе. Следовательно, вопрос о том, являются ли невозможные обязанности все же обязанностями, несмотря на их онтологическую проблематичность, разрешается не философски, а юридически, в рамках позитивного права.

Тем не менее важно отметить следующее: даже невозможная обязанность может быть классифицирована как обязанность (хотя, возможно, и как недействительная). Это неудивительно, поскольку даже невозможное действие может быть обозначено и, следовательно, может выступать содержанием обязанности. Благодаря своей онтологической идеальности, такое указание не ограничено физической реализуемостью. Обязанность может отсылать как к возможным, так и к невозможным, как к тривиальным, так и к значимым, как к мыслимым, так и к немислимым действиям.

Во-вторых, необходимо четко различать два случая: невозможность предписанного действия и отсутствие какого-либо указания на действие вообще, хотя в обоих случаях реализация предписания невозможна. Только в первом случае речь идет об обязанности. Во втором – говорить об обязанности нельзя вовсе. К примеру, обещание построить ракету, способную преодолеть скорость света, несмотря на невозможность его исполнения, все же порождает обязанность. Напротив, простое указание на ракету, которая могла бы преодолеть скорость света, не может считаться обязанностью, поскольку не содержит указания на действие. Простое описание объекта или положения дел (без ориентации на действие) не способно породить обязанность.

При этом указание на действие может быть как прямым, так и косвенным. Указание является прямым, если само действие прямо названо или описано в содержании обязанности (например: «Построй ракету!»). Оно является косвенным, если в формулировке обязанности не указано конкретное действие, а вместо этого содержится требование обеспечить или поддерживать определенное положение дел. В этом случае должны быть предприняты все меры, необходимые для достижения или поддержания указанного положения дел. Например, арендатор помещения может взять на себя обязанность поддерживать чистоту на улице. Хотя в самой формулировке не говорится о необходимости убирать снег или собирать мусор, такие действия вытекают из более общей обязанности, поскольку без них она не может быть исполнена. Таким образом, обязанность может указывать на действие опосредованно – через описание состояния, которое должно быть достигнуто или сохранено.

³Corpus Iuris Civilis, D.50.17.185.

Поскольку ничто не ограничивает способность обязанности указывать на действия, возможное содержание обязанностей может быть весьма разнообразным. В рамках самого понятия обязанности почти любое действие может стать ее объектом. Теоретически допустимы даже обязанности, относящиеся к прошлым положениям дел, или согласие на исполнение обязанностей в отдаленных частях Вселенной. Аналогично, с точки зрения понятия обязанности, не имеет значения, является ли предписанное поведение выгодным или обременительным для обязанного лица. Хотя на практике обязанности, как правило, воспринимаются как обременение, поскольку от обязанного лица требуется совершить определенное действие, оно может полностью совпадать с его собственными желаниями. Так, например, лицо может быть обязано покинуть рабочее место в определенное время, именно тогда, когда оно и так собиралось это сделать.

Единственное неизбежное бремя, связанное с любой обязанностью, – это ограничение автономии обязанного лица. Как только возникает обязанность, субъект оказывается в ситуации, где некоторые из его потенциальных действий будут ее нарушать. Избежать того, чтобы последствия его поступков попадали под нормативное регулирование, становится невозможно. Соответственно, варианты выбора, доступные субъекту при наличии обязанности, отличаются от тех, что были бы возможны при ее отсутствии. Но это ограничение касается *решений*, которые обязанное лицо может принимать, а не *содержания* самой обязанности.

Содержанием обязанности может быть любое действие, которое может быть помыслено, то есть быть объектом мысли. Именно законодателю предоставлена свобода определять, какие обязанности предусмотреть, а какие исключить. Онтология обязанности его не ограничивает, а напротив, помогает понять широту возможностей, которые ему предоставлены.

2.3. Указание на обязанное лицо

Действие предполагает наличие субъекта, который его совершает. Именно поэтому обязанность отсылает не только к действию, но и к лицу, которое должно его совершить. В большинстве случаев обязанность прямо указывает на такого субъекта: продавец или покупатель, водитель или пешеход, государство или граждане. Однако отсылка к лицу может быть и косвенной, если не возникает сомнений в том, кто должен выполнить предписанное действие. Например, дорожный знак, указывающий на максимально допустимую скорость, адресован всем водителям, при этом нет необходимости указывать каждого из них поименно. Достаточно того, что знак фиксирует ограничение скорости, тем самым опосредованно отсылая к тем, кто должен его соблюдать.

Обязанное лицо не обязательно должно быть физическим лицом, им может быть и юридическое лицо, например, корпорация или государство. Достаточно, чтобы оно воспринималось как способное к действию. В противном случае, отсылка к действию будет неполной: не будет ясно, кто именно должен его совершить. Более того, лицо, к которому отсылает обязанность, не обязательно должно реально существовать. Законодатель может сформулировать обязанности для будущих корпораций, которых пока не существует, поскольку ни одна из них еще не достигла требуемого размера. Такие обязанности могут быть прагматически нерелевантными, если они не оказывают (и не будут оказывать) влияния на чье-либо поведение. Тем не менее обязанности подобного рода могут быть установлены, например, с целью воспрепятствования самому факту возникновения подобных корпораций.

Аналогично, для существования обязанности не имеет значения, способно ли указанное лицо к действию здесь и сейчас. Обязанность может быть возложена на основании ошибочного представления о дееспособности обязанного лица. Например, юридическое лицо ввиду ошибки в его учредительных документах, может не иметь уполномоченного представителя, и, следовательно, быть недееспособным. Архаичская правовая система могла бы, в том же духе, возлагать обязанности даже на животных, если бы посчитала их способными к исполнению.

Эта открытость возможна благодаря онтологической идеальности обязанности, которая не зависит от эмпирической реальности. Достаточно, чтобы обязанность была сформулирована на основании предположения, что существует дееспособное обязанное лицо. Если же такое предположение отсутствует, то есть если даже, с точки зрения права, невозможно установить ее адресата, обязанности как таковой не существует. В лучшем случае остается лишь пожелание, чтобы нечто

произошло. Например, утверждение, что солнце будет светить весь день, – это не обязанность, поскольку оно ни прямо, ни косвенно не отсылает к субъекту, который должен обеспечить это свечение. Точно так же утверждение, что лицо *P* заслуживает денег, не создает обязанности, если не указано, кто именно должен эти деньги ему выплатить. Указание на обязанное лицо, таким образом, является неотъемлемым элементом обязанности.

Это указание предполагает признание лица дееспособным. Поскольку обязанности, как правило, связаны с ограничением автономии обязанного лица, это признание часто остается незамеченным, но оно принципиально важно. Ибо существует важное различие между ситуацией, когда лицо просто подвергается воздействию нормы, и ситуацией, когда оно признается ее адресатом. Например, есть разница между конфискацией имущества государством и предписанием передать это имущество государству. Только во втором случае речь идет о действии человека, направленном на исполнение обязанности. В первом же случае норма реализуется без участия субъекта. Иметь юридическую обязанность означает, что с точки зрения права человек выступает не как пассивный объект, подверженный действию нормы, а как субъект, которому норма адресована. Способность быть обязанным включает в себя, по крайней мере, признание способности к действию, – такой же фундаментальной, как широко обсуждаемая в юридической литературе способность иметь права [21, p. 199; 22, p. 176].

Более того, отсылка к дееспособному лицу, не требует наличия дополнительных характеристик. В частности, не обязательно, чтобы обязанное лицо знало о своей обязанности. Ведь вполне возможно указать на субъекта, не предупреждая его об этом. В целях удобства закон может предусмотреть, что некоторые обязанности возникают лишь при условии осведомленности лица. Но такое благоразумное решение применимо лишь к отдельным обязанностям, и оно не объясняет, почему неизвестные обязанности в принципе невозможны. Если бы было иначе, регулятивный потенциал права, оказался бы серьезно ограничен.

2.4. Нормативность

Заключительным элементом, без которого не может обойтись ни одна юридическая обязанность, является нормативное требование, что действие будет выполнено в соответствии с законом. Это связано с тем, что обязанности – это не описания того, что *может* или *скорее всего* произойдет, а указания на то, что *должно* произойти. Именно поэтому обязанности содержат деонтические операторы, такие как «должен» или «обязан», которые превращают указание на положение дел в нормативное требование. По этой причине обязанности иногда даже отождествляются с «понятием должностояния в узком смысле» [2, p. 169]. Это краткое определение точно указывает на то, что ядром понятия обязанности является нормативное требование, и именно оно содержит все самое важное в обязанности. Сказать, что лицо *P* обязано совершить действие ϕ , означает, что *P* должно совершить ϕ , а не то, что действия *P* могут быть эмпирически подтверждены фактами. Юридические обязанности отличаются от других лишь тем, что нормативное требование является по сути юридическим. То есть в данном случае именно само право требует от *P* совершить ϕ .

Несмотря на свою нормативную природу, юридические обязанности почти всегда возникают на основании позитивных актов, таких как принятие закона или заключение договора. Эти акты могут создавать обязанности, но в силу своей эмпирической природы не тождественны им. Они касаются процесса создания норм, а не самой обязанности как результата этого процесса. И это не случайно: никакое описание эмпирической реальности не может само по себе доказать существование определенной обязанности. *Высказывание* «*A* должен сделать ϕ !», будучи эмпирическим фактом, отличается от *пропозиции* «*A* должен сделать ϕ !», поскольку только первое локализовано во времени и в пространстве. Акт создания нормы просто утверждает, что существует определенная обязанность. Но утверждение о существовании обязанности не тождественно ее действительному существованию: как и любое другое утверждение, оно может оказаться неверным. Следовательно, для того чтобы обязанность действительно существовала, необходимо не только наличие эмпирического факта (например, речевого акта), но и наличие оснований, оправдывающих нормативное требование. Только тогда можно утверждать, что человек действительно обязан, а не просто считается обязанным.

С помощью нормативного требования можно, вопреки Г.Л.А. Харту, различать ситуацию, когда лицо обязано, и когда оно лишь вынуждено что-то сделать, причем без обращения к идее системы правил, как это делал Харт [10, р. 98]. В первом случае речь идет о нормативном требовании, согласно которому предписанное действие должно быть выполнено обязанным лицом. Во втором случае такого требования нет. Есть лишь фактические обстоятельства, делающие невыполнение действия нецелесообразным (например, из-за угрозы применения физической силы). И хотя обе ситуации можно совместить так, чтобы лицо было не только вынуждено, но и обязано, это не обязательно. Так, человек может быть вынужден из-за природных условий носить зимой теплую одежду, но с нормативной точки зрения он свободен этого не делать. Здесь у него нет обязанности.

Нормативное требование может быть либо действительным, либо недействительным, в зависимости от того, действительна ли сама обязанность. Действительная юридическая обязанность обычно основывается на нормативной силе института, который ее устанавливает. Интересно, что отсутствие полномочий создать обязанность может означать лишь то, сформулированная обязанность не становится действительной, но не исключает самого факта ее существования. Даже недействительная обязанность остается обязанностью, а не приводит к ее отсутствию. Ведь она содержит, по крайней мере, претензию на нормативное требование, адресованное конкретному лицу, даже если это требование недействительно в силу того, что у установившего его органа не было необходимых полномочий, или в силу нарушения других условий юридической действительности. Именно поэтому важно спрашивать не только о том, существует ли обязанность, но и о том, действительна ли она, то есть должна ли она действительно исполняться.

В качестве иллюстрации можно обратиться к широко обсуждаемому примеру с вооруженным грабителем, кричащим «Кошелек или жизнь!». Споры о том, возникает ли в этой ситуации обязанность [11, р. 80; 18, р. 70], во многом связаны с неопределенностью такого высказывания. Если под «Кошелек или жизнь!» понимать, что жертва должна отдать деньги грабителю, а в случае отказа будет наказана, то мы имеем дело с обязанностью, пусть и явно недействительной. Факт того, что у грабителя нет нормативных полномочий, не отменяет сам факт существования обязанности. При такой интерпретации он по меньшей мере утверждает, что обязанность существует. И этого достаточно для того, чтобы говорить о (недействительной) обязанности.

С другой стороны, это высказывание может трактоваться как предоставление выбора без нормативного требования. В таком случае, даже с точки зрения самого грабителя, все зависит от решения жертвы (отдаст она деньги или нет), но в случае отказа наступят серьезные последствия. Однако никакого требования здесь не выдвигается. При такой интерпретации обязанности не существует вовсе. Жертва свободна решать, и побуждается к действию «исключительно» внешними обстоятельствами. Поскольку грабитель не обладает правом устанавливать юридически действительные обязанности, с точки зрения права не имеет значения, интерпретируем ли мы его высказывание как попытку создать обязанность или как простую угрозу применить насилие – в любом случае действительной обязанности не возникает. Следовательно, выполнение приказа грабителя определяется не его словами, а убедительностью его угрозы.

Тем не менее сама путаница в том, считать ли жертву вынужденной или также обязанной, показывает важность различия между обязанностью просто недействительной и не существующей вовсе – различия, которое стирается, если отождествлять существование нормы с ее действительностью [16, р. 9]. Нормативное требование необходимо для существования обязанности, но вопрос о ее действительности – это уже отдельный контингентный вопрос, связанный, в частности, с тем, обладал ли субъект правом создавать такую обязанность. Так, обязанность может быть недействительной, но при этом существовать. Это наглядно демонстрирует, например, то обстоятельство, что даже неконституционные обязанности становятся объектом интенсивных дискуссий. Напротив, обязанностей без нормативного требования быть не может: утверждение о положении дел без такого требования будет всего лишь описанием или пожеланием, но не обязанностью.

Различию между недействительными обязанностями и отсутствием обязанностей долгое время игнорировалось, поскольку основное внимание уделялось вопросу об источнике действительных обязанностей: можно ли проследить нормы права до социальных фактов или же они должны быть основаны на морали [8; 14, р. 24]. Однако этот спор заслоняет не менее важный вопрос: могут ли

социальные факты порождать недействительные обязанности? Ведь даже если нет юридического источника, такие обязанности все же могут возникать.

Пример с вооруженным грабителем это иллюстрирует. Угроза (грабителя) предполагает: а) действие (передачу денег), б) дееспособное лицо (жертву), и с) нормативное требование (что деньги должны быть переданы). Просто указать на то, что действия грабителя незаконны, или что он, возможно, устанавливает недействительные обязанности, недостаточно для опровержения. То же самое касается незаконных договорных обязательств: их можно понять только при условии, что мы воспринимаем их как обязанности, которые претендуют на юридическую силу, но при этом нарушают право. Все это было бы непостижимо, если бы мы полагали, что недействительные обязанности вообще не являются обязанностями. Таким образом, для существования обязанности недостаточно, чтобы ее нормативное требование было действительно, но наличие самого нормативного требования обязательно.

Можно возразить, что если иметь обязанность ϕ есть то же самое, что должно быть выполнено ϕ , то при недействительности обязанности этого «должно» как бы нет. Следовательно, либо эквивалентность нарушается, либо недействительная обязанность – вовсе не обязанность. Чтобы разрешить это противоречие, необходимо разграничить пропозициональное содержание обязанности и условия ее истинности. Если существует обязанность ϕ , то должно быть хотя бы утверждение, что кто-то должен выполнить ϕ . Это относится к пропозициональному содержанию. Но из этого еще не следует, что кто-то действительно должен выполнить ϕ . Закон обычно требует выполнения множества дополнительных действий. В то же время, иметь недействительную обязанность – это не то же самое, что не быть обязанным, это значит – ошибочно считаться обязанным. Следовательно, даже недействительная обязанность содержат нормативное требование, пусть и недействительное, согласно которому лицо должно выполнить ϕ .

Юридические обязанности отличаются от всех других именно тем, что их нормативное требование имеет юридическую природу. Это означает не только то, что требование основано на праве, но и то, что его смысл определяется правом. Обычно это включает в себя возможность судебного принуждения. Юридический источник нормативного требования может быть разным: закон, индивидуальное предписание или обычай. Но результат всегда один: определенное действие предписано правом. Причем это требование – категорическое, «все или ничего», в отличие от требований морали или обычая. Так, моральное требование соблюдать скоростной режим слабее, чем обязанность кормить своих детей. В то же время обе эти обязанности в равной степени могут быть юридическими.

Интересно, что все прочие свойства моральных и юридических обязанностей, кроме нормативного требования, могут совпадать. Обе категории могут отсылать к действиям и субъектам. Но не содержание и не субъект, а именно юридический характер требования делает обязанность юридической. Что отличает угрозу вооруженного грабителя от приказа полицейского, так это не само действие (в обоих случаях это может быть передача денег) и не адресат (возможно, это один и тот же человек), а то, что грабитель либо не делает попытки сформулировать юридическое требование, либо он просто не способен это сделать.

3. Необязательные признаки

Анализ недействительных обязанностей показал, что многие их свойства, такие как, например, «большой вес», являются контингентными, то есть могли бы быть иными. Следовательно, их можно исключить из общего анализа. Напротив, следует сосредоточиться на тех свойствах, о которых сложно сказать, насколько они необходимы.

3.1. Указание на лицо, имеющее право требовать исполнения обязанности

Одним из признаков, который может оказаться необходимым для существования обязанности, является указание на лицо, в интересах которого обязанность должна быть исполнена. В большинстве случаев обязанность действительно исполняется в чьих-то интересах, как правила, в интересах тех, кто заинтересован в ее исполнении. Если A обязан выплатить деньги B , то B – это тот, в интересах кого совершается исполнение. В отсутствии такого лица возникновение обязанности кажется

необоснованным: непонятно, ради кого она существует. В этом смысле обязанности без таких лиц кажутся на первый взгляд странными.

Однако из того, что большинство обязанностей действительно предполагают тех, в интересах которых они должны исполняться, не следует, что все обязанности имеют такого адресата. Напротив, можно представить ситуацию, в которой лицо обязано совершить определенное действие, не будучи никому должным. Например, может существовать обязанность не загрязнять окружающую среду, основанная на том, что загрязнение считается неэтичным. В таком случае у такой обязанности нет конкретного адресата, если только окружающая среда не воспринимается как субъект, в интересах которого она должна исполняться. Тем не менее закон может предусматривать такую обязанность и наделить соответствующие органы полномочиями по контролю за ее исполнением. Но обеспечить исполнение обязанности и быть адресатом обязанности – разные вещи. Здесь возникает два вопроса, на которые сложно ответить единообразно. Первый заключается в том, кто может обеспечить исполнение обязанности, а второй – в чьих интересах осуществляется ее исполнение. Поэтому даже если государство является таким институтом, это не означает, что именно в его интересах обязанности будут исполняться.

Рассмотрим следующий пример: учителя или родителя обязаны согласно закону заботиться о несовершеннолетних детях. Исполнение обязанности здесь осуществляется в интересах ребенка, но поскольку он сам не может обеспечить ее исполнение, этим должны заниматься родители. Однако от этого не изменяется тот факт, что обязанность адресована ребенку, а не родителям. Точно так же из того, что государство обеспечивает исполнение обязанности не загрязнять окружающую среду, не следует, что эта обязанность адресована самому государству.

Вопрос о возможности обязанности без адресата встречается не только в праве, но и в практической философии. Так, Кант утверждал, что обязанность всегда кому-то адресована [15, р. 442]. Интересно, что этого взгляда можно придерживаться в сфере морали, при этом не соглашаясь с ним в сфере права: даже если моральная обязанность всегда имеет адресата, правовая система может его не признавать по институциональным причинам, которые не имеют значения в морали. Так, правовая система может ограничить число возможных адресатов, чтобы сократить число судебных исков. В этом случае она признает приоритетными только те обязанностями, которые соответствуют интересам ограниченного круга лиц. В результате могут возникнуть юридические обязанности, которые не адресованы конкретному лицу, несмотря на то что соответствующие моральные обязанности ему адресованы.

Этот вывод можно дополнительно проиллюстрировать с помощью анализа причин юридических обязанностей. Как правило, за каждой обязанностью стоит определенная причина, объясняющая ее наличие. В противном случае обязанность была бы произвольной, а у законодателя отсутствовал бы мотив для ее установления. Следовательно, вопрос о том, должны ли обязанности предусматривать адресата, сводится к вопросу: требуют ли причины, лежащие в основании обязанности, чтобы она была адресована конкретному лицу или институту? Вряд ли ответ всегда будет утвердительным. Причины, способные обосновать установление той или иной обязанности, настолько разнообразны, что было бы странно полагать, будто они всегда предполагают наличие адресата. Так, градостроительные нормы и правила могут выступать эстетическими идеалами, без признания конкретного лица адресатом этих обязанностей. Их причина может состоять в достижении красоты как таковой. Такое объяснение может показаться кому-то нелиберальным [20, р. 84], но нельзя отрицать того, что эти обязанности согласуются с самим понятием обязанности.

Возможность таких юридических обязанностей также позволяет понять, почему могут существовать обязанности без соответствующего субъективного права [2, р. 171; 21, р. 199]. Ведь если нет адресата обязанности, то нет и того, чье право может быть нарушено. Поэтому в таких обязанностях, субъективное право, как правило, отсутствует. Тем не менее понятие обязанности не исключает возможности, когда юридическая обязанность никому не адресована, но соответствует субъективному праву лица ее установившего. Особенно наглядно это проявляется в обязанности не загрязнять окружающую среду: она не адресована конкретному лицу, но при этом устанавливается государством.

Таким образом, юридические обязанности могут существовать как с адресатом, так и без него. Нет оснований ограничивать понятие обязанности только одним вариантом. Именно эта открытость позволяет признать разнообразие обязанностей. Ведь устанавливая ли обязанности без адресата или нет – это не концептуальный вопрос, а решение законодателя.

3.2. Указание на лицо, установившее обязанность

Помимо лиц, на которых возложена обязанность, и лиц, в интересах которых она должна быть исполнена, есть еще и институт, который ее установил. Как правило, это – парламент, принимающий законы, или частные лица, заключающие договор. Это может создать впечатление, что обязанности существуют лишь постольку, поскольку их кто-то установил. Возникает вопрос: является ли факт искусственного создания обязанности необходимым ее признаком?

Позитивистские теории конвенциональности [18, p. 75] на первый взгляд могли бы поддержать этот тезис, поскольку они отрицают существование действительных естественных обязанностей. Однако здесь речь идет не о действительности, а о существовании обязанности. Вопрос состоит не в том, действительна ли она, а в том, перестала бы некая сущность быть обязанностью, если бы не была кем-то создана. Оснований считать, что это так, нет. Если выяснится, что обязанность не была создана (а, скажем, была дарована свыше), но все же включает в себя отсылку к действию, субъекту и нормативное требование, она сохраняет статус обязанности. Даже если бы она никогда не была закреплена в позитивном праве, но постоянно обсуждалась, она по-прежнему обладала бы пропозициональным содержанием: кто-то должен совершить определенное действие. С этой точки зрения, представление о естественных обязанностях не вызывает концептуальных трудностей даже с позиций позитивизма. Такие обязанности (пусть и спорные в плане действительности) концептуально возможны и потому подлежат обсуждению. Если бы для существования обязанности было необходимо, чтобы кто-то ее установил, само представление о естественных обязанностях было бы невыносимо. Но это не так. И неудивительно, что вопрос о создании обязанности – это вопрос о происхождении, а не о структуре. Наличие субъекта, устанавливающего обязанность, относится к первому, а потому без труда можно ответить на второй. Это означает, что создание обязанности каким-либо лицом или институтом не является необходимым признаком обязанности.

В некоторых случаях возможность существования обязанности без субъекта ее установившего выглядит, по крайней мере, правдоподобной. Рассмотрим, к примеру, вопрос о всеобщей обязанности подчиняться закону. Если такая обязанность существует, то она вытекает не из какого-либо нормативного акта, а из таких причин, как справедливость, уважение, равенство и т.д. [4] Было бы крайне сомнительно предполагать, что какое-либо лицо или институт может создать такую всеобщую обязанность, поскольку для этого они уже должны были бы опираться на закон, а значит, предполагать наличие обязанности ему подчиняться. Без такого предварительного признания сама возможность создавать юридические обязанности осталась бы непонятной: ведь непонятно, почему кто-то вообще должен подчиняться нормам, созданным другими.

Все это не означает, что существует действительная юридическая обязанность подчиняться закону. Тщательный анализ может привести к выводу, что ее нет. Однако важно другое: концептуально такая обязанность может существовать даже без субъекта ее создавшего. Следовательно, наличие субъекта, устанавливающего обязанность, не является необходимым признаком обязанности.

3.3. Санкционируемость

Последним признаком юридической обязанности, заслуживающим внимания, является санкционируемость. Еще Кант утверждал, что право связано с принуждением [15, p. 231]. Это означает, что не может существовать юридической обязанности без возможности санкции в широком смысле, то есть без возможности негативной реакции на ее неисполнение. Одним из доводов в пользу такой позиции является следующее соображение: обязанность без санкции – это не право, а замаскированная мораль [16, p. 2], поскольку исполнение такой обязанности полностью зависит от воли обязанного лица. Если право должно как-то воздействовать на поведение людей, то, как утверждают некоторые [13, p. 128], оно должно предусматривать санкцию.

Любопытно, что этот аргумент говорит не о невозможности существования обязанностей без санкции, а о том, что именно юридический характер якобы требует ее. Однако санкция не может быть необходимой составляющей обязанности, поскольку центральная идея обязанности заключается в том, что нечто должно быть совершено, независимо от правовых последствий его неисполнения. Может случиться так, что действие предписано, но его неисполнение не повлечет за собой никакой негативной реакции. При этом все прочие признаки обязанности (отсылка к действию, субъекту, нормативное требование) остаются в силе. Если бы невозможно было формулировать обязанности без санкции, то сама возможность предписания была бы существенно ограничена. В частности, в условиях, когда санкции невозможно реализовать физически (например, на смертном одре), обязанностей просто не могло бы быть. Но именно в таких обстоятельствах особенно необходимы такие обязанности как не убивать или не оскорблять.

Этот аргумент справедлив не только в отношении обязанностей вообще, но и в отношении юридических обязанностей, в частности. Сам по себе факт невозможности применения санкции не должен означать, что обязанность исчезает. Напротив, именно в тех ситуациях, когда невозможно опереться ни на что, кроме самой обязанности, идея того, что нечто должно быть совершено, приобретает особое значение. Разумеется, могут быть разумные причины не устанавливать юридические обязанности без санкций – они, в отличие от моральных, якобы не оказывают реального воздействия на поведение. Однако это не более чем практическое соображение, которое зависит, в том числе, от того, могут ли люди быть мотивированы самим фактом наличия у них юридической обязанности. По крайней мере, нельзя исключить *a priori*, что некоторые субъекты могут воспринимать факт правового предписания как уже достаточный мотив для действия. Следовательно, обязанности без санкций все же могут иметь практическое значение. Законодатель может установить такую обязанность даже в чисто символических целях, несмотря на отсутствие возможности наказать за ее неисполнение. Таким образом, возможность санкции не является необходимым признаком юридической обязанности.

Даже если бы мы признали, что все юридические обязанности на практике санкционируются, это не сделало бы санкционируемость сущностным признаком, то есть свойством, благодаря которому нечто является обязанностью. Ведь нормативное требование не зависит от наличия санкции. В общем, не всякий необходимый признак является сущностным [5, р. 4]. Понятие может определяться через небольшое число признаков, при наличии которых возникает та или иная сущность, в то время как дополнительные признаки могут неизбежно появиться после основных. Если это так, существует такой признак, который, несмотря на свою необходимость, не является сущностным, поскольку он не относится к числу определяющих.

В таком случае, можно утверждать, что всякая юридическая обязанность создается человеком, и что необходимым условием этого является то, что создавшие ее лица были рождены. Но само по себе рождение этих лиц не является сущностным признаком обязанности, поскольку оно не входит в значение этого понятия и не соотносится с ним. Обязанность не становится таковой, потому что ее установили живые люди. Точно так же санкционируемость не делает обязанность обязанностью, а может быть лишь ее следствием. Следовательно, возможность санкционирования не входит в понятие обязанности, даже если она часто с ним связана. Мы легко можем помыслить обязанности без санкции, но не можем представить обязанности без отсылки к действию или субъекту. Это показывает, что в отличие от действия и субъекта, санкционируемость не принадлежит к определяющим признакам обязанности.

4. Заключение

Если приведенный выше анализ верен, то для того, чтобы норма содержала обязанность, требуется совсем немного. Обязанность существует тогда, когда есть отсылка к действию, отсылка к субъекту и нормативное требование, адресующее этому субъекту необходимость совершить данное действие. Эти три элемента и составляют суть обязанности. С их помощью можно отличить обязанности от простых описаний фактического положения дел, а также отличить их от ситуаций вынужденности. Физическая сила или угроза ее применения могут сопровождать обязанность и тем самым создавать ситуацию вынужденности. Но они не являются необходимыми элементами

обязанности, поскольку право может ограничиться лишь нормативным предписанием, не предусматривая санкции для его обеспечения.

Подобное минималистское понимание обязанности имеет то преимущество, что оно охватывает большое разнообразие существующих и исторических форм юридических обязанностей и делает их сопоставимыми. Она позволяет задать важные вопросы: почему в одних случаях обязанность адресована конкретному лицу, а в других – нет? почему в одних случаях она основывается на решении субъекта, установившего обязанность, а в других – возникает независимо от чьей-либо воли? и т.д.

Но, пожалуй, главное достоинство такой характеристики в том, что она проясняет, что обязанности – это не материальные и не нематериальные вещи, а онтологически идеальные положения дел. Иметь обязанность есть не что иное, как быть обязанным. Отсюда следует, что любые аналогии между юридическими обязанностями и физическими объектами (как это часто случается, например, в дискуссиях о «приобретении» или «уничтожении» обязанности) должны либо избегаться, либо трактоваться лишь как метафоры.

Лоренц Кэлер, құқық докторы, философия докторы, Бремен университетінің құқық факультетінің профессоры (Бремен, Германия): Құқықтық міндетті минималистік түсіну туралы.

Мақалада құқықтық міндеттің минималистік ұғымы ұсынылады. Бұл ұғым лингвистикалық немесе догматикалық тәсілдерге емес, әмбебап негіздерге сүйенетін рационалды реконструкцияға негізделген. Автор құқықтық міндеттің үш қажетті белгісін айқындайды: әрекетке сілтеме, міндетті тұрағын көрсету және нормативтік талаптың болуы. Аталған белгілер міндеттерді фактілер сипаттамасынан және мәжбүрлеу жағдайларынан ажыратуға мүмкіндік береді. Мақалада сондай-ақ, адресаттың болуы, міндетті субъектінің міндетті белгілеуі немесе санкция қолдану мүмкіндігі сияқты сипаттардың міндет үшін жиі кездесетін, бірақ қажетті емес екенін автор негіздейді. Мұндай тәсіл құқықтық құбылыстардың кең аясын қамтуға және артық метафизикалық алғышарттардан арылуға мүмкіндік береді. Міндеттер онтологиялық тұрғыдан идеалдық мәндер ретінде түсіндіріледі және оларды физикалық объектілерге теңеуге болмайды.

Түйінді сөздер: құқықтық міндет, онтологиялық идеалдылық, нормативтік талап, міндетті тұлға, әрекет, санкциялану мүмкіндігі, табиғи міндеттер, позитивтік құқық, тұжырымдамалық талдау.

Lorenz Kaehler, PhD in Law, PhD in Philosophy, Professor, Law Faculty, University of Bremen (Bremen, Germany): Towards a Minimal Concept of Legal Obligation.

The article presents a minimalist concept of legal obligation based not on linguistic or dogmatic analysis but on a reason-based reconstruction rooted in generally applicable grounds. The author identifies three necessary features of a legal obligation: reference to an action, reference to an obligated person, and the presence of a normative requirement. These features distinguish obligations from factual descriptions and situations of coercion. The article argues that common features such as the presence of an obligee, the existence of an obligating person, or the availability of sanctions are not necessary. This conceptual economy allows for a broader and more inclusive understanding of obligations across different legal systems. Obligations are presented as ontologically ideal entities, irreducible to physical objects.

Keywords: legal obligation, ontological ideality, normative requirement, obligated person, action, sanctionability, natural obligations, positive law, conceptual analysis.

Список литературы:

1. Berto F., Plebani M. *Ontology and Metaontology*. London: Bloomsbury, 2015.
2. Bierling E.R. *Juristische Prinzipienlehre*. Volume 1. Freiburg/Leipzig: Mohr Siebeck, 1894.
3. Carnap R. *Meaning and Necessity*. Second Edition. University of Chicago Press, 1956.
4. Dagger R., Lefkowitz D. *Political Obligation*. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Edward N. Zalta (ed.). 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/political-obligation> (02.03.2025).
5. Fine K. *Essence and Modality*. *Philosophical Perspectives*. 1994. Vol. 8. P. 1–16.
6. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. Oxford University Press, 1980.
7. Frege G. *Der Gedanke: einelogische Untersuchung*. *Beiträge zur Philosophie des deutschen Idea-*

lismus. 1918. Vol. 1. P. 58–77.

8. Green L., Adams T. Legal Positivism. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Edward N. Zalta (ed.). 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/legal-positivism/#Bib> (02.03.2025).

9. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Clarendon Press, 1983. P. 21–48.

10. Hart H.L.A. Legal and Moral Obligation. Essays in Moral Philosophy. Melden A. (ed.). University of Washington Press, 1958. P. 83–107.

11. Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford University Press, 1961.

12. Himma K.E. Morality and the Nature of Law. Oxford University Press, 2019.

13. Himma K.E. Coercion and the Nature of Law. Oxford University Press, 2020.

14. Kaehler L. Kelsen and the Problems of the Social Fact Thesis. Kelsenian Legal Science and the Nature of Law. Langford P., Bryan I., McGarry J. (eds). Springer, 2017. P. 23–42.

15. Kant I. Die Metaphysik der Sitten. Akademieausgabe (AA). Vol. 6. De Gruyter, 1968.

16. Kelsen H. Reine Rechtslehre. Second Edition. Verlag Österreich, 1960.

17. Mackor A.R. Legal Doctrine is a Non-normative Discipline: An Argument from Abstract Object Theory. Facts and Norms in Law: Interdisciplinary Reflections on Legal Method. Taekema S. et al. (eds.). Edward Elgar, 2016. P. 127–149.

18. Marmor A. Philosophy of Law. Princeton University Press, 2011.

19. Marmor A., Sarch A. The Nature of Law. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Edward N. Zalta (ed.). 2019. URL <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/lawphil-nature/> (02.03.2025).

20. Mill J.S. On Liberty. John Gray (ed.). Oxford University Press, 1991.

21. Raz J. On the Nature of Rights. Mind. 1984. Vol. XCIII. P. 194–214.

22. Raz J. The Morality of Freedom. Oxford University Press, 1986.

23. Rosen G., Falguera J.L., Martínez-Vidal C., Rosen G. Abstract Objects. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Edward N. Zalta (ed.). 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/abstract-objects/> (02.03.2025).

24. Williams B. Ethics and the Limits of Philosophy. Harvard University Press, 1985.

Для цитирования и библиографии: Кэлэр Л. О минималистском понимании юридической обязанности // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 44–59. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_44

Материал поступил в редакцию 15.04.2025

АҚШ ПЕН ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ТӨРЕЛІК ПРОЦЕСТІ ДАМУЫ: ТЕОРИЯСЫ МЕН ӘДІСТЕРІ

Н.Х. ҚАЛЫШЕВА, з.ғ.д., әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің заң факультеті мемлекет және құқық теориясы, конституциялық және әкімшілік құқық кафедрасының доценті (Алматы қ., Қазақстан Республикасы), e-mail: kalish29@mail.ru

Ж.С. САПАРБЕКОВА, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің азаматтық құқық және азаматтық іс жүргізу, еңбек құқығы кафедрасының докторанты (Алматы қ., Қазақстан Республикасы), e-mail: Zhake9344@mail.ru

Арбитраж – бұл дауларды шешудің балама процесі, ол әдетте Америка Құрама Штаттарында Тараптар арасындағы дауларды шешу үшін қолданылады, ал бізде көбіне экономикалық істер бойынша қолданылады. Бұл процесс сот үсін жүргізуге балама ретінде пайдаланылады және әдетте дәстүрлі сот ісін жүргізуге қарағанда жылдамырақ, арзанырақ және икемді.

Зерттеу пәні: бұл зерттеуде Қазақстан мен АҚШ-тағы төрелік процеске талдау жасалады. Төрелік – бұл дау-дамайдағы тараптар міндетті шешім қабылдау үшін өз істерін төреші деп аталатн үшінші тарапқа беруге келісетін процесс. Төреші, әдетте, дау тақырыбында сарапшы болып табылады және оны тараптар таңдайды. Төрелік процесс тараптар арасындағы келісіммен реттеледі, ол төрелік барысында ұстануға тиісті ережелер мен рәсімдерді белгілейді.

Зерттеу мақсаты: осы мақаланың мақсаты Америка Құрама Штаттарындағы және Қазақстан Республикасындағы төрелік процесті, оның ішінде артықшылықтары мен кемшіліктерін зерделеу.

Түйінді сөздер: құқықтық шарттар, сот прецеденттері, тараптардың автономиясы, төрелік тәжірибе, төрешілер, балама шешім, құқықтық формализм, еркін шарт, құқықтық трансплантация, сот тәжірибесі.

Кіріспе

Бүгінгі таңда Төрелік тараптарға дәстүрлі сот процестерінен тыс дауларды шешудің икемді және тиімді әдісін ұсына отырып, бүкіл елде дауларды шешудің кең таралған балама механизміне айналып отыр. Бұл мақалада АҚШ пен Қазақстандағы төрелік процестің дамуы зерттеліп, тиісті жүйелерді қалыптастырған негізгі теориялар мен әдістер қарастырылады.

Осыған орай, АҚШ-та да, Қазақстанда да арбитражды дамытуға қолданылатын теориялардың бірі-құқықтық трансплантация теориясы. Бұл теория құқықтық жүйелер пайда болатын қажеттіліктерді қанағаттандыру үшін басқа юрисдикциялардан ұғымдарды, принциптер мен процедураларды алады және бейімдейді деп болжайды. Төрелік жағдайында екі ел де халықаралық модельдер мен озық тәжірибелерге жүгініп, оларды ішкі шеңберіне енгізді.

АҚШ пен Қазақстанда төреліктің дамуы кешенді заңнаманың қабылдануымен қолдау тапты. АҚШ-та 1925 жылғы Федералдық төрелік Заңы (FAA) төрелік келісімдер мен төрелік шешімдердің орындалуына құқықтық негізделеді. Сол сияқты, Қазақстанда 2004 жылы Төрелік туралы Заң қабылданды.

Институционалдық Инфрақұрылым: сенімді институционалдық базаны құру екі елде де арбитражды дамытуда маңызды рөл атқарды. Америка құрама штаттарында американдық арбитраж қауымдастығы (AAA) және халықаралық дауларды шешу орталығы (ICDC) сияқты институттар әкімшілік қолдау көрсетіп, арбитраж ережелерін әзірледі. Сол сияқты, Қазақстанда Төрелік талқылауларды ілгерілету және әкімшілендіру үшін халықаралық төрелік орталық (ХТО) сияқты мекемелер құрылды.

АҚШ пен Қазақстан төрелікте тараптардың автономиясы қағидатын мойындайды. Тараптар дауларды шешу әдісі ретінде төрелік туралы еркін уағдаласа алады және іс жүргізу ережелерін, төрешілер мен реттеуші құқықтарды таңдауды айқындай алады. Бұл икемділік тараптарға төрелік процесті олардың нақты қажеттіліктеріне бейімдеуге, оның тиімділігі мен бейімделуін арттыруға мүмкіндік береді.

Төрелік шешімдерді тану және орындау төрелік процестің тиімділігі үшін өте маңызды. АҚШ-та FAA ішкі және халықаралық төрелік шешімдерді орындау үшін сенімді негіз ұсынады. Сол сияқты, Қазақстан шетелдік төрелік шешімдерді тануды және орындауды қамтамасыз ететін Нью-Йорк конвенциясының қатысушысы болып табылады. Бұл тетіктер төрелік шешімдерге деген сенімділікті арттырады және олардың орындалуына ықпал етеді.

Солардың бірі: мамандандырылған сараптаманы дамыту: төрелік күрделі дауларды тиімді шешу үшін арнайы білімді қажет етеді. Америка құрама штаттарында да, Қазақстанда да мамандандырылған төрелік тәжірибе мен төрешілерді дамыту өте маңызды. Кәсіби ұйымдар, академиялық институттар мен оқу бағдарламалары сараптамалық білімді дамытуда және арбитраж саласындағы кәсіби стандарттарды ілгерілетуде маңызды рөл атқарды.

АҚШ пен Қазақстандағы төреліктің дамуына олардың әлемдік экономикаға интеграциясы әсер етті. Халықаралық сауда мен инвестициялардың өсуі дауларды шешудің тиімді тетіктеріне сұраныстың артуына әкелді. Екі ел де арбитражды коммерциялық дауларды шешудің сенімді және тиімді құралы ретінде ілгерілету арқылы қолайлы инвестициялық ахуал құруға ұмтылды.

Арбитраж-Америка Құрама Штаттарындағы іскерлік және коммерциялық дауларды шешудің кең таралған әдісі. Бұл әсіресе мердігерлер мен қосалқы мердігерлер арасындағы дауларды шешу үшін жиі қолданылатын құрылыс индустриясында танымал. Төрелік сонымен қатар бағалы қағаздар саласындағы дауларды, тұтынушылық дауларды, еңбек дауларын және кәсіпорындар арасындағы дауларды шешу үшін қолданылады [1, 2176.].

Арбитраж процесінің артықшылықтарының бірі – ол әдетте дәстүрлі сот процесіне қарағанда тезірек жүреді. Себебі, процесс әдетте сот ісін жүргізуге қарағанда формальды емес және оны орындау үшін процедуралық қадамдар аз. Сонымен қатар, тараптар процесті бақылауға көбірек мүмкіндіктерге ие, өйткені олар қолданылатын ережелер мен процедуралар туралы келісе алады. Бұл тараптарға арбитраждық процесті олардың нақты қажеттіліктеріне бейімдеуге мүмкіндік береді, бұл дауды тезірек шешуге әкелуі мүмкін.

Арбитраж процесінің тағы бір артықшылығы-бұл дәстүрлі сот процесіне қарағанда арзанырақ. Бұл процесс әдетте қысқа және процессуалдық әрекеттердің аз болуымен түсіндіріледі. Сонымен қатар, тараптар арбитраж шығындары туралы келісе алады, бұл шығындарды азайтуға көмектеседі. Ақырында, процесс әдетте дәстүрлі сот процестеріне қарағанда формальды емес – бұл сот шығындарын азайтуға көмектеседі.

Төрелік процестің кейбір кемшіліктері бар. Негізгі кемшіліктердің бірі-төрешінің шешімі түпкілікті және міндетті, яғни шағымдануға құқығы жоқ. Егер Тараптар төрешінің шешімімен келіспесе немесе төреші қате жіберсе, бұл проблемалы болуы мүмкін. Сонымен қатар, арбитраж процесі көбінесе құпия болып табылады, бұл процесс пен шешім туралы ақпаратты табуды қиындатады.

Америка Құрама Штаттарында арбитраж процесі – бұл тараптар арасындағы дауларды сотқа жүгінбей шешу үшін қолданылатын дауларды шешудің балама түрі (ADR). Бұл процесс 1925 жылы арбитражды дауларды шешу құралы ретінде пайдалануды жеңілдету мақсатында қабылданған Федералды арбитраж Заңымен (FAA) реттеледі.

АҚШ-тағы арбитраж процесінің негізгі ерекшеліктерінің бірі – оның ерікті сипаты. Тараптар өз дауларын төреліктің қарауына беруге жазбаша немесе ауызша келісуге тиіс. Төрелік туралы келісімге қол жеткізгеннен кейін тараптар келісімде немесе төрелік ұйыммен келісілген ережелерде көрсетілген рәсімдерді ұстануға тиіс [2].

АҚШ-тағы арбитраж процесінің тағы бір ерекшелігі – оның құпиялылығы. Жұртшылық үшін ашық және бұқаралық ақпарат құралдарында жариялануы мүмкін сот процестерінен айырмашылығы, төрелік іс жүргізу әдетте құпия болып табылады. Тараптар талқылаудың құпиялылығын сақтауға және Төрелік туралы ақпаратты талқылаудан тыс жария етпеуге міндеттенеді.

Төрелік сотқа қарағанда икемді процесс болып табылады. Тараптар төрелік өткізілетін орынды, төрешіні немесе пайдаланылатын төрешілер тобын және талқылау тілін қоса алғанда, олар ұстанатын рәсімдер мен ережелер туралы уағдаласа алады. Бұл икемділік тараптарға процесті өздерінің нақты қажеттіліктеріне бейімдеуге және дау тақырыбы бойынша сараптамалық білімі бар төрешіні таңдауға мүмкіндік береді.

Сонымен қатар, АҚШ-тағы төрелік сот ісін жүргізуге қарағанда формальды емес. Тараптар дәлелдеудің қатаң ережелерін ұстануға міндетті емес, ал төреші дәлелдемелердің рұқсат етілуін анықтауда үлкен еркіндікке ие. Бұл процесті сотқа жүгінуден гөрі тезірек және арзанырақ етуі мүмкін.

Алайда, төреліктің ықтимал кемшіліктерінің бірі – төрешінің шешімі әдетте түпкілікті және міндетті болып табылады. Әдетте, алаяқтық немесе сыбайлас жемқорлық сияқты өте шектеулі жағдайларды қоспағанда, шешімге шағымдану құқығы жоқ. Мұндай түпкілікті даудың мән-жайына байланысты артықшылық та, кемшілік те болуы мүмкін [3].

Материалдар мен әдістер

АҚШ-тағы арбитраж саласында ғылыми еңбектер, құқықтық шарттар, сот прецеденттері мен ғылыми мақалаларды қамтитын көптеген әдебиеттер жинақталған. Бұл әдебиет АҚШ-тағы арбитраж құқығы мен тәжірибесінің әртүрлі аспектілерін қарастырады. Міне, АҚШ-тағы арбитраж әдебиетінде қамтылған кейбір негізгі жұмыстарда қарастырылған; мысалға, Гари Б. Борнның «Арбитраж құқығы»: бұл жан-жақты трактатта ішкі және халықаралық арбитражды қамтитын төрелік заңдар мен тәжірибелерді терең талдау бар [4].

«Дауларды балама шешу құқығы» Кэрри Дж. Менкэл – Мидоу және т. б. Бұл оқу құралы арбитраж, медиация және келіссөздерді қоса алғанда, дауларды шешудің балама әдістеріне жан-жақты шолу жасайды [5].

АҚШ-тағы арбитраждық процестің материалдары мен қорытындыларын келесідей қорытындылауға болады:

Тиімділік: арбитражға дәстүрлі сот ісін жүргізуден гөрі оның тиімділігі мен дауларды жедел шешуге басымдық беріледі. Бұл процесс тараптарға төрешілерді өздері таңдауға, ережелер мен процедураларды анықтауға және шамадан тыс сот істерімен байланысты ықтимал кідірістерді болдырмауға мүмкіндік береді.

Құпиялылық: Арбитраж құпиялылық деңгейін ұсынады, бұл құпия ақпаратты жұртшылықтан құпия сақтағысы келетін Тараптар үшін тиімді болуы мүмкін. Сот процестерінен айырмашылығы, төрелік тыңдаулар мен шешімдер әдетте көпшілікке жария етілмейді.

Икемділік және жеке көзқарас: Арбитраж тараптарға процесті өздерінің нақты қажеттіліктері мен қалауларына сәйкес келтіруге мүмкіндік береді. Оларда дау тақырыбы бойынша білімі бар төрешілерді таңдау, қолданыстағы заңнаманы таңдау және олар ұстанатын іс жүргізу ережелерін анықтау мүмкіндігі бар.

Шектеулі сот бақылауы: арбитраждың негізгі аспектілерінің бірі-арбитраждық шешімдер шектеулі соттық қайта қарауға жатады. Соттар, әдетте, төрешілер қабылдаған шешімдерге басымдық береді және алаяқтық немесе заңсыз әрекеттер сияқты дәлелді себептерді қоспағанда, шешімдердің күшін жоюға құлықсыз.

Шешімдерді орындау: АҚШ-тағы арбитраждық шешімдер, әдетте, Федералды Арбитраж туралы Заңға сәйкес орындалады. Тараптар төрелік шешімді орындау туралы сот бұйрығын талап ете алады, бұл оны заңды түрде міндетті етеді және жеңілген Тарапқа қатысты мәжбүрлеп орындауға жатады.

Сын және мәселелер: оның артықшылықтарына қарамастан, төрелік процесс сын мен қиындықтарға тап болады. Кейбіреулер арбитраж дәстүрлі сот процестеріне қарағанда азырақ ашық болуы мүмкін және жеке тұлғалардың құқықтарын шектеуі мүмкін, әсіресе міндетті арбитраждық ескертулер жиі кездесетін тұтынушылық және еңбек дауларында. Төрешілерді таңдау кезінде ықтимал біржақтылық және шағымдану мүмкіндігінің болмауы туралы алаңдаушылық бар.

Дамып келе жатқан сот практикасы: АҚШ Жоғарғы Соты Федералдық төрелік Заңын түсіндіру арқылы Төрелік заңнаманы қалыптастыруда маңызды рөл атқарды. Сот төрелік келісімдерді мәжбүрлеп орындау мүмкіндігін түсіндіретін, топтық талаптардан бас тартуды қолдайтын және төрелік шешімдерді сот арқылы қайта қарау көлемін анықтайтын қаулылар шығарды.

АҚШ-тағы арбитраждық процестің тарихы елдің алғашқы күндерінен бастау алады және уақыт өте келе дамыды. Төменде оның тарихи дамуына шолу берілген:

Отаршылдық дәуірі: отаршылдық дәуірде арбитраж көбінесе ағылшын жалпы Заңы негіз болған Колониялардағы дауларды шешу үшін пайдаланылды. Осы кезеңде төрешілерді мүдделі тараптар тағайындады және олардың шешімдері міндетті және орындалуы керек болды.

Конституциялық дәуірдегі Арбитраж: Америка Құрама Штаттарының құрылуы Конституцияның қабылдануына және федералды сот жүйесінің құрылуына әкелді. Конституция федералды соттарға мемлекетаралық төрелік істерді қарауға өкілеттік берді. 1789 жылы федералды соттардағы төрелік процедураны реттейтін Төрелік туралы Заң қабылданды.

Өнеркәсіптік революция және арбитраждың өсуі: өнеркәсіптік революция кезінде арбитраж коммерциялық дауларды шешудің танымал әдісіне айналды. Ірі компаниялар ұзақ мерзімді сот процестерін болдырмау және дауларды тезірек және тиімді шешуді қамтамасыз ету үшін келісім – шарттарына төрелік ескертулерді қосуды жөн көрді.

Егер Қазақстан тарихын салыстыратын болсақ, Қазақстандағы төреліктің даму тарихында үш кезеңді ажыратуға болады:

1) қалыптасу кезеңі (1993-1999).

1993 жылы алғашқы аралық соттар құрылды: Қазақстан Республикасының Сауда-өнеркәсіп палатасы жанындағы Төрелік комиссия (төраға М.К. Сүлейменов), «JUS» Заң орталығы жанындағы Халықаралық төрелік сот (Төраға П. Ю. Грешников). Ол кезде Қазақстан Республикасы Министрлер Кабинетінің 1993 жылғы 4 мамырдағы № 356 қаулысымен бекітілген аралық сот туралы Үлгілік ереже қолданыста болды. Бас прокуратураның аралық соттардың шешімдеріне мәні бойынша дауласу әрекетін қоспағанда, сол кезде аралық соттардың дамуында проблемалар болған жоқ.

2) Аралық соттардың құлау және жою кезеңі (1999-2004).

Жағдай 1999 жылдың 1 шілдесінде жаңа Азаматтық іс жүргізу кодексінің қабылдануымен түбегейлі өзгерді, онда мемлекеттік соттардың аралық соттардың шешімдерін орындауын көздейтін нормалар жоқ. Сонымен бірге Азаматтық іс жүргізу кодексінде мұндай норма болған жоқ.

АІЖК қабылданғаннан кейін сот практикасы әр түрлі болды. Жағдайды түзету үшін Жоғарғы Сот 2001 жылғы 19 қазандағы № 14 нормативтік қаулы қабылдады, ол соттарды аралық соттардың шешімдерін мәжбүрлеп орындау туралы қаулылар шығаруға міндеттеді. Алайда, Бас прокуратура мен Әділет министрлігі Қазақстан Республикасы Үкіметінің ашық қолдауымен осы қаулыға қарсы бірікті. Осындай күшті қысымнан кейін Жоғарғы Сот өзінің нормативтік қаулысын тоқтата тұруға мәжбүр болды.

3) Төрелік туралы заңдар қабылданғаннан кейінгі кезең (2005 -қазіргі уақытқа дейін).

2004 жылдың 28 желтоқсанында «Аралық соттар туралы» Заң және «Халықаралық коммерциялық арбитраж туралы» Заң қабылданды. Бұл заңдар Қазақстандағы аралық соттардың жандануында үлкен рөл атқарды.

1925 жылғы федералды Арбитраж туралы заң: федералдық Арбитраж туралы заң 1925 жылы арбитраждық келісімдер мен шешімдердің тиімді орындалуын қолдау және қолдау мақсатында қабылданды. Заң төрелік келісімдердің орындалу презумпциясын белгіледі, яғни соттар төрелік шешімдерді мойындауға және орындауға мәжбүр болды.

Арбитраждың альтернативті формаларын дамыту: соңғы жылдары АҚШ-та арбитраждың альтернативті формалары кең таралды. Мысалы, медиация және арбитраж сияқты дауларды шешудің балама әдістерін (ADR) қолдану коммерциялық және тұтынушылық дауларда жиі кездеседі. Бұл әдістер тараптарға үлкен икемділік пен дауды шешу процесін бақылауды қамтамасыз етеді.

Арбитраждың әртүрлі секторларға таралуы: Арбитраж өзінің әсерін тек коммерциялық дауларға ғана емес, сонымен қатар әртүрлі салаларға да таратты. Ол еңбек дауларында, құрылыс келісімшарттарында, халықаралық саудада және тіпті тұтыну келісімдерінде, соның ішінде көптеген салалардағы міндетті арбитраждық ескертулерде кеңінен қолданылады.

Соттарды қолдау және сот практикасы: АҚШ соттары жалпы төрелікті қолдайды және төрелік келісімдердің заңдылығын растайтын көптеген шешімдер қабылдады. Жоғарғы Сот 2011 жылы AT&T Mobility LLC V. Conception бойынша маңызды шешім сияқты шешімдерімен төрелік заңнаманы қалыптастыруда маңызды рөл атқарды, бұл төрелік келісімдерде топтық талаптардан мәжбүрлеп бас тарту мүмкіндігін растады.

Тұтастай алғанда, АҚШ-тағы арбитраждық процестің тарихы оның тараптарға дауларды шешудің тиімді және жеке әдісін ұсынатын сот ісін жүргізудің кеңінен қабылданған баламасы ретінде өсуін көрсетеді.

АҚШ-та Арбитраждық процесті дамытудың бірнеше теориялары бар. Атап айтар болсақ:

Еркін шарт теориясы: бұл теорияға сәйкес, АҚШ-тағы арбитраждың дамуы келісімшарт еркіндігі принципіне негізделген. Тараптар өз дауларын шешу тәсілі ретінде төрелік туралы еркін уағдаласа алады, ал соттар осы келісімдерді құрметтеуге және орындауға тиіс. Бұл теорияға сәйкес, Арбитраж тараптардың автономиясының өнімі болып табылады және Тараптардың дауларды шешудің тиімдірек және жеке процесіне ие болуға деген ұмтылысын көрсетеді.

Әділеттілікке қол жеткізу теориясы: әділеттілікке қол жеткізу теориясы төрелік дәстүрлі сот жүйесінің айқын кемшіліктеріне жауап ретінде пайда болды деп тұжырымдайды. Ол арбитраж жеке және заңды тұлғаларға өз дауларын неғұрлым қолжетімді және үнемді түрде шешуге балама мүмкіндік береді деп болжайды. Бұл теория тараптарға сот процесінде ықтимал қиындықтар мен кідірістерді болдырмауға мүмкіндік беретін неғұрлым ыңғайлы және тиімді жүйені құруға деген ұмтылысты көрсетеді.

Тиімділік және сараптама теориясы: бұл теория тиімділік пен құзыреттілік тұрғысынан арбитраждың артықшылықтарына бағытталған. Ол АҚШ-тағы Арбитраждың өсуі күрделі дауларды шешуде мамандандырылған сараптама қажеттілігіне байланысты деп болжайды. Төрелік тараптарға дау тақырыбы бойынша арнайы білімі мен тәжірибесі бар төрешілерді таңдауға мүмкіндік береді. Бұл білім мен тәжірибе Арбитраждың жеңілдетілген процедураларымен бірге тиімдірек және негізделген шешімдер қабылдауға әкелуі мүмкін.

Құқықтық формализм теориясы: құқықтық формализм теориясы дауларды шешуде болжамдылық пен біркелілікке деген ұмтылысты көрсетеді. Ол төрелік белгіленген құқықтық принциптерді басшылыққа ала отырып, дәйекті және болжамды нәтижелерді қамтамасыз ету құралы ретінде дамыды деп болжайды. Бұл теория заңды қолдануға негізделген арбитраж белгілі бір сенімділік деңгейін қамтамасыз етеді және ерікті шешімдер қабылдау ықтималдығын азайтады деп тұжырымдайды.

Неолиберализм және реттеу теориясы: бұл теория Арбитраждың өсуін нарықтық шешімдерді реттеу мен ілгерілетудің кең тенденциясының бөлігі ретінде қарастырады. Ол Арбитраж неолибералдық идеалдарға сәйкес келеді деп болжайды, мұнда жеке Тараптар өз дауларын мемлекеттің шамадан тыс араласуынсыз тиімді шеше алады. Бұл теорияға сәйкес, арбитраждың өсуі дауларды шешудің нарықтық тетіктеріне көшуді көрсетеді [6, 896].

Бұл теориялар тараптардың автономиясы, әділеттілікке қол жетімділік, тиімділік, сараптама, құқықтық принциптер және кеңірек қоғамдық тенденциялар сияқты әртүрлі факторларды атап көрсете отырып, АҚШ-тағы Арбитраждық процестің дамуына әртүрлі көзқарастарды ұсынады. Арбитраждың дамуына осы теориялар мен басқа да контекстік факторлардың үйлесуі әсер ететінін атап өткен жөн.

Нәтижелер және талқылау

АҚШ-тағы Арбитраждық процестің нәтижелері мен қорытындыларын келесідей қорытындылауға болады:

Кеңінен қолданылады: Арбитраж-бұл АҚШ-тағы, әсіресе коммерциялық және іскерлік контексттердегі дауларды шешудің кең таралған әдісі. Экономиканың көптеген салаалары мен секторларында арбитраж дауларды шешудің қолайлы әдісі болып табылады.

Тиімділік пен жылдамдық: Арбитраж көбінесе дәстүрлі сот ісін жүргізумен салыстырғанда тиімділігі мен жылдам шешімі үшін таңдалады. Тараптар процесті көбірек бақылайды және төрелік тыңдаулар өздеріне ыңғайлы уақытқа тағайындалуы мүмкін, бұл тезірек шешім қабылдауға әкеледі.

Теңдік: Арбитраж тараптарға процесті өз қажеттіліктері мен қалауларына сәйкес реттеуге мүмкіндік береді. Олар төрешілерді, іс жүргізу ережелерін және отырыс өтетін орынды таңдай алады, бұл дауларды шешуге жеке көзқарасты қамтамасыз етеді.

Құпиялылық: Арбитраж сот ісімен салыстырғанда құпиялылықтың жоғары деңгейін қамтамасыз етеді. Тараптардың жеке өмірі мен даудың егжей-тегжейлері жақсырақ қорғалуы мүмкін, бұл оны нәзік немесе құпия мәселелерді шешудің таңдаулы нұсқасы етеді.

Апелляциялық шағымдардың түпкілікті және шектеулі болуы: төрелік шешімдер әдетте түпкілікті және орындалуы міндетті болып табылады және оларға шағымдану үшін негіздер шектеулі. Бұл, әрине, қатысушы тараптар үшін процестің аяқталуы мен аяқталуын қамтамасыз етеді, бұл ұзаққа созылған сот процестерінің ықтималдығын азайтады.

Орындаушылық: АҚШ-тағы Арбитраждық шешімдерді орындау әдетте қиындық тудырмайды. Федералдық төрелік заң төрелік шешімдерді орындау үшін құқықтық негізді қамтамасыз етеді, ал соттар жалпы төрелік процесті қолдайды.

Сын және мәселелер: оның артықшылықтарына қарамастан, төрелік сын мен қиындықтарға тап болады. Кейбіреулер тұтыну және еңбек шарттарындағы міндетті арбитраждық ескертпелер адам құқықтары мен сот төрелігіне қол жеткізуді шектеуі мүмкін деп санайды. Ашықтықтың жоқтығына, төрешіні таңдаудағы ықтимал жағымсыздыққа және сот бақылауының шектеулілігіне қатысты алаңдаушылық бар.

Дамып келе жатқан құқықтық ландшафт: АҚШ-тағы арбитраж процесі сот шешімдері мен заңнамалық өзгерістердің арқасында дамуын жалғастыруда. Жоғарғы сот төрелік келісімдерді орындау мүмкіндігіне және сот бақылауының көлеміне әсер еткен қаулылар шығарды.

Жалпы, АҚШ-тағы Арбитраж процесі тараптарға дауларды шешудің икемді, тиімді және қолданылатын әдісін ұсынады. Оның артықшылықтарына қарамастан, оның әділдігі мен ашықтығы туралы үнемі пікірталастар мен пікірталастар арбитраж жүйесін үнемі бағалау мен жетілдіру қажеттілігін көрсетеді.

Қорытынды

Қорытындылай келе, Арбитраж процесі Америка Құрама Штаттарындағы дауларды шешудің кеңінен қолданылатын балама әдісі болып табылады. Ол әсіресе іскерлік және коммерциялық контексте танымал және көбінесе мердігерлер, қосалқы мердігерлер және бизнес арасындағы дауларды шешу үшін қолданылады. Төрелік процестің жылдамдығы мен экономикалық тиімділігі сияқты артықшылықтарына қарамастан, оның кемшіліктері де бар, соның ішінде шешімнің түпкілікті және орындалуы міндетті екендігі және шағымдануға құқығы жоқ. Дегенмен, арбитраж Америка Құрама Штаттарындағы көптеген компаниялар мен жеке тұлғалар үшін маңызды процесс болып қала береді.

АҚШ-тағы Арбитраж процесі тараптарға дауларды шешудің тиімді, теңшелетін және жеке тәсілдерін ұсына отырып, сот ісін жүргізудің жалпыға бірдей қабылданған баламасына айналды. Алайда, арбитраждың әділдігі мен ашықтығы туралы жалғасып жатқан пікірталастар оның болашақ дамуын анықтайды.

АҚШ-тағы Арбитраждық процестің дәстүрлі сот процестеріне қарағанда көптеген артықшылықтары бар, соның ішінде икемділік, құпиялылық және бейресми. Алайда, тараптар дауды төрелікке беруге келіспес бұрын ықтимал кемшіліктерді, соның ішінде шешімнің аяқталуын және апелляциялық шағымның шектеулі құқығын мұқият өлшеуі керек.

АҚШ пен Қазақстандағы төрелік процестің дамуы құқықтық транспланттау теорияларымен, заңнамалық негіздермен, институционалдық инфрақұрылыммен, тараптардың автономиясымен, тану және құқық қолдану тетіктерімен, мамандандырылған тәжірибемен және халықаралық интеграциямен айқындалды. АҚШ-тың төрелікті дамытудың анағұрлым ұзақ тарихы болса да, Қазақстан өзінің төрелік жүйесін халықаралық стандарттарға сәйкестендіруде айтарлықтай жетістіктерге жетті. Екі ел де арбитраждың дауларды шешудің тиімді және қолайлы әдісі болып қалуын қамтамасыз ете отырып, ұлттық және халықаралық мүдделі тараптардың өзгеріп отыратын қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін өз жүйелерін жетілдіруді жалғастыруда.

Қорытындылай келе, Қазақстандағы төрелік талқылау барлық мәселелер мен кедергілерге қарамастан дамуы жалғасуда және де азаматтыр мен заңды тұлғалардың құқықтарын қорғау тәсілдері жүйесінде орнықты орын алатынын нақты атап айтуға болады.

Калишева Н.Х., д.ю.н., доцент кафедры теории государства и права, конституционного и административного права юридического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби, (г. Алматы, Республика Казахстан); Сапарбекова Ж.С., докторант кафедры гражданского права и гражданского процесса, трудового права КазНУ имени аль-Фараби, (г. Алматы, Республика Казахстан): Развитие арбитражного процесса в США и Казахстане: теория и методы.

Арбитраж – это альтернативный процесс разрешения споров, который обычно используется в Соединенных Штатах для разрешения споров между сторонами, а у нас обычно по экономическим делам. Этот процесс используется в качестве альтернативы судебному разбирательству и, как правило, является более быстрым, менее дорогостоящим и более гибким, чем традиционное судебное разбирательство.

Предмет исследования: в данном исследовании дается анализ Арбитражного процесса в Казахстане и США. Арбитраж – это процесс, в ходе которого стороны в споре соглашаются передать свое дело третьей стороне, известной как арбитр, для принятия обязательного решения. Арбитр, как правило, является экспертом в предмете спора и выбирается сторонами. Арбитражный процесс регулируется соглашением между сторонами, которое диктует правила и процедуры, которым необходимо следовать в ходе арбитража.

Цель исследования: целью этой статьи рассмотрение арбитражного процесса в Соединенных Штатах и в Республике Казахстан, включая его использование. Преимущества и недостатки.

Ключевые слова: правовые договоры, судебные прецеденты, автономия сторон, арбитражная практика, арбитры, альтернативное решение, правовой формализм, свободный договор, правовая трансплантация, судебная практика.

Kalisheva N.K. doctor of Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University, (Almaty, Republic of Kazakhstan); Saparbekova Zh., doctoral student of the Department of Civil Law and Civil Procedure, Labour Law, Al-Farabi KazNU (Almaty, Republic of Kazakhstan): Development of the Arbitration Process in the USA and Kazakhstan: Theory and Methods.

Arbitration is an alternative dispute resolution process that is typically used in the United States to resolve disputes between parties and we typically have for economic cases. The process is used as an alternative to court proceedings and is generally faster, less expensive, and more flexible than traditional court proceedings. The purpose of this article is to examine the arbitration process in the United States and in the Republic of Kazakhstan, including its use, advantages and disadvantages.

Subject of the study: This study provides an analysis of the Arbitration process in Kazakhstan and the United States. Arbitration is a process in which the parties to a dispute agree to refer their case to a third party, known as an arbitrator, for a binding decision. The arbitrator is usually an expert in the subject matter of the dispute and is chosen by the parties. The arbitration process is governed by an agreement between the parties, which dictates the rules and procedures to be followed during the arbitration.

Research objective: The purpose of this article is to review the arbitration process in the United States and the Republic of Kazakhstan, including its use. Advantages and disadvantages.

Keywords: legal contracts, judicial precedents, party autonomy, arbitration practice, arbitrators, alternative solution, legal formalism, free contract, legal transplantation, judicial practice.

Қолданылған дереккөздер:

1. Карагузов Ф.С., Калдыбаев А.К. Альтернативное разрешение споров в Казахстане: новый этап развития. Отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы: НИИ частного права Каспийского университета, 2020. 640 с.

2. Мануков С.С. Концепции международного арбитража в США и Европе в начале XX века и их реализация в рамках Лиги Наций. Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2022. С. 153-167.

3. Сулейменов М.К. Развитие международного арбитража в Казахстане. [Электрондық ресурс]. 2025. URL: <https://online.zakon.kz/> (жүгінген күні 16.01.2025).

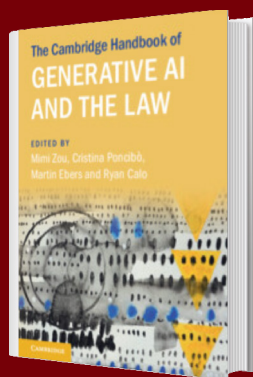
4. Gary B. Born. International Commercial Arbitration. Second Edition. Wolters Kluwer. 2014. 1180 p.
5. Carrie Menkel – Meadow. International Dispute Resolution. Volume III. Ashgate, 2012
6. Арбитражный процесс: Практикум: Учебно-методическое пособие. Под. ред. А.Ф. Воронова. М.: Статут, 2014. 158с.

References

1. Karagusov F.S., Kaldybaev A.K. Alternative Dispute Resolution in Kazakhstan: A New Stage of Development] / Ed. M. K. Suleimenov. Almaty: Caspian Research Institute of Private Law, 2020, 640 p.
2. Manukov s. S. The concepts of international arbitration in the United States and Europe at the beginning of the 20th century and their implementation within the framework of the League of Nations]. Historical Studies. Moscow State University Journal. 2022. P. 153-167.
3. Suleimenov M. K. Development of international arbitration in Kazakhstan. [Electronic resource]. 2025. URL: <https://online.zakon.kz/> / (date of access 16.01.2025).
4. Gary B. Born. International Commercial Arbitration. Second Edition, Wolters Kluwer, 2014. 1180 p.
5. Carrie Menkel-Meadow. International Dispute Resolution. Volume III. Ashgate, 2012
6. Arbitration Process: Practical Course: Educational and Methodical Guide. Ed. A. F. Voronov. M.: Statute, 2014. 158 p.

Для цитирования и библиографии: Қалышева Н.Х., Сапарбекова Ж. С. АҚШ пен Қазақстандағы төрелік процесті дамыту: теориясы мен әдістері // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 60-67. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_60

Материал поступил в редакцию 23.03.2025

НОВЫЕ КНИГИ

The Cambridge Handbook of Generative AI and the Law. Cambridge University Press, 2025. – 600 p.

ISBN: 9781109492584

This handbook offers an important exploration of generative AI and its legal and regulatory implications from interdisciplinary perspectives. The volume is divided into four parts. Part I provides the necessary context and background to understand the topic, including its technical underpinnings and societal impacts. Part II probes the emerging regulatory and policy frameworks related to generative AI and AI more broadly across different jurisdictions. Part III analyses generative AI's impact on specific areas of law, from non-discrimination and data protection to intellectual property, corporate governance, criminal law and more. Part IV examines the various practical applications of generative AI in the legal sector and public administration.

УСТОЙЧИВОСТЬ ПРАВОВОГО ЭФФЕКТА ОДНОСТОРОННЕГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ «MORTIS CAUSA» ПОД УСЛОВИЕМ

Е.А. БАБАДЖАНИЯ, PhD Candidate, Adjunct Assistant Professor Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (г. Астана, Республика Казахстан), e-mail: e_babadzhanyan@kazguu.kz

В статье рассматриваются проблемы реализации «последней» воли наследодателя при совершении волеизъявлений под условиями.

Актуальность исследуемых проблем опосредована слабой устойчивостью правового эффекта завещаний под условиями ввиду ряда факторов: 1) широкой дискреции судебного Ex post контроля при оценке условий, касающихся характера поведения наследника; 2) временной длительности выполнений указанных в завещании условий, препятствующих своевременной реализации прав кредиторов наследодателя; 3) отсутствием действующих механизмов реализации условий и др.

Предметом исследования являются правовые нормы, регламентирующие порядок совершения и реализации волеизъявлений «mortis causa» под условиями, а также сложившаяся нотариальная и судебная практика, демонстрирующая степень устойчивости правового эффекта таких волеизъявлений.

Цель работы заключается в оценке степени устойчивости правового эффекта односторонних волеизъявлений «mortis causa» под условием, выявлении проблем реализации такой последней воли наследодателя и определении путей решения выявленных проблем.

Новизна темы исследования заключается в отсутствии исследований, посвященных оценке устойчивости завещаний под условиями и слабым нормативным определением механизмов реализации последней воли наследодателя при волеизъявлении «mortis causa» под условиями в гражданском законодательстве Республики Казахстан.

Основные выводы сводятся к тому, что реализации положений о свободе завещания через нормативно установленные возможности предопределения условий для наследников препятствует слабая устойчивость либо самих условий, либо правового эффекта всего завещания ввиду наличия неопределенности в части оценки условий, чему препятствует отсутствие критериев оценки таких условий.

Ключевые слова: одностороннее волеизъявление, односторонняя сделка, «mortis causa», завещание, завещатель, наследодатель, наследник, условное завещание, особое завещательное распоряжение, завещательное возложение, завещательный отказ, свобода завещания, правовой эффект, устойчивость правового эффекта, наследство, наследование, наследственная масса, последняя воля.

Введение

Традиционно правопорядок признает завещание в качестве единственного распорядительного волеизъявления с каузой «на случай смерти» – mortis causa. В Казахстане отсутствует институт наследственных договоров и совместных завещаний и личное завещание представляет собой одностороннее сделочное нерецептивное волеизъявление по определению судьбы имущества на случай смерти.

Правовой эффект волеизъявления mortis causa является отложенным и наступает при наступлении особого события – смерти завещателя. Однако, несмотря на отложенность во времени, для раскрытия правового эффекта от завещания достаточно совокупности двух фактов: 1) совершения завещания в надлежащей форме; 2) смерти завещателя.

Тем самым завещание является нерецептивной сделкой, то есть не требующей восприятия адресата (попадания под информационный контроль адресата), соответственно обычно такое волеизъявление неинтервентное – не вторгается в правовую автономию адресата. Проблемы возникают тогда, когда нерецептивное волеизъявление является интервентным.. При отсутствии условия о раскрытии одностороннего волеизъявления после попадания в сферу информационного контроля адресата вторжение в его правовую автономию является нетипичным для частного права, создающим положение, когда фактически безграничная свобода одного участника частного правоотношения посягает на свободу другого. Завещания, содержащие условия для вступления в наследство или иные распоряжения в отношении характера поведения наследника, создающие обязательства или обязанности наследника, являются ярким примером таких односторонних нерецептивных интервентных волеизъявлений.

В целях установления пределов свободы условных завещаний в ст. 1047 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК) установлен *Ex ante* контроль таких условий – ничтожны противоправные условия и оспоримы «условия, которые невыполнимы для наследника по состоянию его здоровья или в силу иных объективных причин» [1]. Кроме того, пунктом 3 статьи 18 ГК РК устанавливается, что «сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, ничтожны, за исключением случаев, когда такие сделки допускаются законодательными актами» [2]. Однако все эти условия недействительности условий в завещаниях с условиями или самого завещания (за исключением противоправных) относятся к так называемым оценочным категориям, оценка которых осуществляется судами. В рамках настоящей статьи автором предпринята попытка определения критериев оценки условий в завещаниях с условиями для формирования системной единообразной и справедливой правоприменительной практики по спорам об оспаривании содержаний завещаний с условиями.

Материалы и методы

Исследование основано как на нормативных, так и доктринальных источниках, а именно на ранее проведенных исследованиях, посвященных завещаниям, односторонним сделочным волеизъявлениям и другим условным сделкам. Эмпирической основой послужили материалы судебной практики. Методология исследования строится на общенаучных методах: диалектический метод, методы индукции, дедукции, анализа и синтеза. Кроме того использованы формально-юридический метод, сравнительно-правовой и другие методы научного познания.

Основные положения

Пункт 1 статьи 1047 ГК РК в рамках свободы завещания устанавливает право завещателя «обусловить получение наследства определенным условием относительно характера поведения наследника» [1]. Отечественный законодатель сузил возможные условия, определив их связь с характером поведения наследников. Однако в ряде стран такая связь не установлена. Так, ГК Украины устанавливает более широкое определение условий «как связанных, так и не связанных с поведением наследников...» [3], но ограничивает их через оговорку об обязательности «существования таких условий на время открытия наследства» [3].

Завещание с условием в отечественном законодательстве представляет собой еще одно проявление свободы завещания наряду с существующими формами особых завещательных распоряжений. При этом ГК ограничивает «фантазию» завещателя рядом прямых запретов:

характером условий – условия не должны быть противоправными, противоправность условий предопределяет из ничтожность;

объективной и субъективной выполнимостью условий – условия должны соответствовать физиологическим и фактическим возможностям наследника их выполнить. При этом волевой аспект по смыслу пункта 3 статьи 1047 ГК РК не может влиять на действительность условий. А вот такие субъективные аспекты, как состояние здоровья или другие объективные причины, в силу которых выполнение условий для наследника становится невозможным, дают право наследнику оспорить эти условия.

Характер поведения как форма проявления условия в условных завещаниях в данном случае следует толковать достаточно ограничительно с применением инструментов телеологической редукции, так как данные условия не могут посягать на правоспособность и дееспособность наследника и каким-либо образом ограничивать их.

Кроме того, следует понимать, что несмотря на отсутствие прямого упоминания в формальном источнике права о запрете действий аморального характера, противоречащих общепринятым основам нравственности, слабо представляется возможность указания таковых в качестве допустимых для указания их в качестве условия для наследника, предшествующего его праву на наследование.

Действующее гражданское законодательство не дает ответа о применимости в отношении завещаний с условиями общих положений об условных сделках. Ответ на такой вопрос не является очевидным и в доктрине, так как существует строгое ограничение условий в волеизъявлениях «mortis causa».

Тем самым, положения об условных завещаниях не достаточно формализованы и требуют доктринального анализа для выработки основ для толкования при применении данных норм.

Обсуждение

Завещание с условием – не новое явление в частном праве и достаточно широко распространено в зарубежных юрисдикциях. Основой положений о завещаниях с условием является принцип свободы завещания, который предполагает не только свободу выбора наследников и распределения между ними наследства, но и свободу определения условий наследования, который могут выражаться как в установлении завещательных отказов, завещательных возложений, так и в определении отлагательных и отменительных условий при отсутствии императивных запретов.

В целом можно выделить две основные модели регулирования положений об условных завещаниях:

1) модель общего регулирования – когда в наследственном законе отсутствуют специальные положения, сужающие характер условий наследования по завещанию. Подобная модель существует в Российской Федерации. В ГК РФ отсутствуют специальные положения об условных завещаниях и такие подчиняются общим правилам об условных сделках. Однако правоприменитель в данной ситуации вынужден применять метод телеологической редукции при толковании положений об условных сделках применительно к завещаниям, так как завещательная свобода уже свободы договорных сделок и к моменту вступления завещания в силу волеизъявитель уже нет. Кроме того, следует понимать, что свобода завещания может вступить в конфликт со свободой наследования и установленные условия отлагательного характера при посягательстве на право- дееспособность наследника не могут иметь силы. А в отношении отменительных условий увеличивается риск неопределенности положения кредиторов, что в свою очередь может приводить к дестабилизации оборота;

2) модель специального регулирования – когда закон содержит положения, сужающие перечень возможных условий наследования и ограничивает виды таких условий. К примеру законодательство ряда стран (Украина, Казахстан) устанавливает возможность определения лишь отлагательных условий в завещании, хоть и без указания запрета на отменительные, но в силу характера изложения специальных норм такой запрет вытекает. Специальное регулирование может выражаться и в установлении критериев допустимых условий. Так, ГК РК определяет, что условия могут касаться лишь характера поведения наследника, что означает недопустимость обуславливания наследования другими обстоятельствами.

В рамках модели специального регулирования представляется достаточно сложным применение общих положений об условных сделках к завещаниям с условиями. За исключением, пожалуй, положений о добросовестности. Является неопределенным также вопрос о том, к какому периоду времени должны быть привязаны условия в условных завещаниях? Может ли завещатель обусловить принятие наследства условием о характере поведения наследника, совершаемом при жизни наследодателя? Или такое поведение должно быть продемонстрировано после? А если после, то в течение какого времени после открытия наследства, насколько продолжительным оно должно быть и др.

В отечественной судебной практике редко встречаются дела, связанные с оспариванием условных завещаний. За период с 2009 по 2024 гг. нами выявлено всего 11 подобных дел и говорить о сложившейся практике в подобных условиях весьма сложно, так как по каждому из определенных выше вопросов невозможно выявить более одного дела за весь период и то в лучшем случае.

Так, по вопросу о периоде времени для совершения условия, указанного в завещании по делу № 2Ж-424/2011 Кассационная судебная коллегия Акмолинского областного суда в своем Постановлении от 15 сентября 2011 г. допускает привязку условия к периоду до смерти завещателя. Согласно факту дела Истец просил признать свидетельство о наследовании по завещанию недействительным в связи с невступлением в действие завещания, по которому имелось ненаступившее отлагательное условие в отношении характера поведения наследника. Так, наследник должен быть осуществлять уход за завещателем до смерти последнего и суд констатировал невыполнение такого условия, согласился с выводами нижестоящих судов о недействительности выданного свидетельства [4].

Суд не анализирует о возможность включения таких условий в завещание, и ссылаясь на общие нормы об условных сделках, осуществляет оценку фактов, исходя из допустимости таких условий в условных завещаниях. Мы полагаем, что в подобной ситуации следовало задаться вопросом: а как завещатель будет корректировать свое поведение для целей выполнения условий, указанных в завещании, не зная о таковых? Факт незнания в данном случае должен презюмироваться судом в силу действия принципа тайны завещания, о содержании которого завещатель не должен был знать, и как правило узнает после открытия наследства. Соответственно, добиться желаемого наследодателем поведения объективно невозможно и наследодатель просто полагается на «волю случая». В подобной ситуации теряется весь смысл условных завещаний, цель которых позволить наследодателю повлиять на поведение наследника (дать шанс исправиться, исправить свою жизнь и т.п.) в положительном ключе.

Полагаем, что обуславливание наследования характером поведения на период до смерти наследодателя в условиях завещания как личной тайной односторонней сделки – это юридический оксюморон. Если мы признаем таковые, то фактически должны понимать, что их реализация возможна только через наследственный договор, не признаваемый в казахстанском праве.

С одной стороны, как сторонники презумпции диспозитивности в гражданском праве и свободы волеизъявления, полагаем, что отсутствуют политико-правовые основания ограничения права на установление правомерных отлагательных условий в завещании. Но с другой стороны, исходя из законодательного сужения подобных условий в волеизъявлениях на случай смерти для целей наследования до условий относительно характера поведения наследника, считаем, что цель такого специального регулирования состоит в предоставлении завещателю возможности «исправить» неудобное социально-порицаемое поведение наследника и т.п. Соответственно, когда завещатель хочет от наследника поведения в пользу себя до открытия наследства, то разумнее это оформлять через наследственный договор, так как конверсия такого завещания в ренту невозможна ввиду того, что при ренте собственности переходит при жизни получателя ренты.

Примечательно, что германское законодательство напрямую запрещает определение условий о поведении наследника в пользу завещателя и судебная практика завещательные условия о посещении наследодателя или осуществления ухода за ним предопределяет как ничтожные [5]. В целом немецкий подход заключается в том, что свобода завещания ограничивается свободой выбора наследника, а также правовыми и моральными нормами. Кроме того условия в условных завещаниях должны быть достаточно определенными, не вызывающими сомнения и не предполагающими двоякое толкование [6]. В целом немецкое законодательство придерживается общей модели регулирования условных завещаний как условных сделок, предопределяя критерии действительности условий и выделяя такие условия как: отлагательные, отменительные и условия в пользу третьего лица. А судебная практика, в свою очередь, в рамках *Ex post* контроля с применением телеологической редукции предопределила общие принципы допустимости и недопустимости условий для каждой группы.

Полагаем, что в рамках существующей свободы завещания, расширение свободы определения условий наследования не может вызвать каких-либо проблем при условии соблюдения ряда критериев, связанных с ограничением допустимости условий. Таковыми могли бы стать следующие:

- отсутствие посягательств на право-дееспособность наследника;
- правомерность условий (отсутствие противоправности);
- вероятность условий и фактическая возможность их соблюдения, если они касаются характера поведения наследника;

отсутствие нахождения условий в противоречии с общепризнанными нравственными ценностями; отсутствие угрозы любого вреда при их соблюдении (исполнении); несвязанность условий с любыми предоставлениями наследодателю при его жизни.

В условиях существующей свободы договора автор настоящей статьи не видит препятствий для введения института наследственного договора в казахстанское гражданское законодательство. Указанная конструкция похожа на договор ренты, но не идентична ему, так как устанавливает дополнительное условие (срок) для встречного предоставления – смерть наследодателя. В современных условиях и в целях расширения принципа диспозитивности подобное нововведение позволило бы расширить свободу наследования участников наследственных отношений.

Еще одним вопросом является вопрос о продолжительности состояния подвешенности наследника после открытия наследства и его принятия. К примеру, завещатель определил, что наследнику завещается имущество при условии получения высшего образования. Известно, что срок принятия наследства составляет 6 месяцев со дня его открытия и при принятии наследства по истечению указанного срока нотариус выдает свидетельство о праве на наследство, а право собственности на вещи, входящие в состав наследства, считается возникшим со дня смерти наследодателя. Подобная позитивная фикция была введена для целей решения проблем «лежачего» наследства – периода существования имущественной массы без правообладателя. Значит ли это, что наследник связан этим сроком и продемонстрировать соответствующее поведение должен в пределах этого срока? В таком случае ряд условий попадут в разряд заведомо неисполнимых, в том числе и достаточно положительное условие, описанное в фабуле выше. Определенно следует редуцировать при толковании положений о сроке с учетом принципов разумности и интересов кредиторов, находящихся в состоянии ожидания. В немецкой правоприменительной практике суды признают условие наступившим, если наследник совершил попытку его исполнения [7; 451]. Однако только в том случае, если есть разумные сомнения [8; 100-106].

Полагаем, что введение конкретных сроков для демонстрации наследником поведения, предписанного в завещании, не является разумным при условии установления предельных границ (в пределах 1-3 лет). Нижний предел при этом охватывается сроком принятия наследства.

Заключение

Проведенное исследование позволило резюмировать ряд выводов.

Казахстанское наследственное законодательство в отношении условных завещаний обладает крайне низкой степенью формализованности, а при отсутствии сложившейся судебной практики формальная неопределенность таких положений кажется еще выше. Такое положение способствует фактической невостребованности исследуемого института. В нотариальной практике крайне редко встречаются случаи усложнения содержания завещания какими-либо условиями в отношении характера поведения наследника.

Выявленная казахстанская судебная практика идет в разрез с существующими мировыми моделями и доктринами в сфере применения волеизъявления «mortis causa» под условием. В частности, нельзя считать допустимыми такие условия в условных завещаниях, которые касаются поведения наследника в пользу наследодателя демонстрируемого и ограниченного периодом до открытия наследства. Формула о встречном предоставлении наследодателю при жизни при условии встречного предоставления после смерти наследодателя не может составлять содержания условного завещания. Такая формула предопределяет необходимость выражения встречного волеизъявления, а значит может быть оформлена только через договор. Казахстанскому законодательству знакома конструкция подобных договоров как рентных, однако квалифицировать отношения из них как рентные нельзя ввиду несоответствия такому квалифицирующему признаку как предоставление вещи в собственность при жизни. Полагаем, что в рамках существующей свободы договора следовало бы прямо признать возможность заключения наследственного договора и исключить или сузить запрет о распоряжении имуществом на случай смерти в какой-либо иной форме кроме завещания.

Предельные сроки демонстрации желаемого наследодателем поведения в рамках свободы завещания могут быть установлены самим завещателем, однако в целях гарантии прав кредиторов не должны превышать одного года, являющегося разумным для демонстрации такого поведения

и аналогичным срокам гарантии прав отсутствующих наследников. При этом при возникновении сомнений о соблюдении условий суды должны расценивать условия как соблюденные при демонстрации попыток его их соблюдения в пределах установленных сроков.

Е.А. Бабаджанян, з.ғ.м., Maqcut Narikbayev University жеке құқық ғылыми мектебінің Adjunct Assistant Professor (Астана қ., Қазақстан Республикасы): «Mortis causa» біржақты ерік білдірудің құқықтық әсерінің тұрақтылығы.

Мақалада шартпен ерік білдірген кезде мұра қалдырушының «соңғы» еркі жүзеге асыру мәселелері қарастырылады.

Зерттелетін проблемалардың өзектілігі бірқатар факторларға байланысты өсиеттердің құқықтық әсерінің әлсіз тұрақтылығымен жанама болады: 1) мұрагердің мінез-құлқының сипатына қатысты шарттарды бағалау кезінде сот Ex post бақылауының кең дискрециясы; 2) өсиетте көрсетілген шарттардың орындалуының уақытша ұзақтығы, мұрагердің кредиторларының құқықтарын уақтылы іске асыруға кедергі келтіреді; 3) шарттарды іске асырудың қолданыстағы механизмдердің жоқтылығы және т. б.

Зерттеу тақырыбы «mortis causa» деген ерік білдіру шарттармен орындау және іске асыру тәртібін реттейтін құқықтық нормалар, сондай-ақ осындай ерік құқықтық әсерінің тұрақтылық дәрежесін көрсететін қалыптасқан нотариаттық және сот практикасы болып табылады.

Зерттеудің мақсаты - «mortis causa» деген біржақты ерік білдірудің құқықтық әсерінің тұрақтылық дәрежесін бағалау, мұра қалдырушының осындай соңғы еркі жүзеге асырылу проблемаларын анықтау және анықталған мәселелерді шешу жолдарын ұсыну.

Зерттеу тақырыбының жаңалығы Қазақстан Республикасының азаматтық заңнамасында шарттармен «mortis causa» деген ерік білдірген кезде мұра қалдырушының соңғы еркі іске асырылу тетіктерінің жоқшылығы және өсиеттердің тұрақтылығын бағалауға арналған зерттеулердің жоқшылығында жатыр.

Түйінді сөздер: мұрагерлер үшін шарттардың тұрақтылығының әлсіздігі шарттарды алдын ала белгілеу арқылы өсиет бостандығы туралы ережелерді іске асыруға кедергі жасайды, немесе шарттардың бір бөлігінің белгісіздігі өсиеттің құқықтық әсерін бағалауға кедергі келтіреді.

Ye.L. Babajanyan, Master of Laws, Adjunct Assistant Professor of the Higher School of Law of Maqcut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan): Sustainability of legal effect of unilateral expression of will 'mortis causa' under condition.

The article considers the problems of realisation of the 'last' will of the testator when making wills under conditions.

The relevance of the problems under research is mediated by the weak stability of the legal effect of wills under conditions due to a number of factors: 1) wide discretion of judicial Ex post control in assessing the conditions concerning the nature of the heir's behaviour; 2) temporary duration of fulfilment of the conditions specified in the will, which prevent the timely realisation of the rights of the testator's creditors; 3) absence of effective mechanisms for the implementation of the conditions, etc.

The subject of the research are the legal norms regulating the procedure for making and realising wills 'mortis causa' under conditions, as well as the established notarial and judicial practice demonstrating the degree of stability of the legal effect of such wills.

The purpose of the paper is to assess the degree of sustainability of the legal effect of unilateral wills 'mortis causa' under the condition, to identify the problems of realisation of such last will of the testator and to determine the ways of solving the identified problems.

The novelty of the research topic lies in the absence of studies devoted to the assessment of the stability of wills under conditions and weak normative definition of the mechanisms of realisation of the testator's last will at the will 'mortis causa' under conditions in the civil legislation of the Republic of Kazakhstan.

The main conclusions are that the implementation of the provisions on freedom of will through normatively established possibilities of predetermination of conditions for heirs is hindered by the weak stability of either the conditions themselves or the legal effect of the whole will due to the uncertainty in the assessment of conditions, which is hindered by the lack of criteria for assessing such conditions.

Keywords: unilateral expression of will, unilateral transaction, 'mortis causa', will, testament, testator, testator, heir, conditional will, special testamentary disposition, testamentary assignment, testamentary refusal, freedom of will, legal effect, stability of legal effect, inheritance, inheritance, inheritance mass, last will.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_/info (27.01.2025).
2. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 года № 268-XIII. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (27.01.2025).
3. Цивільний кодекс України от 16.01.2003 № 435-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/435-15> (27.01.2025).
4. Постановление Акмолинского областного суда от 15 сентября 2011 г. № 2К-424/2011 // BestProfі (ограниченный доступ).
5. Бергманн, В. Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению: пер. с нем. М., Wolters Kluwer Russia. 2008.
6. Kann ich mein Testament mit Bedingungen versehen? URL: <https://www.testament-erben.de/kann-ich-mein-testament-mit-bedingungen-versehen.html> (27.01.2025).
7. Kroiss L., Ann C., Mayer J. Anwalt Kommentar BGB. Band 5: Erbrecht. 2. Auflage. Bonn: Reemers Publishing Services GmbH, 2007.
8. Абраменков, М.С. Институт условных завещаний в наследственном праве зарубежных государств. In Правовое регулирование наследственных отношений (к 20-летию принятия Части III Гражданского Кодекса Российской Федерации). М., 2022.

References:

1. Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Osobennaya chast') ot 1 iyulya 1999 goda № 409. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409_/info (27.01.2025).
2. Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshchaya chast') ot 27 dekabrya 1994 goda № 268-XIII. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (27.01.2025).
3. Civil'nij kodeks Ukraїni ot 16.01.2003 № 435-IV. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/card/435-15> (27.01.2025).
4. Postanovlenie Akmolinskogo oblastnogo suda ot 15 sentyabrya 2011 g. № 2K-424/2011 // BestProfі (ogranichennyj dostup).
5. Бергманн, В. Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению: пер. с нем. М., Wolters Kluwer Russia. 2008.
6. Kann ich mein Testament mit Bedingungen versehen? URL: <https://www.testament-erben.de/kann-ich-mein-testament-mit-bedingungen-versehen.html> (27.01.2025).
7. Kroiss L., Ann C., Mayer J. Anwalt Kommentar BGB. Band 5: Erbrecht. 2. Auflage. Bonn: Reemers Publishing Services GmbH, 2007.
8. Абраменков, М.С. Институт условных завещаний в наследственном праве зарубежных государств. In Правовое регулирование наследственных отношений (к 20-летию принятия Части III Гражданского Кодекса Российской Федерации). М., 2022.

Для цитирования и библиографии: Бабаджанян Э.А. Устойчивость правового эффекта одностороннего волеизъявления «mortis causa» под условием // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 68-74. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_68

Материал поступил в редакцию 27.01.2025

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ РАБОТНИКОВ ОТ СТРЕССА НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

М.Х. ХАСЕНОВ, PhD по юриспруденции, ассоциированный профессор, Associate Professor Maqsut Narikbayev University (г. Астана, Республика Казахстан), e-mail: m_khasenov@kazguu.kz

М. ҚАНАТҚЫЗЫ, Research Assistant Maqsut Narikbayev University (г. Астана, Республика Казахстан), e-mail: m_kanatkyzy@kazguu.kz

Актуальность темы обусловлена влиянием психосоциальных факторов на здоровье работников и отсутствием необходимого правового регулирования данных аспектов трудовых отношений в казахстанском законодательстве. Предмет исследования составляют международные стандарты, нормативные правовые акты и судебная практика, а также доклады международных организаций и научных институтов, публикации ученых и экспертов. Цель работы заключается в формировании научно обоснованных рекомендаций по правовому обеспечению психологического здоровья работников. В рамках проведенного исследования использованы сравнительно-правовой и формально-юридический методы, методы контент-анализа и анализа судебной практики. Новизна работы состоит в сопоставлении казахстанского трудового права с международными стандартами и передовой зарубежной практикой. В результате исследования авторами предложено закрепить в Трудовом кодексе РК принцип обеспечения права работника на уважение и защиту своего достоинства в сфере труда, а также включить право работника на уважение достоинства. Кроме того, обосновано дополнение перечня профессиональных заболеваний умственными и поведенческими расстройствами, включающими посттравматический стресс, как это предусмотрено в Рекомендации МОТ №194 «О перечне профессиональных заболеваний, уведомлении о несчастных случаях и их регистрации». Необходимо адаптировать и расширить понятийный аппарат, закрепленный в Трудовом кодексе РК, включив в него такие понятия, как «здоровье работника» «психосоциальные риски», «стресс на рабочем месте» и «переработка» (которую следует отличать от сверхурочной работы). Эти понятия должны получить четкое правовое определение, что позволит регулировать вопросы защиты работников от психосоциальных рисков на законодательном уровне.

Ключевые слова: стресс на рабочем месте, психосоциальные риски, достоинство работника, здоровье работника, трудовое право, охрана труда, безопасные условия труда, профессиональное (эмоциональное) выгорание, психологическое насилие, посттравматический стресс, умственные (поведенческие) расстройства.

Введение

Стресс на рабочем месте представляет собой значительный фактор риска для здоровья работников, влияя на их благополучие и производительность труда. В условиях глобализации и трансформации трудового рынка вопросы защиты психического здоровья работников приобретают особую актуальность.

По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), из-за депрессивных и тревожных расстройств страны мира ежегодно теряют 12 миллиардов трудовых дней, что соответствует производственным потерям в размере 1 трлн долл. США в год. В 2019 году 15% населения трудоспособного возраста имело психические расстройства [26].

Международная организация труда (МОТ) признаёт стресс на рабочем месте значимым психосоциальным риском, который требует правового регулирования. Казахское трудовое законодательство, несмотря на ратификацию ряда международных конвенций, всё ещё недостаточно подготовлено к современным вызовам, связанным с защитой работников от стресса.

Настоящая статья направлена на анализ существующих правовых механизмов защиты работников от стресса в Казахстане и зарубежных странах. В рамках исследования будут рассмотрены теоретические аспекты, правовое регулирование, судебная практика и возможные направления совершенствования законодательства РК.

Правовое обеспечение защиты работников от стресса в Казахстане практически отсутствует. Трудовой кодекс РК и подзаконные акты ориентированы на физическую безопасность работников, а психосоциальные риски игнорируются.

Анализ зарубежной практики показывает, что эффективное регулирование включает право на уважение достоинства работника, «отключение» от работы, ограничения переработок и компенсационные механизмы. Судебная практика в Казахстане не рассматривает стресс как основание для защиты прав работников, в отличие от зарубежных подходов.

Решение проблемы требует совершенствования законодательства, включая усиление контроля за психосоциальными рисками и разработку механизмов защиты от стресса, в том числе порождающих его причин, таких как различные формы дискриминации и насилия на рабочем месте. Необходимо внедрение в понятийный аппарат трудового законодательства терминов «достоинство работника», «здоровье работника», «психосоциальные риски», «стресс на рабочем месте» и «переработка», а также четкий механизм правового регулирования защиты психического здоровья, включая компенсацию морального вреда и введение обязательств работодателя по снижению психосоциальных рисков.

Основные положения

Материалы и методы

В статье используется сравнительно-правовой метод, в рамках которого рассмотрены международные стандарты, включая конвенции МОТ, а также нормы трудового законодательства Франции, Португалии, Италии и Японии. Применен формально-юридический метод, в рамках которого проведен анализ нормативно-правовой основы охраны труда и психического здоровья работников. Проанализирована судебная практика, в том числе казахстанская и зарубежная, в которой рассматривались требования по компенсации морального вреда, вызванного стрессом на рабочем месте. Использованы эмпирические данные, включая результаты опросов Агентства по делам государственной службы Республики Казахстан, доклады МОТ, ВОЗ и исследования Республиканского научно-исследовательского института по охране труда. Также применялся метод контент-анализа научных публикаций, международных рекомендаций и стратегий, направленных на совершенствование правового регулирования психосоциальных рисков.

Результаты

1. Теоретические основы правового регулирования психосоциальных рисков

Понятие «стресс» впервые было предложено Гансом Селье в 1936 г. и трактовалось им как «неспецифическая реакция организма на необходимость адаптации к изменениям» [28, с. 4]. В дальнейшем, по мере развития научных исследований и процессов глобализации рынка труда, его определение претерпело изменения. В частности, МОТ описывает стресс как «негативную физическую и эмоциональную реакцию, возникающую вследствие дисбаланса между осознаваемыми человеком требованиями и теми ресурсами и возможностями, которыми он располагает для их удовлетворения» [7, с. 5].

МОТ признаёт стресс на рабочем месте значимым фактором риска для здоровья работников и рекомендует государствам-членам внедрять нормативно-правовые механизмы для его регулирования. Казахстан ратифицировал ряд фундаментальных конвенций МОТ, направленных на обеспечение безопасности и гигиены труда. Среди них:

Конвенция МОТ № 155 «О безопасности и гигиене труда и производственной среде», которая включает в понятие «здоровье» не только физические, но и психические аспекты [17];

Конвенция МОТ № 187 «Об основах, содействующих безопасности и гигиене труда», которая акцентирует внимание на необходимости комплексного подхода к охране труда, включая профилактику психосоциальных рисков [18].

В 2010 г. МОТ обновила перечень профессиональных заболеваний, включив в него посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) как психическое и поведенческое расстройство, вызванное условиями труда [14, с. 6]. Это, в свою очередь, обязывает работодателей и государственные органы разрабатывать и внедрять меры по предотвращению таких состояний, включая программы психологической поддержки, обучение менеджеров и сотрудников методам управления стрессом, а также формирование условий, способствующих снижению уровня стрессовых факторов на рабочем месте.

Несмотря на международные обязательства, национальное законодательство Казахстана пока не обеспечивает достаточную защиту работников от стресса.

2. Национальное законодательство Казахстана в сфере защиты психического здоровья работников

В настоящее время реализация права работников на охрану здоровья осуществляется через закреплённые в трудовом законодательстве нормы, охватывающие вопросы безопасности труда, защиты здоровья, право на отдых и материальную ответственность работодателя. Конституция Республики Казахстан гарантирует каждому человеку право на труд, соответствующие требованиям безопасности и гигиены, а также право на отдых [15]. Кроме того, Республика Казахстан, наряду с ратификацией конвенций МОТ, присоединилась и к другим международным документам. Так, в статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭ-СКП) закреплено право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья [9]. Данное право тесно взаимосвязано с фундаментальными принципами международного и национального законодательства, такими как принцип равенства и недопустимость дискриминации, отражёнными в статье 7 Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) [6] и статье 26 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) [10].

Во-первых, одной из актуальных проблем трудового законодательства является сохраняющееся идеологическое наследие советского периода в подходах к правовому регулированию трудовых отношений. В Казахстане, как и в других странах постсоветского пространства, по-прежнему используется термин «охрана труда», а ранее действовавший закон «Об охране труда и безопасности» до его включения в Трудовой кодекс в 2007 г. разрабатывался преимущественно с учётом интересов работников производственного сектора [11]. Впоследствии в 2015 году его базовые понятия и нормы без существенных изменений были интегрированы в Трудовой кодекс Республики Казахстан, что затрудняет создание единого и согласованного механизма правового регулирования охраны здоровья работников.

Понятие «охрана труда» в национальном законодательстве по-прежнему интерпретируется преимущественно через призму физического здоровья работников и мер защиты от производственного травматизма, возникающего в процессе трудовой деятельности, при этом психологическому здоровью не уделяется внимание. В связи с этим возникает коллизия между казахстанским законодательством и положениями ратифицированной Конвенции МОТ № 155, которая в определении понятия «здоровье» однозначно включает как физические, так и психические аспекты.

О важности понятийного аппарата в трудовом праве отмечала профессор С.Ю. Головина, подчеркивая, что он представляет собой не просто перечень терминов и их толкований, а целостную систему взаимосвязанных понятий, каждое из которых занимает конкретное место и выполняет определённую функцию [3, с. 72]. Однако, как отмечалось выше существующая терминология казахстанского трудового законодательства охватывает преимущественно физическое здоровье работников и связанные с ним профессиональные риски и заболевания. При этом отсутствие ясных правовых дефиниций таких понятий, как «психосоциальные риски» и «стресс на рабочем месте», приводит к невозможности работников требовать компенсации за ухудшение психоло-

гического состояния, вызванного трудовой деятельностью. В действующем Трудовом кодексе РК не представлены такие понятия, как «здоровье работника», «психосоциальные риски», «стресс на рабочем месте» и «переработка» (которая отличается от разрешённой сверхурочной работы и представляет собой чрезмерное превышение рабочих часов), что значительно осложняет их эффективное правовое регулирование на практике. Введение данных понятий в законодательство позволило бы создать полноценные механизмы защиты прав работников, установить чёткие обязанности работодателей по снижению и профилактике стрессовых факторов, а также разработать процедуры компенсации причинённого вреда здоровью.

Во-вторых, в Казахстане, как и во многих других развивающихся странах, стресс на рабочем месте формируется под влиянием целого ряда психосоциальных факторов, среди которых особое значение приобретают чрезмерная рабочая нагрузка (переработки), дискриминация, психологическое давление и недостаточное регулирование рабочего времени. Особенно остро эти проблемы обострились в период пандемии COVID-19 в 2019 г., когда медицинские работники, оказавшиеся на передовой борьбы с вирусом, испытывали высокий уровень стресса из-за перегрузок, эмоционального выгорания и постоянного взаимодействия с тяжелобольными пациентами. Помимо этого, в Казахстане остаются актуальными проблемы высокой текучести кадров, неудовлетворённости размером заработной платы, регулярных переработок и формирования нездоровой корпоративной культуры. Так, по данным опроса, проведённого Курсив-медиа, 39,1% респондентов отмечают, что работа является источником сильного напряжения и стресса [20].

В-третьих, одной из серьёзных проблем, влияющих на психическое здоровье работников, является насилие и дискриминация на рабочем месте. Согласно определению МОТ, насилие на рабочем месте охватывает любые действия, происшествия или поведение, выходящие за рамки профессиональной нормы и создающие угрозу для жизни и здоровья работников. Оно подразделяется на физическое, связанное с применением силы, и психологическое, включающее в себя угрозы, унижения, оскорбления и другие формы эмоционального давления [7, с. 31].

Показательным примером нерешённости данной проблемы в Казахстане является случай Анны Белоусовой, ставший первым подобным делом в Центральной Азии, рассмотренным Комитетом ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин. Анна Белоусова, гардеробщница сельской школы в Костанайской области, подвергалась длительным сексуальным домогательствам и психологическому давлению со стороны руководителя учреждения. Несмотря на многочисленные жалобы, правоохранительные органы и суды не обеспечили ей защиту, более того, она сама была обвинена в клевете. Только после обращения в Комитет ООН её жалоба была удовлетворена, а действия казахстанских властей признаны нарушением международных обязательств. Тем не менее, даже после этого решения судебные и административные органы Казахстана долгое время не могли обеспечить исполнение рекомендаций Комитета и выплату компенсации потерпевшей, ссылаясь на отсутствие необходимых механизмов в национальном законодательстве [2].

Согласно исследованию Республиканского научно-исследовательского института по охране труда МТСЗН РК, 51% опрошенных женщин хотя бы раз в жизни сталкивались с дискриминацией, насилием или домогательствами на рабочем месте, причем наибольшее число таких случаев зарегистрировано в Костанайской области и Астане [27]. МОТ данные вопросы регулирует посредством Конвенции МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий [16] и Конвенции МОТ № 190 об искоренении насилия и домогательств в сфере труда [19]. Однако Казахстан до сих пор не ратифицировал Конвенцию №190, что ограничивает применение международных стандартов и затрудняет правовую защиту работников от психологического насилия. Отсутствие нормативных механизмов приводит к тому, что случаи насилия и дискриминации остаются без надлежащего рассмотрения, что усугубляет психосоциальные риски и снижает уровень защиты психического здоровья работников.

В-четвертых, переработки также являются значительным фактором профессионального стресса, особенно среди государственных служащих. Согласно данным опроса, проведённого АГДС РК в 2024 году, 90,4% государственных служащих сталкиваются со стрессом на рабочем месте, а 32,5% испытывают стресс часто или очень часто. Основными причинами названы высокий уро-

вень нагрузки, негативный морально-психологический климат в коллективе, отсутствие гибкого графика и низкий баланс между работой и личной жизнью. 68% служащих задерживаются после работы или выполняют рабочие задачи дома, а порядка 30% респондентов связывают переработки с нерациональной организацией труда. В 72% случаев компенсации или отгулы за переработки не предоставляются [1, с. 6].

Введение административной ответственности работодателя за переработки, а также закрепление права на «отключение» от работы в нерабочее время могло бы стать эффективным механизмом борьбы с профессиональным стрессом. Однако такие меры пока не включены в подведомственные приказы и иные обязательные акты, что снижает их практическую значимость и ограничивает влияние на работодателей. Отсутствие четко установленных правовых механизмов влечет за собой дальнейшее ухудшение условий труда и рост психосоциальных рисков.

3. Международный опыт в сфере защиты психического здоровья работников

Здоровье работников признаётся одним из ключевых компонентов человеческого капитала, а эффективное управление здоровьем персонала тесно связано с повышением производительности труда и уровнем удовлетворённости работников. ВОЗ отмечает важность психического здоровья на рабочем месте, выпускает специальные руководства и аналитические документы, в которых представлены практические рекомендации по минимизации психосоциальных рисков, таких как чрезмерная рабочая нагрузка, негативное поведение коллег и руководства, а также обучению управленческих кадров навыкам создания благоприятной рабочей атмосферы [4]. В свою очередь, МОТ в Глобальной стратегии управления охраной здоровья работников подчёркивает необходимость комплексного подхода, основанного на предотвращении как физических, так и психологических рисков на рабочем месте. Подобные инициативы показывают важность включения вопросов психического благополучия в трудовую политику и стратегическое управление человеческим капиталом на уровне государства и отдельных организаций [13, с. 9].

Достойные условия труда имеют принципиальное значение для психического здоровья работников, поскольку способствуют формированию ощущения стабильности, удовлетворённости, социальной значимости и вовлечённости в трудовую деятельность. Напротив, неблагоприятные рабочие условия, такие как чрезмерная нагрузка, дискриминация и отсутствие гарантий занятости, представляют серьёзный риск для психологического благополучия работников и их общего качества жизни. Согласно отчёту Всемирной организации здравоохранения за 2022 г., около 15% взрослых людей трудоспособного возраста во всём мире сталкиваются с различными психическими расстройствами, вызванными или усугублёнными условиями труда, что приводит к ежегодным потерям производительности примерно в 1 триллион долларов США [4, с. 19]. Аналогично, данные ОЭСР показывают, что в странах, входящих в эту организацию, около 20% работников ежегодно страдают от проблем, связанных с психическим здоровьем, а последствия выражаются в высоком уровне текучести кадров, частых больничных отпусках и значительных затратах на здравоохранение [4, с. 21].

Техническое регулирование вопросов управления психосоциальными рисками на рабочем месте на международном уровне представлено стандартом ISO 45003. Данный документ является первым глобальным стандартом, который устанавливает комплексные рекомендации по управлению факторами, оказывающими негативное влияние на психическое здоровье работников. Стандарт ISO 45003 определяет механизмы выявления и устранения таких рисков, как неэффективные коммуникации, несбалансированность рабочей нагрузки, неопределённость рабочих ролей и негативный психологический климат в коллективе. Также стандарт содержит конкретные указания по формированию ответственности работодателей за психологическое благополучие работников и созданию безопасных условий труда с точки зрения не только физического, но и психического здоровья [12].

В 2017 г. во Франции вступило в силу право на отключение, позволяющее сотрудникам не отвечать на рабочие звонки и электронные письма в нерабочее время. Эта мера стала частью реформы трудового законодательства, принятой в 2016 году. Компании с численностью более 50 сотрудников обязаны согласовывать с работниками условия использования цифровых коммуникаций. В случае отсутствия соглашения работодатель должен установить внутренние правила, регулирующие право

на отключение. Закон направлен на снижение стресса и поддержку баланса между работой и личной жизнью, особенно в условиях цифровой экономики, где границы рабочего времени размыты. [21]

Кроме того, важным примером законодательного регулирования психосоциальных рисков является опыт Португалии, которая в конце 2021 г. официально признала право удалённых работников на «отключение от работы» («right to disconnect»). Новые законодательные нормы запрещают работодателям беспокоить сотрудников по рабочим вопросам в нерабочее время, гарантируя таким образом чёткое разграничение рабочего и личного времени. Данный шаг направлен на защиту психического здоровья работников и предотвращение профессионального выгорания, которое во многом связано с постоянной доступностью и отсутствием баланса между работой и личной жизнью [22].

Французский и португальский опыт может служить примером для Казахстана, где проблема переработок и отсутствия четкого разграничения рабочего времени остается актуальной. Внедрение аналогичных норм могло бы способствовать защите психического здоровья работников и улучшению условий труда.

Япония, одна из стран с высоким уровнем трудовых самоубийств, ввела в своё законодательство термин «кароси» — смерть от переработки. Эта проблема впервые была выявлена в 1970 г. и остаётся актуальной по сей день [31, с. 19–28]. В 2020 г. было зарегистрировано 1918 самоубийств, связанных с рабочим процессом. Япония признала эту проблему на законодательном уровне и предусмотрела защитные и компенсационные механизмы. В ответ на эту проблему правительство установило «черту кароси» — 80 часов сверхурочной работы в месяц. Если переработки превышают этот порог, смерть сотрудника может быть признана связанной с работой, что позволяет его родственникам претендовать на компенсацию [32]. Разработка компенсационных механизмов для работников, пострадавших от стрессовых условий труда, могло бы стать эффективной мерой защиты здоровья работников Казахстана.

4. Судебная практика

В США судебное дело «Meritor Savings Bank v. Vinson» стало важным прецедентом в вопросах защиты сотрудников от харассмента и психологического стресса на рабочем месте. Сотрудница банка подала иск против работодателя, указав на длительные сексуальные домогательства со стороны начальника, которые создали унижительную и стрессовую рабочую среду и привели к серьёзным психологическим последствиям. Верховный суд США впервые признал, что сексуальные домогательства, создающие враждебную рабочую среду, являются формой дискриминации по половому признаку [23]. Важным выводом стало признание того, что психологический ущерб, причинённый работнику вследствие харассмента, является достаточным основанием для привлечения работодателя к ответственности и взыскания компенсации.

Аналогичный вывод сделан и в Великобритании по делу «Walker v. Northumberland County Council», где рассматривался вопрос о чрезмерной рабочей нагрузке и её последствиях для психического здоровья. Истец, Джон Уокер, руководитель отдела социального обеспечения, перенёс два нервных срыва из-за постоянного стресса на работе, после чего был вынужден оставить должность по состоянию здоровья. Суд признал, что работодатель обязан принимать меры по предотвращению не только физических травм, но и психологического вреда, если такой вред можно было предвидеть [33]. Этот судебный прецедент подтвердил, что работодатели должны учитывать риск психологического перенапряжения работников и нести ответственность за неспособность обеспечить адекватные условия труда и психологическую поддержку.

В судебной практике Франции в одном деле стресс работника, выполняющего функции редактора в издательстве, был вызван чрезмерной рабочей нагрузкой и привел к инфаркту и последующему признанию работника неспособным к продолжению работы. Чрезмерная рабочая нагрузка была обусловлена политикой работодателя по снижению затрат: были увеличены часы работы, уменьшено количество работников. Работодатель утверждал, что не знал о существовании угрозы здоровью работника, поскольку работник не сообщал об ухудшении своего здоровья и о невозможности выполнения увеличившегося количества работы. Ежегодные медицинские осмотры признавали работника здоровым и способным к дальнейшему выполнению трудовых

обязанностей. Суд посчитал, что учитывая подчиненное положение работника, он не мог противостоять политике работодателя. Работодатель не оценил воздействие политики снижения затрат на здоровье работников, нарушив таким образом свое обязательство обеспечить результат охраны труда. Работнику была выплачена компенсация в сумме 41000 евро [29, с. 103–110].

В Италии была признана несчастным случаем смерть работника от инфаркта, вызванная внезапным стрессом, обусловленным страхом машиниста поезда совершить наезд на пешехода, переходившего пути в неполюженном месте. Кроме того, смерть от инфаркта, вызванная стрессом от переутомления (работы в течение 12-14 часов несколько дней подряд), была также признана несчастным случаем несмотря на то, что смерть наступила через несколько дней после окончания работы. Интересно отметить, что судебная практика по возмещению вреда, причиненного стрессом, значительно эволюционировала в последние 20 лет, поскольку еще в 1987 г. в аналогичном деле суд отказал в признании несчастным случаем смерть работника от инфаркта, наступившего вследствие стресса от длительной поездки и сложных условий [29, с. 103–110].

В казахстанской судебной практике по защите здоровья от стресса сформировался иной подход. Одним из показательных примеров является дело №2310-21-2/4255, в котором истец оспаривал дисциплинарное взыскание, ссылаясь на влияние рабочего стресса на своё здоровье [21]. Однако суд сослался на принцип «не всякое субъективное право подлежит защите», указав, что само по себе наличие субъективного права не гарантирует его защиту законом.

Данное решение отражает системную проблему: несмотря на признание психологического благополучия и охраны психического здоровья в международных стандартах МОТ как важной части трудовых прав, казахстанское законодательство не предусматривает эффективных механизмов защиты работников от психосоциальных рисков. В рассматриваемом деле суд отказал в компенсации морального вреда, не усмотрев нарушения конкретных норм со стороны работодателя, поскольку такая норма в трудовом законодательстве отсутствует.

В-пятых, в Казахстане в перечне профессиональных заболеваний отсутствуют которые могли бы охватывать различные риск-факторы, влияющие на здоровье работников, включая стрессовые состояния. Перечень профессиональных заболеваний определен приложением 1 к Правилам экспертизы установления связи профессионального заболевания с выполнением трудовых (служебных) обязанностей, утвержденным приказом Министра здравоохранения РК от 21 декабря 2020 года. Сопоставляя данный перечень с международным стандартом МОТ – перечнем, содержащимся в Рекомендации МОТ №194, пересмотренной в 2010 году, можно увидеть, что казахстанское законодательство не признает профессиональными заболеваниями умственные и поведенческие расстройства, включающие посттравматический стресс и другие умственные или поведенческие расстройства, не указанные в предыдущих пунктах, если установлена с научной точки зрения или определена методами, соответствующими национальным условиям или практике, прямая взаимосвязь между воздействием факторов риска, проистекающим вследствие трудовой деятельности, и умственным или поведенческим расстройством (или расстройствами), которому(ым) был подвергнут работник [24]. Данный законодательный пробел создаёт ситуацию, при которой работники, обращающиеся за медицинской помощью по обязательному социальному медицинскому страхованию (ОСМС), не имеют возможности доказать связь своих заболеваний со стрессом на рабочем месте, поскольку услуги, связанные с лечением последствий профессионального стресса и психосоциальных факторов, не включены в действующий пакет ОСМС. Таким образом, работники фактически лишаются права на компенсацию затрат, понесённых из-за профессиональных заболеваний, вызванных стрессовыми условиями труда. Это существенно ограничивает степень защиты их здоровья и указывает на необходимость срочного включения вопросов психосоциальных рисков и связанных с ними заболеваний в систему ОСМС. Решением могло бы стать формирование законодательного перечня профессиональных заболеваний с чёткими критериями определения их связи с условиями труда, что обеспечит полноценную реализацию права работников на охрану здоровья и компенсацию причинённого ущерба.

Одним из ключевых институтов, потенциально способных содействовать решению этой проблемы, является инспекция труда. Казахстан ратифицировал Конвенцию МОТ № 81 «Об инспекции труда», согласно которой инспекторы обязаны обеспечивать соблюдение законода-

тельства о безопасности и условиях труда, рассматривать жалобы работников и предоставлять рекомендации работодателям [8].

Однако до 1 сентября 2024 года инспекторы труда находились в подчинении местных исполнительных органов, что противоречило требованиям МОТ и создавало коррупционные риски [25]. Из-за этого контроль за условиями труда зачастую носил формальный характер, а влияние местных акиматов могло приводить к выборочному подходу в надзоре. Дополнительной проблемой стал мораторий на проверки бизнеса, действовавший до 2024 года, что еще больше ограничивало контроль за соблюдением трудовых норм.

Передача инспекторов труда в подчинение центральному органу и снятие моратория создают возможности для улучшения ситуации. Однако этого недостаточно. Для эффективной защиты работников от стресса необходимо устранить страх перед обращением в инспекцию труда, поскольку в корпоративной культуре Казахстана инспекторов часто воспринимают как репрессивный контрольный орган, а не как защитников прав работников. Важно повысить осведомленность трудящихся о возможностях инспекции и создать механизмы анонимного и безопасного информирования о нарушениях. Введение отдельных стандартов по психосоциальным рискам и закрепление их в полномочиях инспекторов позволило бы значительно усилить правовые механизмы защиты работников в Казахстане.

Обсуждение

Анализ национального законодательства Казахстана выявил отсутствие нормативных механизмов защиты работников от стресса на рабочем месте. Несмотря на ратификацию Конвенций МОТ № 155 и № 187, национальная правовая система не интегрировала понятие психосоциальных рисков, что создает разрыв между международными стандартами и практикой их применения. Основные пробелы связаны с тем, что охрана труда в Казахстане традиционно ориентирована на физическую безопасность, а вопросы психического здоровья работников остаются вне правового регулирования.

Сравнение с международной практикой показывает, что страны с развитой системой трудового права уже адаптировали законодательство к современным вызовам. Во Франции и Португалии закреплено право на «отключение» от работы, ограничивающее стрессовые нагрузки вне рабочего времени. В Японии установлены четкие критерии переработок, нарушение которых влечет юридические последствия. В Германии и странах Скандинавии действуют корпоративные стандарты по управлению психосоциальными рисками. Отсутствие подобных механизмов в Казахстане создает правовую неопределенность, в результате которой работники не могут претендовать на защиту от стрессовых факторов, связанных с условиями труда.

Отдельного внимания требует судебная практика. В зарубежных юрисдикциях существует практика, признающая стресс на рабочем месте фактором, требующим компенсации. Согласно практике, суды установили связь между условиями труда и психологическим состоянием работников, что послужило основанием для возмещения морального вреда. В Казахстане подобные дела практически не встречаются, что обусловлено отсутствием правового механизма регулирования и компенсации ущерба, связанного с психосоциальными рисками.

Слабость правоприменительной практики также связана с недостаточной компетенцией инспекционных органов. Несмотря на ратификацию Казахстаном Конвенции МОТ №81 об инспекции труда, существующая система надзора ориентирована на контроль за соблюдением требований охраны физического здоровья работников, тогда как вопросы психосоциального благополучия остаются без внимания. Более того, длительный мораторий на проверки бизнеса ослабил контрольные функции инспекции труда, что усугубило ситуацию с переработками и психологическим давлением на работников.

Для эффективного решения проблемы требуется не только законодательное закрепление понятий «психосоциальные риски», «стресс на рабочем месте» и «переработка», но и комплексное реформирование трудового права. Необходимо установить обязанности работодателей по мониторингу стрессовых факторов, разработать механизмы предупреждения профессионального выгорания и определить порядок компенсации морального вреда за нарушения психосоциальных

прав работников. Кроме того, требуется адаптация инспекционных механизмов, чтобы контроль за психосоциальными рисками стал частью трудового надзора. Без этих изменений правовая защита работников останется декларативной, а вопросы стрессовых факторов на рабочем месте продолжат оставаться вне правового регулирования.

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что трудовое законодательство Казахстана требует значительных изменений для обеспечения защиты психического здоровья работников.

В первую очередь необходимо дополнить и конкретизировать понятийный аппарат, предусмотренный Разделом 4 Трудового кодекса Республики Казахстан «Безопасность и охрана труда», включив в него такие понятия, как «здоровье работника», «психосоциальные риски», «стресс на рабочем месте» и «переработка». Каждое из перечисленных понятий должно получить ясное и однозначное правовое определение, что позволит эффективно регулировать вопросы предотвращения и минимизации психосоциальных рисков на рабочем месте.

Кроме того, психическое здоровье работников в законодательстве должно трактоваться широко и охватывать защиту от чрезмерного профессионального стресса, эмоционального выгорания, а также последствий негативного воздействия таких психосоциальных факторов, как дискриминация и домогательство. Подобные негативные проявления не только ухудшают физическое и психическое здоровье работников, но и приводят к снижению производительности труда, текучести кадров и ухудшению общей стабильности трудовых отношений, что в итоге отражается на экономике страны в целом.

Для эффективного решения этих проблем целесообразно закрепить в Трудовом кодексе РК такой важный принцип, как право работника на уважение и защиту его достоинства в процессе трудовой деятельности. Этот принцип должен сопровождаться механизмом защиты прав работников, столкнувшихся с психологическим или физическим насилием на рабочем месте, особенно находящихся в уязвимом или зависимом положении. В трудовом законодательстве Республики Казахстан необходимо предусмотреть конкретные процедуры восстановления нарушенных прав работника и механизм получения компенсации за моральный вред и психологические страдания, понесённые вследствие дискриминации, насилия или домогательства. Введение таких правовых мер позволит повысить уровень правовой защищённости работников и сформировать в стране культуру уважительного и достойного отношения к личности на рабочем месте.

Работодатели играют ключевую роль в поддержании психического здоровья работников, и их ответственность не должна ограничиваться обеспечением только физической безопасности. Необходимо внедрение механизмов предотвращения и минимизации психосоциальных рисков, включая программы поддержки психологического здоровья, доступ к консультациям, меры по снижению стрессовых нагрузок и создание баланса между работой и личной жизнью. Эти инициативы должны быть закреплены на законодательном уровне, чтобы работодатели не могли игнорировать вопросы психического здоровья сотрудников.

Кроме того, важную роль в этом процессе должны играть социальные партнёры: государство, профсоюзы и работодатели. Профсоюзы, как защитники трудовых прав, могут представлять интересы работников в коллективных договорах, а также инициировать обсуждение компенсационных механизмов за ущерб психологическому здоровью на уровне отраслевых и генеральных соглашений. Государственные органы, в свою очередь, должны разработать эффективные механизмы контроля и мониторинга условий труда, а также внедрить правовые гарантии защиты от психосоциальных рисков.

Защита от стресса и психосоциальных рисков — это не только индивидуальная проблема работников, но и вопрос, влияющий на общество в целом.

М.Х. Хасенов, заң ғылымдарының PhD докторы, қауымдастырылған профессор, Associate Professor, Maqsut Narikbayev University (Астана қ., Қазақстан Республикасы);

М. Қанатқызы, з.ғ.м., Research Assistant, Maqsut Narikbayev University (Астана қ., Қазақстан Республикасы): Жұмыскерлердің жұмыс орнындағы стресстен қорғауды құқықтық қамтамасыз ету: салыстырмалы құқықтық зерттеу.

Тақырыптың өзектілігі жұмыскерлердің денсаулығына психоэлеметтік факторлардың әсер етуімен және Қазақстан Республикасының заңнамасында еңбек қатынастарының осы аспектілерін реттеудің қажетті деңгейде қамтамасыз етілеуімен негізделеді. Зерттеу тақырыбы халықаралық стандарттар, нормативтік құқықтық актілер мен сот практикасы, сондай-ақ халықаралық ұйымдар мен ғылыми институттардың баяндамалары, ғалымдар мен сарапшылардың жарияланымдары құрайды. Зерттеудің мақсаты – жұмыскерлердің психологиялық денсаулығын құқықтық қамтамасыз ету бойынша ғылыми негізделген ұсынымдар әзірлеу. Зерттеу барысында салыстырмалы-құқықтық және формальды-заңи әдістер, контент-талдау әдісі және сот практикасын талдау әдісі қолданылды. Зерттеудің жаңалығы – Қазақстан Республикасының еңбек заңнамасын халықаралық стандарттармен және озық шетелдік тәжірибемен салыстыру болып табылады. Зерттеу нәтижесінде авторлар Қазақстан Республикасының Еңбек кодексіне жұмыскердің еңбек саласындағы қадір-қасиетін құрметтеу және қорғау құқығын қамтамасыз ету қағидатын бекітуді, сондай-ақ жұмыскердің қадір-қасиетін құрметтеу құқығын нақтылауды ұсынады. Сонымен қатар, кәсіби аурулар тізімін посттравматикалық стрессті қоса алғанда, ақыл-ой және мінез-құлық бұзылыстарымен толықтыру қажеттілігі негізделді, бұл Халықаралық еңбек ұйымының №194 «Кәсіби аурулардың тізімі, жазатайым оқиғалар туралы хабарлау және оларды тіркеу туралы» ұсынымына сәйкес келеді. Сондай-ақ, Қазақстан Республикасының Еңбек кодексіне бекітілген ұғымдық аппаратты бейімдеу және кеңейту қажет, оған «жұмыскердің денсаулығы», «психоэлеметтік тәуекелдер», «жұмыс орнындағы стресс» және «артық жұмыс» (оны үстеме жұмыстан ажырату қажет) сияқты ұғымдарды енгізу ұсынылады. Бұл ұғымдар нақты құқықтық анықтамаға ие болуы тиіс, бұл жұмыскерлерді психоэлеметтік тәуекелдерден қорғау мәселелерін заңнамалық деңгейде реттеуге мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: жұмыс орнындағы стресс, психоэлеметтік тәуекелдер, жұмыскердің қадір-қасиеті, жұмыскердің денсаулығы, еңбек құқығы, еңбекті қорғау, қауіпсіз еңбек жағдайлары, кәсіби (эмоционалдық) күйреу, психологиялық зорлық-зомбылық, посттравматикалық стресс, ақыл-ой (мінез-құлық) бұзылыстары.

M. Khassenov, PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor Maqсут Narikbayev University (г. Астана, Республика Казахстан); M. Kanatkyzy, Research Assistant Maqсут Narikbayev University (г. Астана, Республика Казахстан): Legal support for the protection of workers from stress in the workplace: a comparative legal study.

The relevance of the topic is reasoned due to the influence of psychosocial factors on the health of workers and the lack of necessary legal regulation of these aspects of labor relations in Kazakhstan legislation. The subject of the research consists of international standards, regulations and judicial practice, as well as reports of international organizations and scientific institutes, publications of scholars and experts. The purpose of the work is to formulate scientifically based recommendations on legal support for the psychological health of workers. As part of the study, comparative legal and formal legal methods, methods of content analysis and analysis of judicial practice were used. The novelty of the work lies in the comparison of Kazakh labor law with international standards and best foreign practices. As a result of the study, the authors proposed to enshrine in the Labor Code of the Republic of Kazakhstan the principle of ensuring the employee's right to respect and protection of his or her dignity in the world of work, as well as to include the employee's right to respect for his or her dignity. In addition, it is justified to supplement the list of occupational diseases with mental and behavioral disorders, including post-traumatic stress, as provided in ILO Recommendation No. 194 "On the list of occupational diseases, notification of accidents and their registration". It is necessary to adapt and expand the conceptual apparatus enshrined in the Labor Code of the Republic of Kazakhstan, including such concepts as "employee health", "psychosocial risks", "stress in the workplace" and "overwork". These concepts must receive a clear legal definition, which will make it possible to regulate the issues of protecting workers from psychosocial risks at the legislative level.

Key words: stress in the workplace, psychosocial risks, employee dignity, employee health, labor law, labor protection, safe working conditions, professional (emotional) burnout, psychological violence, post-traumatic stress, mental (behavioral) disorders.

Список литературы:

1. Агентство по делам государственной службы Республики Казахстан. Национальный доклад о состоянии государственной службы в Республике Казахстан. Астана, 2024. URL: https://www.gov.kz/uploads/2024/4/5/2b570c000ed2ee210152ea19e9f0dcb3_original.764584.pdf (11.02.2025).
2. Анна Белоусова: «Мне сказали – выбирай, работа или ребенок» Радио Азаттык. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-anna-belousova/28645300.html> (06.03.2025).
3. Головина С.Ю. Понятийный аппарат трудового права: Монография. Изд-во УрГЮА, 1997. ISBN 5-7845-0038-4.
4. Всемирная организация здравоохранения. Доклад о психическом здоровье в мире: охрана психического здоровья: преобразования в интересах всех людей. Краткий обзор. Женева, 2022.
5. Всемирная организация здравоохранения. Mental Health at Work, 2 сентября 2024 г. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-at-work> (11.02.2025).
6. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, 10 декабря 1948 года. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001> (11.02.2025).
7. Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Стресс на рабочем месте: коллективный вызов. МОТ, 2016. ISBN: 978924309809.
8. Закон Республики Казахстан от 7 мая 2001 г. № 194 «О ратификации Конвенции № 81 об инспекции труда в промышленности и торговле». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000194_ (11.02.2025).
9. Закон Республики Казахстан от 21 ноября 2005 г. № 87 «О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000087_ (11.02.2025).
10. Закон Республики Казахстан от 28 ноября 2005 г. № 91 «О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000091_ (11.02.2025).
11. Закон Республики Казахстан от 28 февраля 2004 г. № 528 «О безопасности и охране труда» (утратил силу Законом Республики Казахстан от 15 мая 2007 г. № 252). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000528_ (11.02.2025).
12. ISO 45003:2021 Occupational Health and Safety Management – Psychological Health and Safety at Work – Guidelines for Managing Psychosocial Risks. URL: <https://www.iso.org/standard/64283.html> (11.02.2025).
13. Governing Body, 349th Session, Geneva, 30 October–9 November 2023. Global Strategy on Occupational Safety and Health 2024-2030 and Plan of Action for its Implementation, 9 October 2023. URL: <https://www.ilo.org/resource/policy/global-strategy-occupational-safety-and-health> (11.02.2025).
14. List of Occupational Diseases (revised 2010). URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_protect/@protrav/@safework/documents/publication/wcms_125137.pdf (11.02.2025).
15. Конституция Республики Казахстан. Принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (02.2025).
16. Конвенция Международной Организации Труда № 111 о дискриминации в области труда и занятий (Женева, 25 июня 1958 г.). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c111_ru.htm (11.02.2025).
17. Конвенция Международной Организации Труда № 155 о безопасности и гигиене труда в производственной среде (Женева, 3 июня 1981 г.). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c155_ru.htm (11.02.2025).
18. Конвенция Международной Организации Труда № 187 об основах, содействующих безопасности и гигиене труда (Женева, 15 июня 2006 г.). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c187_ru.htm (11.02.2025).

19. Конвенция Международной Организации Труда № 190 об искоренении насилия и домогательств в сфере труда, 2019 г. URL: <https://www.ilo.org/resource/ilc/108/violence-and-harassment-convention-2019-no-190> (11.02.2025).

20. Kursiv Research. Казахстанцы назвали основные источники стресса – исследование, 18 августа 2022 г. URL: <https://kz.kursiv.media/2022-08-18/rabota-i-blagosostoyanie-kazahstancy-nazvali-osnovnyie-istochniki-stressa/> (11.02.2025).

21. LOC Global Legal Monitor. France: Right to Disconnect Takes Effect, 13 January 2017. – URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2017-01-13/france-right-to-disconnect-takes-effect> (11.02.2025).

22. Mauve Group. Which Countries Mandate Workplace Mental Health Policies?, 13 January 2022. URL: <https://mauvegroup.com/innovation-hub/blog/which-countries-mandate-workplace-mental-health-policies> (11.02.2025).

23. Meritor Savings Bank v. Vinson [Электронный ресурс] Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Meritor-Savings-Bank-v-Vinson> (06.03.2025).

24. Министерство здравоохранения Республики Казахстан. Приказ № ҚР ДСМ-301/2020 от 21 декабря 2020 г. «Об утверждении правил экспертизы установления связи профессионального заболевания с выполнением трудовых (служебных) обязанностей». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021862> (02.2025).

25. Минтруда запустит работу нового комитета госинспекции труда для казахстанцев с 1 сентября, 16 августа 2024 г. URL: <https://ru.sputnik.kz/20240816/mintruda-zapustit-rabotu-komiteta-gosinspektsii-truda-dlya-kazakhstantsev-s-1-sentyabrya-46373125.html> (11.02.2025).

26. Психическое здоровье на рабочем месте. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/factsheets/detail/mental-health-at-work> (02.03.2025).

27. Республиканский научно-исследовательский институт по охране труда МТСЗН РК. Статистика из финального отчета, 2023. URL: https://eca.unwomen.org/sites/default/files/2023-09/sexual_harassment_rupdf (11.02.2025).

28. Selye H. A Syndrome Produced by Diverse Nocuous Agents (1936). URL: https://www.academia.edu/25021636/Selye_1936_A_syndrome_produced_by_Diverse_Nocuous_Agents (11.02.2025).

29. Сыченко Е. Защита работников от психосоциальных рисков: опыт Европы и его применимость в России. Часть I: Защита работников от стресса, связанного с работой Трудовое право. 2014. №7.

30. Sputnik Казахстан. Минтруда запустит работу нового комитета госинспекции труда для казахстанцев с 1 сентября, 16 августа 2024 г. URL: <https://ru.sputnik.kz/20240816/mintruda-zapustit-rabotu-komiteta-gosinspektsii-truda-dlya-kazakhstantsev-s-1-sentyabrya-46373125.html> (11.02.2025).

31. Судебное дело № 2310-21-2/4255, город Атырау, 22 декабря 2021 г. URL: <https://sb.prgapp.kz/lawsuits/4067244> (11.02.2025).

32. Takeshi Nonaka, Emi Hirasawa. A Community Mental Health Support System for People with Mental Illness in Japan. International Journal of Mental Health. – 2012. – Т. 41, № 2. URL: <http://www.jstor.org/stable/42003804> (11.02.2025).

33. Пожизненный наем и сверхурочные часы: что такое кароси и почему в Японии умирают от работы. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/428149-pozhiznennyu-naem-i-sverhurochnye-chasy-chto-takoe-karosi-i-pochemu-v-yaponii> (11.02.2025).

34. Walker v. Northumberland County Council (1995) [Электронный ресурс] Case Judgments. URL: <https://casejudgments.com/walker-v-northumberland-county-council-1995> (06.03.2025).

References (transliterated):

1. Agentstvo po delam gosudarstvennoi sluzhby Respubliki Kazakhstan. Natsional'nyi doklad o sostoyanii gosudarstvennoi sluzhby v Respublike Kazakhstan. Astana, 2024. URL: https://www.gov.kz/uploads/2024/4/5/2b570c000ed2ee210152ea19e9f0dcb3_original.764584.pdf (11.02.2025).

2. Anna Belousova: «Mne skazali – vybirai, rabota ili rebenok» [Elektronnyi resurs] Radio Azattyq. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-anna-belousova/28645300.html> (06.03.2025).

3. Golovina S.Yu. Ponyatiinyi apparat trudovogo prava: Monografiya. Izd-vo UrGYuA, 1997. ISBN 5-7845-0038-4.
4. Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya. Doklad o psikhicheskom zdorov'e v mire: okhrana psikhicheskogo zdorov'ya: preobrazovaniya v interesakh vseh lyudei. Kratkii obzor. Zheneva, 2022.
5. Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya. Mental Health at Work, 2 sentyabrya 2024 g. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-at-work> (11.02.2025).
6. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka. Prinyata rezolyutsiei 217 A (III) General'noi Assamblei OON, 10 dekabrya 1948 goda. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/O4800000001> (11.02.2025).
7. Gruppa tekhnicheskoi podderzhki po voprosam dostoinogo truda i Byuro MOT dlya stran Vostochnoi Evropy i Tsentral'noi Azii. Stress na rabochem meste: kollektivnyi vyzov. MOT, 2016. ISBN: 978924309809.
8. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 7 maya 2001 g. No 194 «O ratifikatsii Konventsii No 81 ob inspektsii truda v promyshlennosti i torgovle». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/ZO10000194_ (11.02.2025).
9. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 21 noyabrya 2005 g. No 87 «O ratifikatsii Mezhdunarodnogo pakta ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh prakh». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/ZO50000087_ (11.02.2025).
10. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 28 noyabrya 2005 g. No 91 «O ratifikatsii Mezhdunarodnogo pakta o grazhdanskikh i politicheskikh prakh». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/ZO50000091_ (11.02.2025).
11. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 28 fevralya 2004 g. No 528 «O bezopasnosti i okhrane truda» (utratil silu Zakonom Respubliki Kazakhstan ot 15 maya 2007 g. No 252). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000528_ (11.02.2025).
12. ISO 45003:2021 Occupational Health and Safety Management – Psychological Health and Safety at Work – Guidelines for Managing Psychosocial Risks. URL: <https://www.iso.org/standard/64283.html> (11.02.2025).
13. Governing Body, 349th Session, Geneva, 30 October–9 November 2023. Global Strategy on Occupational Safety and Health 2024–2030 and Plan of Action for its Implementation, 9 October 2023. URL: <https://www.ilo.org/resource/policy/global-strategy-occupational-safety-and-health> (11.02.2025).
14. List of Occupational Diseases (revised 2010). URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_protect/@protrav/@safework/documents/publication/wcms_125137.pdf (11.02.2025).
15. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan. Prinyata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (11.02.2025).
16. Mezhdunarodnoi Organizatsii Truda No 111 o diskriminatsii v oblasti truda i zanyatii (Zheneva, 25 iyunya 1958 g.). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c111_ru.htm (11.02.2025).
17. Konventsiya Mezhdunarodnoi Organizatsii Truda No 155 o bezopasnosti i gigiene truda v proizvodstvennoi srede (Zheneva, 3 iyunya 1981 g.). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c155_ru.htm (11.02.2025).
18. Konventsiya Mezhdunarodnoi Organizatsii Truda No 187 ob osnovakh, sodeistviyushchikh bezopasnosti i gigiene truda (Zheneva, 15 iyunya 2006 g.). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c187_ru.htm (11.02.2025).
19. Konventsiya Mezhdunarodnoi Organizatsii Truda No 190 ob iskorenenii nasiliya i domogatel'stv v sfere truda, 2019 g. URL: <https://www.ilo.org/resource/ilc/108/violence-and-harassment-convention-2019-no-190> (11.02.2025).
20. Kursiv Research. Kazakhstantsy nazvali osnovnye istochniki stressa – issledovanie, 18 avgusta 2022 g. URL: <https://kz.kursiv.media/2022-08-18/rabota-i-blagosostoyanie-kazahstancy-nazvali-osnovnye-istochniki-stressa/> (11.02.2025).
21. LOC Global Legal Monitor. France: Right to Disconnect Takes Effect, 13 January 2017. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2017-01-13/france-right-to-disconnect-takes-effect> (11.02.2025).

22. Mauve Group. Which Countries Mandate Workplace Mental Health Policies?, 13 January 2022. URL: <https://mauvegroup.com/innovation-hub/blog/which-countries-mandate-workplace-mental-health-policies> (11.02.2025).

23. Meritor Savings Bank v. Vinson [Электронный ресурс] Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Meritor-Savings-Bank-v-Vinson> (06.03.2025).

24. Ministerstvo zdravookhraneniya Respubliki Kazakhstan. Prikaz No QR DSM-301/2020 ot 21 dekabrya 2020 g. «Ob utverzhdenii pravil ekspertizy ustanovleniya svyazi professional'nogo zabolevaniya s vypolnieniem trudovykh (sluzhebnykh) obyazannostei». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021862> (11.02.2025).

25. Mintruda zapustit rabotu novogo komiteta gosinspektсии truda dlya kazakhstanstev s 1 sentyabrya, 16 avgusta 2024 g. URL: <https://ru.sputnik.kz/20240816/mintruda-zapustit-rabotu-komiteta-gosinspektсии-truda-dlya-kazakhstanstev-s-1-sentyabrya-46373125.html> (11.02.2025).

26. Psikhicheskoe zdorov'e na rabochem meste [Elektronnyi resurs] // Vsemirnaya organizatsiya zdravookhraneniya. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-at-work> (02.03.2025).

27. Respublikanskii nauchno-issledovatel'skii institut po okhrane truda MTSZN RK. Statistika iz final'nogo otcheta, 2023. URL: https://eca.unwomen.org/sites/default/files/2023-09/sexual_harassment_ru_2023.pdf (11.02.2025).

28. Selye H. A Syndrome Produced by Diverse Nocuous Agents (1936). URL: https://www.academia.edu/25021636/Selye_1936_A_syndrome_produced_by_Diverse_Nocuous_Agents (11.02.2025).

29. Sychenko E. Zashchita rabotnikov ot psikhotsotsial'nykh riskov: opyt Evropy i ego primenimost' v Rossii. Chast' I: Zashchita rabotnikov ot stressa, svyazannogo s rabotoi Trudovoe pravo. 2014. № 7.

30. Sudebnoe delo № 2310-21-2/4255, gorod Atyrau, 22 dekabrya 2021 g. URL: <https://sb.prgapp.kz/lawsuits/4067244> (11.02.2025).

31. Takeshi Nonaka, Emi Hirasawa. A Community Mental Health Support System for People with Mental Illness in Japan. International Journal of Mental Health. 2012. Vol. 41, No. 2. URL: <http://www.jstor.org/stable/42003804> (11.02.2025).

32. Pozhiznennyi naem i sverkhurochnye chasy: chto takoe karosi i pochemu v Yaponii umirayut ot raboty. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/428149-pozhiznenny-naem-i-sverkhurochnye-chasy-chto-takoe-karosi-i-pochemu-v-yaponii> (11.02.2025).

33. Walker v. Northumberland County Council (1995) [Электронный ресурс] // Case Judgments. URL: <https://casejudgments.com/walker-v-northumberland-county-council-1995> (06.03.2025).

Для цитирования и библиографии: Хасенов М.Х., Канаткызы М. Правовое обеспечение защиты работников от стресса на рабочем месте: сравнительно-правовое исследование // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 75-88. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_75

Материал поступил в редакцию 12.03.2025

ACTUAL EMPLOYMENT PROBLEMS OF PERSONS WITH DISABILITIES IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS WITH FOREIGN COUNTRIES

M.W. SHNEIDER, PhD, Professor, Schmalkalden University of Applied Science (Germany, Schmalkalden), e-mail: conference. aiu@yandex.ru

M.M. YESSIRKEPOVA, PhD, Associate Professor, School of Politics and Law, Almaty Management University (Republic of Kazakhstan, Almaty), e-mail: madina_e85@mail.ru

Z.G. SATTAR, Master's student at the School of Politics and Law of Almaty Management University, Kazakhstan, (Republic of Kazakhstan, Almaty), e-mail: sattarzanel@gmail.com

This study examines the employment challenges faced by persons with disabilities (PWD) in Kazakhstan, focusing on gaps in policy implementation and comparing them with international best practices. While Kazakhstan's legislative framework aligns with the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD), weak enforcement of employment quotas, insufficient vocational training, and persistent cultural biases hinder meaningful workplace inclusion. Drawing on successful models from Germany, the United States, and Nordic countries, the research highlights the need for stronger enforcement mechanisms, targeted training programs, and accessible digital platforms to create inclusive employment opportunities. The findings provide actionable recommendations for policymakers and stakeholders to improve employment equity for PWD in Kazakhstan, with future research needed to evaluate the socio-economic impacts of proposed reforms and the potential of emerging technologies to enhance accessibility.

Key words: people with disabilities, social entrepreneurship, legislation of Kazakhstan, inclusive jobs.

Introduction

The inclusion of persons with disabilities (PWD) in the workforce is a pressing global issue that reflects broader concerns about equity, human rights, and socio-economic development. In the Republic of Kazakhstan this matter has grown increasingly urgent as the nation seeks to align its social policies with international standards. However, despite legal frameworks designed to support the employment of persons with disabilities, numerous systemic and cultural barriers continue to hinder progress. The Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Kazakhstan reports that there are currently nearly 725,000 registered persons with disabilities in the country. An annual report reveals that 60% of PWD are of working age and only 25% of them are currently employed [1]. In contrast the share of employed PWD in the EU countries is 48.1% (France- 56.3%, Switzerland- 67.6%, Germany- 48.9%) [2]. In the USA, the proportion of working PWD aged 16 to 64 years is 37.1% [3]. Statistics show that people with disabilities in Kazakhstan face a very serious problem of unemployment, which certainly infringes on their rights. These challenges demand attention not only for the sake of justice (ensuring equal labor rights for all citizens) but also for the economic and social benefits (increasing labor resources, GDP growth and tax revenues, development of inclusive business).

This research is motivated by the lack of focused analysis on disability-inclusive employment policies in Kazakhstan, despite extensive global research on the topic. More critically, comparative studies

examining Kazakhstan's policies in relation to those of more developed countries are notably scarce. This gap in research represents an opportunity to explore practical solutions tailored to Kazakhstan's unique socio-economic and cultural context.

The relevance of this study lies in its potential to address a critical socio-economic issue while contributing to Kazakhstan's ongoing efforts to meet its international obligations under frameworks like the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD). Despite existing legal provisions aimed at promoting workplace inclusion, the employment rate of PWD in Kazakhstan remains disproportionately low. This is a direct consequence of institutional weaknesses, societal biases, and limited enforcement of legal standards. Moreover, understanding how countries with successful disability employment practices have overcome similar challenges can provide valuable insights for Kazakhstan. Nations like the United States, Germany, and Nordic countries have implemented effective mechanisms such as workplace accommodations, financial incentives, and robust anti-discrimination laws. By examining these practices, the study aims to propose actionable recommendations that can help improve the employment landscape for persons with disabilities in Kazakhstan.

Material and Methods

The materials used for this study include legal texts, policy documents, statistical data, and academic literature on disability employment both in Kazakhstan and internationally. Data collection involved reviewing "The Labour Code of the Republic of Kazakhstan", "Social Code of the Republic of Kazakhstan", government reports, and employment statistics. Internationally, the study examined frameworks like the Americans with Disabilities Act (ADA) in the United States, Germany's quota-levy system, and the Nordic countries' targeted employment initiatives.

The research began with a thorough literature review to establish a baseline understanding of global practices in disability employment. This was followed by a detailed analysis of Kazakhstan's legal and institutional frameworks, focusing on their strengths and weaknesses. Comparative legal analysis was used to highlight differences and similarities between Kazakhstan's policies and those of other nations. The research progressed in stages, beginning with data collection and culminating in the synthesis of findings and recommendations.

Literature Review

The global discourse on the employment of persons with disabilities has evolved significantly over the past decades, guided by international human rights frameworks such as the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD). Adopted in 2006, the CRPD emphasizes the right to work and employment as fundamental to the social inclusion and economic independence of persons with disabilities. It obligates state parties to create conditions for equal access to employment opportunities, combat discrimination, and provide reasonable accommodations in the workplace [4]. However, the practical implementation of these principles varies widely across countries, resulting in disparities in employment outcomes. The literature on disability and living standards in both developing and developed countries emphasizes the disadvantaged position of PWD. Most studies focus on the relationship between disability and low income. In their research, Jenkins et al. [5] demonstrate that individuals with disabilities are more likely to face educational barriers, which affect their long-term income levels. The lack of education and professional skills reduces their opportunities for employment in competitive markets. Parodi and Scully [6], in turn, emphasize that workplace discrimination, employer bias, and the lack of adapted workplaces significantly limit employment opportunities for people with disabilities. These factors often result in their employment in low-paying positions or force them to accept part-time work. Gannon and Nolan [7] highlight that the social isolation faced by people with disabilities further diminishes their access to opportunities for professional and career development. Thus, challenges related to access to decent work and fair wages remain relevant for many countries, including Kazakhstan.

International Best Practices

One of the most influential legislative frameworks is the Americans with Disabilities Act (ADA) in the United States. Enacted in 1990, the ADA prohibits discrimination against individuals with disabilities in all areas of public life, including employment. Title I of the ADA specifically addresses employment, mandating that employers with 15 or more employees provide equal opportunities to qualified individuals with disabilities. This includes the obligation to offer reasonable accommodations, enabling individuals to perform essential job functions without causing undue hardship to the employer. The ADA has also brought significant improvements in accessibility. Title III requires businesses and non-profit organizations to remove physical and systemic barriers to access, thereby ensuring that public accommodations are inclusive for persons with disabilities. Additionally, the law has revolutionized communication access by mandating telecommunications relay services and other resources for individuals with hearing and speech disabilities [8]. Scholars like Blanck [9] argue that the ADA's focus on reasonable accommodations has significantly improved workplace inclusion. Their research also shows that companies implementing ADA-compliant practices often report increased productivity, innovation, and employee satisfaction. These findings suggest that well-enforced anti-discrimination laws can benefit not only employees but also employers and the broader economy.

In terms of employment statistics, the ADA has contributed to raising awareness and accountability, but disparities persist. In 2019 the unemployment rate for persons with disabilities stood at 7.3%, compared to 3.5% for individuals without disabilities. While this reflects progress, it highlights the challenges in achieving complete employment parity even decades after the law's enactment [10]. Furthermore, ongoing research indicates that discrimination remains a barrier: nearly one in ten working adults with disabilities experienced workplace discrimination within five years of the ADA's passage, often resulting in their departure from the workforce. While the ADA has created a legal framework for equality, continuous advocacy and enforcement are crucial to fully realize its vision of an inclusive society.

Germany's employment model also provides valuable lessons, particularly its quota-levy system. German legislation requires employers with more than 20 employees to ensure that at least 5% of their workforce consists of persons with disabilities. Non-compliance results in financial penalties, which are reinvested into programs supporting disability employment. Garbat [11] notes that this system has achieved significant success, particularly when combined with vocational training and ongoing support for employees. His study also reveals that Germany's integration offices, which provide counseling and financial aid to both employers and employees, have played a crucial role in maintaining long-term workplace inclusion. Despite the framework's intentions, challenges persist. Reports indicate that a significant number of companies opt to pay the compensatory levy rather than employ the required percentage of disabled individuals. This raises questions about the effectiveness of the system in achieving its goals. Discussions are ongoing regarding potential reforms, such as increasing the levy or enhancing support mechanisms, to improve compliance and outcomes [12].

In contrast Nordic countries have adopted a more holistic approach, embedding disability employment policies within their broader welfare systems. These policies are built upon the principle of universalism, ensuring that all citizens, regardless of their abilities, have access to social services and support. They emphasize the right to employment for individuals with disabilities by providing substantial state-supported interventions such as vocational rehabilitation, wage subsidies, and assistive technologies. Research highlights that such measures are instrumental in facilitating equal access to the labor market while reducing barriers that typically hinder employment for PWD [13]. Moreover, by embedding disability policies into universally accessible welfare systems, the Nordic countries reduce the stigmatization associated with targeted programs, thus promoting social inclusion.

One hallmark of Nordic disability legislation is the emphasis on accessibility, both in physical spaces and the labor market. Accessibility laws across these nations mandate structural adjustments in workplaces, transport, and public services, reflecting a rights-based approach to inclusion. For example, Sweden's Disability Policy explicitly seeks to guarantee equal living conditions and participation, underscoring the principle that societal structures must adapt to accommodate all individuals, rather than marginalize those with disabilities. Similarly, Norway's policies prioritize non-discrimination in employment, ensuring individuals with disabilities have access to meaningful and equitable work opportunities [14].

A common feature across the Nordic countries is the use of financial incentives to encourage employers to hire individuals with disabilities. Programs such as Denmark's Flex Job scheme subsidize employers who hire workers with reduced capacity, effectively mitigating perceived risks associated with such hires [14]. This approach not only promotes employment but also enables individuals with disabilities to contribute to the economy on their own terms. Additionally, vocational rehabilitation programs in Finland and Norway aim to prepare individuals with disabilities for integration into competitive labor markets, aligning with the principle of "work-first" strategies observed in the region.

While the Nordic framework is frequently commended for its progressive approach, certain limitations and challenges remain evident. Studies point to ongoing labor market segregation, where individuals with disabilities are disproportionately employed in sheltered or subsidized work environments rather than integrated roles in mainstream sectors [15]. However, the strong legal and welfare foundations in these countries ensure continuous efforts to address such gaps, with periodic policy evaluations aimed at improving outcomes.

Challenges in Middle-Income Countries

If high-income countries have made substantial advancements in disability-inclusive employment policies, middle-income nations continue to encounter distinct challenges. These challenges often stem from systemic limitations, including inadequate funding, weak institutional frameworks, and insufficient enforcement mechanisms for disability rights. Studies reveal that in many such countries, limited resources and institutional capacity hinder the effective implementation of disability employment policies. In low- and middle-income countries (LMICs), the participation of persons with disabilities in various societal domains is predominantly influenced by environmental factors, with personal attributes also playing a significant role. Among environmental barriers, negative societal attitudes and inadequate access to essential services—particularly in the health and transport sectors—emerge as critical challenges. Research conducted by Mitra et al. [16] indicates that inaccessible infrastructure and unreliable public transportation systems exacerbate the exclusion of persons with disabilities from employment and education. On the personal level, a lack of educational qualifications and relevant skills further constrains opportunities for meaningful engagement and inclusion. Persons with disabilities in LMICs are significantly less likely to complete primary or secondary education compared to their non-disabled peers [5]. This educational gap directly impacts their ability to secure employment in formal markets, often relegating them to informal, low-paying jobs. Furthermore, limited access to vocational training programs means that even individuals with potential remain underprepared for the demands of competitive labor markets. These factors collectively reinforce a cycle of poverty and marginalization. Cultural attitudes toward disability often compound these barriers, reinforcing exclusionary practices and stigmatization. For instance, in India, Fremlin [17] argues that deeply ingrained societal biases frequently outweigh legislative protections, resulting in low employment rates despite the existence of formal anti-discrimination laws. This challenge is particularly acute in rural areas, where traditional beliefs about disability as a "personal tragedy" or "divine punishment" persist, further marginalizing individuals and their families.

Kazakhstan shares many of these challenges, particularly in terms of cultural attitudes and institutional capacity. Although the country has ratified the CRPD and introduced employment quotas for persons with disabilities, enforcement remains inconsistent. Research by Cherevyk [18] highlights that many employers in Kazakhstan perceive hiring persons with disabilities as a burden rather than an opportunity, citing concerns about workplace accommodations and productivity. A lack of awareness about the potential contributions of persons with disabilities perpetuates discriminatory hiring practices. Moreover, these biases are often reinforced by inadequate governmental support for employers, such as subsidies or technical assistance programs, to facilitate inclusive hiring. Another critical issue in Kazakhstan is the limited availability of accessible workplaces. According to a report by the Ministry of Labor and Social Protection, less than 30% of businesses meet accessibility standards, making it difficult for persons with disabilities to participate fully in the workforce. This aligns with findings from African and Asian countries, where similar infrastructure-related challenges hinder the implementation of inclusive employment practices. Additionally, vocational training programs tailored to the needs of persons with disabilities

in Kazakhstan remain insufficiently developed, leaving many individuals unprepared for meaningful employment. These challenges underscore the need for comprehensive reforms, informed by successful international practices, to ensure that persons with disabilities are not excluded from participating in the workforce and contributing to the broader economy.

Gaps in the Literature

Despite extensive research on disability employment in high-income countries, studies focusing on middle-income nations like Kazakhstan remain scarce. Existing research often lacks a comparative perspective, making it difficult to identify transferable practices. Furthermore, as noted by Barnes and Mercer [19], many studies overlook the importance of cultural and institutional contexts in shaping policy outcomes. This gap is particularly relevant for Kazakhstan, where socio-economic conditions, legislative frameworks, and cultural attitudes differ significantly from those in Western countries. Another notable gap is the limited focus on long-term outcomes for persons with disabilities in employment. While many studies analyze initial hiring practices, fewer explore how employees with disabilities are integrated, supported, and retained in the workforce. For instance, Wilson-Kovacs et al. [20] emphasize the importance of career advancement opportunities, yet this remains an underexplored area in most middle-income countries, including Kazakhstan. This study seeks to address these gaps by providing a detailed comparative analysis, highlighting both the limitations of Kazakhstan's current approach and the opportunities for improvement.

Results and Discussion

The analysis of Kazakhstan's employment policies for persons with disabilities (PWD) reveals a dual reality. On the one hand, the country's legal framework demonstrates a clear acknowledgment of global best practices, particularly those articulated in international treaties such as the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD). On the other hand, the implementation of these policies often falls short, with significant gaps between legal provisions and their practical application. This section discusses the findings through an examination of the legislative framework, statistical data, and comparative analysis with international standards.

Findings on Kazakhstan and Comparative Insights

Kazakhstan's legislative framework for promoting the employment of persons with disabilities (PWD) is anchored in the Labour Code of the Republic of Kazakhstan and the Social Code of the Republic of Kazakhstan, which establish critical measures to ensure equitable working conditions for PWD and align with international norms such as the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD). The Labour Code explicitly prohibits discrimination based on disability, as stated in Article 25, while the Social Code mandates reasonable workplace accommodations, with Article 108 emphasizing the importance of creating accessible infrastructure and technical modifications. These measures are supported by a quota system, established through ministerial orders, requiring organizations to allocate 2% to 4% of their workforce to PWD and further emphasizing the need for specialized workplaces under Article 108 of the Social Code.

Despite the clarity and alignment of these provisions with international standards, their practical implementation is hindered by systemic challenges. Employers often circumvent the quota requirements by paying minimal fines rather than hiring or accommodating PWD, highlighting a lack of effective enforcement mechanisms. The absence of a comprehensive monitoring system exacerbates this issue, as compliance is not rigorously tracked, and penalties are insufficient to encourage adherence. Unlike systems in countries such as Germany, where reinvestment of non-compliance penalties into disability support programs ensures accountability and improvement, Kazakhstan's enforcement framework lacks a feedback loop to promote sustained change. These weaknesses undermine the transformative potential of the legal framework, as employers are neither incentivized nor compelled to create inclusive workplaces.

While the definition of "reasonable accommodation" is explicitly stated in Kazakhstan's legal texts, its application remains inconsistent, leaving many workplaces ill-equipped to meet the needs of PWD. Without robust enforcement and monitoring, the quota system and broader legislative provisions risk becoming symbolic rather than practical tools for inclusion. The disparity between legislative intent and

practical outcomes is starkly illustrated by employment statistics for PWD in Kazakhstan. According to the Ministry of Labor and Social Protection, as of 2022, nearly 725,000 persons with disabilities were registered in the country. However, only 25% of this population was employed, a figure that highlights systemic barriers to workforce participation. This employment rate is considerably lower than that of the general population, reflecting entrenched challenges such as workplace inaccessibility, limited vocational training opportunities, and societal biases. The quota system has had minimal impact: an audit conducted by the Accounts Committee in 2021 revealed that less than half of eligible employers were compliant with the quotas. Many businesses reported a lack of awareness or resources to accommodate employees with disabilities, while others expressed concerns about the financial implications of hiring PWD. These findings suggest that the current enforcement mechanisms are insufficient to drive compliance and that employers lack both the incentives and the support needed to implement inclusive hiring practices.

Workplace accessibility remains a critical issue in Kazakhstan, significantly limiting the ability of persons with disabilities (PWD) to engage in meaningful employment. Despite legal obligations to ensure accessibility, only 15% of workplaces meet required standards, as reported by the Ministry of Labor and Social Protection. This lack of infrastructure creates substantial barriers, particularly for PWD seeking to enter the workforce. Furthermore, challenges extend beyond physical barriers, with digital accessibility remaining underdeveloped, leaving PWD further marginalized in an increasingly technology-driven job market. In comparison, countries such as Denmark and Sweden have successfully integrated accessibility standards into broader disability inclusion policies. These nations offer government subsidies to employers for necessary workplace modifications, reframing accessibility as a shared societal responsibility rather than a financial burden. In contrast, Kazakhstan lacks targeted financial support, leaving many employers unwilling or unable to invest in such adaptations, thereby perpetuating systemic barriers to inclusion.

Vocational training also presents a significant shortfall in Kazakhstan's disability employment policies. While Article 209 of the Social Code mandates the establishment of vocational training centers, the current infrastructure is insufficient to meet the needs of the PWD population. Existing programs are frequently outdated and disconnected from labor market demands, limiting their effectiveness in preparing PWD for meaningful employment [21]. Research by the World Bank highlights vocational training as a critical factor in bridging the employment gap for PWD. Countries with successful inclusion policies, such as Germany and Norway, have integrated vocational training into broader employment strategies, tailoring programs to the specific needs of PWD and aligning them with market demands. Kazakhstan could benefit from adopting similar approaches to ensure training programs are both relevant and accessible to all individuals with disabilities, thus addressing one of the key barriers to employment inclusion.

Cultural attitudes toward disability further complicate the employment landscape in Kazakhstan. Although laws prohibit workplace discrimination, societal biases often prevail, shaping hiring practices and workplace dynamics. Employers frequently perceive hiring PWD as a liability, citing concerns about productivity and the cost of accommodations. Such perceptions align with findings from other middle-income countries, including India and South Africa, where cultural biases undermine legal protections and perpetuate exclusionary practices. Overcoming these barriers requires a comprehensive approach, including public awareness campaigns and employer education programs aimed at challenging stereotypes and highlighting the value of inclusive workplaces. The promotion of success stories and evidence of the economic and social benefits of hiring PWD could be particularly effective. Countries like the United States have implemented such initiatives successfully, often in collaboration with civil society organizations, fostering a more inclusive culture and demonstrating the tangible advantages of workplace diversity. Adopting similar strategies in Kazakhstan could help address deeply ingrained biases and facilitate greater inclusion for PWD in the labor market.

Recommendations

Based on these findings, the study proposes several reforms. First, enforcement mechanisms for employment quotas must be strengthened, with penalties for non-compliance redirected to disability support initiatives. Vice Minister of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan, Askarbek Ertaev, announced during a briefing at the Central Communications Service

plans to strengthen requirements for employers who do not meet quotas for employing persons with disabilities. These initiatives signal a positive step toward addressing gaps in the enforcement of inclusive employment policies. While their implementation is still in progress, these measures demonstrate the government's commitment to creating a more equitable labor market and improving opportunities for persons with disabilities.

Second, the government should invest in accessible infrastructure and digital platforms to facilitate remote work opportunities. Despite the challenges faced by persons with disabilities in securing employment, the rapid transformation of the telecommunications sector has opened up significant opportunities, particularly through remote work in the post-covid era [22]. With increasing access to the Internet and computers, a foundation has been established for the concept of a 'virtual office,' enabling individuals from remote locations to participate in the workforce. For persons with disabilities, this development presents an avenue to overcome traditional workplace barriers and engage in meaningful employment. By focusing on developing accessible and inclusive working conditions on digital platforms in Kazakhstan, policymakers can leverage these advancements to create more equitable opportunities for individuals with disabilities, ensuring their full participation in the modern labor market.

Finally, vocational training programs tailored to the needs of persons with disabilities should be expanded, ensuring that they are equipped with the skills necessary for meaningful employment. Individuals with disabilities often exhibit strong focus and discipline, partly due to the unique challenges they face and the stigma associated with their community. With proper training and access to appropriate technologies, employees with disabilities have the potential to achieve high levels of productivity in the workplace [23]. By investing in such programs and resources, employers and policymakers can not only enhance the employability of persons with disabilities but also unlock their potential to make significant contributions to the workforce.

Conclusion

This study set out to analyze the employment challenges faced by persons with disabilities (PWD) in Kazakhstan through a comparative legal lens, offering insights into both the successes and shortcomings of the current framework. By examining international best practices from countries such as Germany, the United States, and Nordic nations, and comparing them with Kazakhstan's policies, this research has identified several critical areas for improvement. Among the most pressing are the lack of robust enforcement mechanisms for employment quotas, insufficient vocational training programs tailored to PWD, and lack of accessibility, and cultural attitudes that perpetuate biases and misconceptions about the employability of individuals with disabilities. Addressing these challenges requires coordinated efforts across legal, institutional, and societal dimensions.

The findings emphasize the necessity of strengthening enforcement mechanisms to ensure compliance with employment quotas and prevent employers from bypassing their responsibilities. Such reforms could include stricter penalties for non-compliance, reinvestment of fines into disability support initiatives, and the establishment of comprehensive monitoring systems. The research also underscores the importance of expanding vocational training programs that are aligned with labor market demands and accessible to all PWD. Equipping individuals with relevant skills not only improves their employability but also ensures that businesses benefit from a more diverse and capable workforce.

Cultural attitudes remain a significant barrier to workplace inclusion in Kazakhstan, where many employers perceive hiring PWD as a liability rather than an opportunity. Public awareness campaigns and employer education programs are critical to dismantling these stereotypes. Promoting success stories of inclusive workplaces and showcasing the economic and social benefits of employing PWD can help drive a cultural shift toward acceptance and inclusion.

This study highlights the transformative potential of technological advancements in fostering accessibility and inclusion. The rise of remote work and telecommuting, driven by digital platforms and enhanced telecommunications infrastructure, offers a unique opportunity to overcome traditional barriers to employment. By developing accessible and inclusive digital work environments, Kazakhstan can tap into the productivity and potential of individuals with disabilities, particularly in regions where physical workplace accessibility remains a challenge.

The results of this research provide a roadmap for policymakers, employers, and other stakeholders in Kazakhstan to foster a more inclusive labor market. The adoption and adaptation of proven strategies from international best practices, such as Germany's quota-levy system and the Nordic emphasis on integrated welfare policies, offer clear pathways to addressing existing gaps. These reforms, if implemented thoughtfully and effectively, have the potential to significantly improve employment outcomes for PWD while benefiting the broader economy through increased workforce diversity.

Future research should build on these findings by exploring the socio-economic impacts of the proposed reforms, particularly how they affect the quality of life for PWD and their families. Additionally, the role of emerging technologies in enhancing accessibility—such as artificial intelligence, assistive devices, and digital infrastructure—merits further investigation. By continuing to develop and refine strategies for inclusion, Kazakhstan can make meaningful strides toward achieving employment equity for persons with disabilities, creating a more just and inclusive society.

М. В. Шнайдер PhD докторы, Schmalkalden University of Applied Science профессоры, (Германия Федеративтік Республикасы, Шмалькальден қ.) М. М. Есиркепова PhD докторы, Алматы Менеджмент Университеті саясат және құқық мектебінің қауымдастырыған профессоры (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.); Ж.Ф. Саттар саясат және құқық мектебінің магистранты Алматы Менеджмент Университеті, Қазақстан, (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.): ҚР-да мүмкіндігі шектеулі адамдарды жұмысқа орналастырудың өзекті мәселелері: шет елдермен салыстырмалы-құқықтық талдау.

Бұл зерттеуде Қазақстандағы мүмкіндігі шектеулі жандардың (МШЖ) жұмыспен қамтылу мәселелері қарастырылып, саясатты жүзеге асырудағы олқылықтарға және халықаралық үздік тәжірибелермен салыстыруға баса назар аударылады. Қазақстанның заңнамалық базасы Біріккен Ұлттар Ұйымының Мүгедектердің құқықтары туралы Конвенциясына (МКҚ) сәйкес келгенімен, жұмысқа орналастыру квоталарын әлсіз орындау, кәсіби оқыту бағдарламаларының жеткіліксіздігі және мәдени стереотиптердің сақталуы МШЖ-ның шынайы жұмысқа орналасуына кедергі келтіруде. Германия, АҚШ және Солтүстік Еуропа елдерінің табысты үлгілеріне сүйене отырып, зерттеу бақылау механизмдерін күшейту, мақсатты оқыту бағдарламаларын әзірлеу және инклюзивті жұмыс орындарын құру үшін қолжетімді цифрлық платформаларды дамыту қажеттілігін көрсетеді. Зерттеу нәтижелері МШЖ-ның жұмыспен қамтылуын жақсарту үшін саясаткерлер мен мүдделі тараптарға нақты ұсыныстар береді. Ұсынылған реформалардың әлеуметтік-экономикалық әсерлерін және жаңа технологиялардың қолжетімділікті арттырудағы әлеуетін бағалау үшін одан әрі зерттеулер қажет.

Түйінді сөздер: мүмкіндігі шектеулі жандар, әлеуметтік кәсіпкерлік, Қазақстан заңнамасы, инклюзивті жұмыс орындары.

М.В. Шнайдер доктор PhD, профессор Schmalkalden University of Applied Science, (г. Шмалькальден, Федеративная Республика Германия); М.М. Есиркепова доктор PhD, ассоциированный профессор Школы политики и права Алматы Менеджмент Университет (г. Алматы, Республика Казахстан); Ж.Ф. Саттар магистрант Школы политики и права Алматы Менеджмент Университет, Казахстан, (г. Алматы, Республика Казахстан): Актуальные проблемы трудоустройства лиц с ограниченными возможностями в РК: сравнительно-правовой анализ с зарубежными странами.

Данное исследование рассматривает проблемы занятости лиц с ограниченными возможностями (ЛОВЗ) в Казахстане, уделяя внимание проблемам в реализации политики и проводя сравнение с международными лучшими практиками. Несмотря на то, что законодательная база Казахстана соответствует Конвенции ООН о правах инвалидов (КПИ), слабое исполнение квот на трудоустройство, недостаточные программы профессионального обучения и сохраняющиеся культурные предубеждения препятствуют реальной интеграции ЛОВЗ в рабочую среду. Основываясь на успешных моделях из Германии, США и стран Северной Европы, исследование подчеркивает необходимость усиления механизмов контроля квотирования рабочих мест, разработки целевых программ обучения и создания доступных цифровых платформ для инклюзивного трудоустрой-

ства. Выводы исследования предоставляют конкретные рекомендации для заинтересованных сторон по улучшению занятости ЛОВЗ в Казахстане. Дальнейшие исследования необходимы для оценки социально-экономических эффектов предложенных реформ и потенциала новых технологий в повышении доступности.

Ключевые слова: лица с ограниченными возможностями, социальное предпринимательство, законодательство Казахстана, инклюзивные рабочие места.

Bibliography:

1. Bjuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniju i reformam Respubliki Kazahstan [Bureau of National Statistics Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan] n.d. Stat.gov.kz. URL: <https://stat.gov.kz/ru/>. (13.03.2025).
2. "Dialog mezhdu biznesom, NPO i gosudarstvom v celjah trudoustrojstva ljudej s invalidnost'ju [Dialogue between business, NGOs and state for employment purposes people with disabilities]" n.d. URL: <https://www.pwc.com/kz/en/pwc-dialog.pdf> (13.03.2025).
3. "PERSONS with a DISABILITY: LABOR FORCE CHARACTERISTICS -2023." n.d. Accessed November 26, 2024. URL: https://www.bls.gov/news.release/pdf/disabl.pdf?_gl=1 (13.03.2025).
4. Celik, Elif. 2017. "The Role of CRPD in Rethinking the Subject of Human Rights." *The International Journal of Human Rights* 21 (7): 933–55. URL: <https://doi.org/10.1080/13642987.2017.1313236>. (13.03.2025).
5. Jenkins, Stephen P., and John A. Rigg. 2004. "Disability and Disadvantage: Selection, Onset, and Duration Effects." *Journal of Social Policy* 33 (3): 479–501. URL: <https://doi.org/10.1017/s0047279404007780> (13.03.2025).
6. Parodi, Giuliana, and Dario Sciulli. 2008. "Disability in Italian Households: Income, Poverty and Labour Market Participation." *Applied Economics* 40 (20): 2615–30. URL: <https://doi.org/10.1080/00036840600970211> (13.03.2025).
7. Gannon, Brenda, and Brian Nolan. 2007. "The Impact of Disability Transitions on Social Inclusion." *Social Science & Medicine* 64 (7): 1425–37. URL: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2006.11.021> (13.03.2025).
8. ADA National Network. 2019. "An Overview of the Americans with Disabilities Act | ADA National Network." *Adata.org*. 2019. URL: <https://adata.org/factsheet/ADA-overview> (13.03.2025).
9. Blanck, Peter. 2005. "First Thornburgh Family Lecture on Disability Law and Policy Americans: Americans with Disabilities and Their Civil Rights: Past, Present, and Future." *University of Pittsburgh Law Review* 66 (4). URL: <https://doi.org/10.5195/lawreview.2005.26> (13.03.2025).
10. U.S. Bureau of Labor Statistics. 2024. "U.S. Bureau of Labor Statistics." *Bls.gov*. U.S. Bureau of Labor Statistics. 2024. URL: <https://www.bls.gov/> (13.03.2025).
11. Garbat, Marcin. 2013. "European Policy Models of Employment of People with Disabilities." *Journal of Social Research & Policy* 4 (1): 47.
12. Hirschberg, Marianne, and Felix Welti. 2021. "European Semester 2020-2021 country fiche on disability equality: Germany". European Commission.
13. Kuznetsova, Yuliya, Betul Yalcin, and Mark Priestley. 2017. "Labour Market Integration and Equality for Disabled People: A Comparative Analysis of Nordic and Baltic Countries." *Social Policy & Administration* 51 (4): 577–97. URL: <https://doi.org/10.1111/spol.12314> (13.03.2025).
14. Dahl, E. 2010. "Disability and Employment: Sustainability of 'the Nordic Model.'" *The European Journal of Public Health* 20 (4): 370–71. URL: <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckq056> (13.03.2025).
15. Buli-Holmberg, Jorun, Hanne Marie Høybråten Sigstad, Ivar Morken, and Eva Hjørne. 2022. "From the Idea of Inclusion into Practice in the Nordic Countries: A Qualitative Literature Review." *European Journal of Special Needs Education*, February, 1–16. URL: <https://doi.org/10.1080/08856257.2022.2031095> (13.03.2025).
16. Morwane, R. E., Dada, S., & Bornman, J. (2021). Barriers to and facilitators of employment of persons with disabilities in low- and middle-income countries: A scoping review. *African Journal of Disability*, 10, e1–e12. URL: <https://doi.org/10.4102/ajod.v10i0.833> (13.03.2025).

17. Fremlin, Peter. 2016. "Rethinking Disability in India." *Disability & Society* 31 (10): 1411–13. URL: <https://doi.org/10.1080/09687599.2016.1221665> (13.03.2025).

18. Cherevyk, Konstantin. "Problemy obrazovaniya i trudoustrojstva invalidov v Kazahstane [Problems of education and employment of disabled people in Kazakhstan]." *Scientific and analytical journal Science and Practice of the Russian Economic University*. GV Plekhanov, no. 1. – pp. 48-51 (2016). -(In Russian)

19. Schneider, Cornelia. 2012. "C. Barnes and G. Mercer, Exploring Disability: A Sociological Introduction." *International Sociology* 27 (2): 207–10. URL: <https://doi.org/10.1177/0268580911427996c> (13.03.2025).

20. Wilson-Kovacs, Dana, Michelle K. Ryan, S. Alexander Haslam, and Anna Rabinovich. 2008. "‘Just Because You Can Get a Wheelchair in the Building Doesn’t Necessarily Mean That You Can Still Participate’: Barriers to the Career Advancement of Disabled Professionals." *Disability & Society* 23 (7): 705–17. URL: <https://doi.org/10.1080/09687590802469198> (13.03.2025).

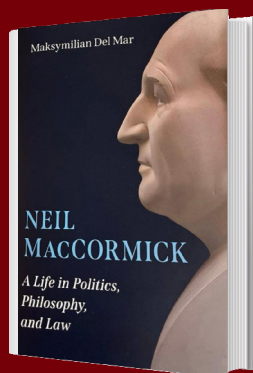
21. Taspenova, Gauhar, and Tamara Satkalieva. 2016. "Problema trudoustrojstva lic s ogranichennyimi vozmozhnostyami zdorov’ya v Kazahstane [The problem of employment of persons with disabilities Kazakhstan]." *National Association of Scientists* 5-2 (21): 61-65.

22. Morris, Floyd. 2021. "Prospects for Employment of Persons with Disabilities in the Post-Covid-19 Era in Developing Countries." *Disability & Society*, June, 1–20. URL: <https://doi.org/10.1080/09687599.2021.1932757> (13.03.2025).

23. Wittmer, J., and L. Wilson. "Turning diversity into \$: A business case for hiring people with disabilities." *T+ D* 64, no. 2 (2010): 58-61.

Для цитирования и библиографии: Шнайдер М.В., Есиркепова М.М., Сагтар Ж.Г. Actual employment problems of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan: comparative legal analysis with foreign countries // *Право и государство*. № 2(107), 2025. – С. 89-98. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_89

Материал поступил в редакцию 23.03.2025

НОВЫЕ КНИГИ

Mar M. Neil MacCormick: a Life in Politics, Philosophy and Law.
Cambridge University Press, 2025. – 630 p.

ISBN: 9781009609937

Neil MacCormick (1941–2009) was one of the twentieth century’s most important legal philosophers and one of Scotland’s most influential public intellectuals. This book tells the story of his political and philosophical life, from his intensely political childhood as the son of ‘King John’, one of the founders of the Scottish National Party, through to his involvement in Scottish politics – especially as the author of SNP’s constitutional policy – and his role as a Member of the European Parliament, helping to draft the European Constitution. With special attention to MacCormick’s character, this book offers a reading of his entire oeuvre, covering his contributions to theories of legal and moral reasoning, institutional legal theory, nationalism, post-sovereignty, subsidiarity, and constitutional pluralism in Europe. This book reads MacCormick as a highly creative thinker who excelled in the art of constructing inclusive middles and thereby developed his own distinctive approach to politics and philosophy.

LEGAL ASPECTS OF COMBATING GAMBLING ADDICTION: INTERNATIONAL APPROACHES TO ESTABLISHING LIABILITY

A.ZH. MURATOVA, PhD, Head of the Department of Criminal Law Studies, Faculty of Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan), e-mail: muratova_azh@enu.kz

I.S. SAKTAGANOVA, PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Civil Law, Faculty of Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan), e-mail: saktaganova@enu.kz

The relevance of this study is driven by the increasing social and legal issue of our time – ludomania, or pathological gambling addiction, which is worsened by the improvement of digital technologies and the availability of online gambling. The aim of this article is to discuss the legal aspects of combating ludomania and the international approaches to establishing liability.

The objective of the present study is to carry out a systematic analysis of the existing international practices and the national legislation aimed at combating ludomania and defining the legal liability for non-observance of the legal norms in this region. The other objective is to formulate recommendations for improving legal arrangements to decrease the incidence of ludomania and improve the effectiveness of liability measures for violations of the norms established.

The scientific significance of the present research is that a systematic analysis of the legal aspects of combating ludomania has been made, and gaps and contradictions in the current legislation of the Republic of Kazakhstan have been identified and ways to improve it have been suggested based on the international experience. The study reviews all the types of liability for violations in the gambling industry: criminal, administrative and civil.

This research helps to complete the picture of the relationship between legal regulation, preventive measures, and rehabilitation programs of the fight against ludomania. It also highlights the need for an all-encompassing strategy to address the adverse effects of gambling addiction.

Keywords: ludomania, gambling addiction, games of chance, legal regulation, prevention, responsibility, gambling industry, online gambling, international experience, legislation.

Introduction

Ludomania or pathological gambling is one of the most important social and legal problems of the modern world. Due to technological development and easily accessible online gambling, the rates of people with gambling addiction are still on the rise. Access to gambling, unenforced regulations, and the use of pressure marketing tactics by gambling corporations are the main factors that contribute to the increasing population of users including the vulnerable groups of society.

As stated by the World Health Organization, about 350 million people in the world have gambling disorders once a year. In the past decade, the number of people affected by this addiction has increased by 500% [1]. The situation in Kazakhstan is also a cause for concern. The number of people with gambling disorders in the country is also a cause for concern; the Ministry of Health of the Republic of Kazakhstan has estimated that about 3% of the population or about 440,000 people have the disease [2].

The necessity of legal regulation in the gambling industry is driven by the severe social and economic impacts of gambling dependency. The strict control over the gambling business operations, the adver-

tising limits and the protective policies for the vulnerable persons with respect to gambling addiction are the important areas of state policy in this field. Experience in other countries and abroad shows that proper legal framework and preventive arrangements are effective in managing the risks of gambling dependency and in limiting the population's participation in gambling activities.

Against this backdrop, it is important to consider the legal aspects of the fight against gambling dependency and to review the international experience of legal liability for violations of gambling rules. The research on this issue enables us to reveal the most successful legal arrangements and incorporate them into the local laws, thus contributing to the protection of the public interest and minimizing the detrimental impacts of gambling dependency.

Nevertheless, there are significant gaps in legal regulation of gambling activities and prevention of gambling addiction. More specifically, current legislation has some gaps which do not provide full coverage of different aspects of illegal gambling operations and thus there are ways for unscrupulous operators to avoid the current regulations. For example, there are still some gambling businesses that work under the cover of internet cafes or lottery clubs which make it harder to identify and prosecute such structures [3, p.100].

Furthermore, the current measures for preventing gambling addiction are not very efficient. The absence of an all-encompassing strategy that entails psychological care, social reconstruction, and educational programs leads to many people who are addicted to gambling not getting the help they need [4, p.12].

The purpose of this study is to explore the legal aspects of combating gambling addiction and the international approaches to establishing liability. The study also focuses on the analysis of the current legislation of the Republic of Kazakhstan, its weaknesses and foreign practice in the regulation of gambling activities and the prevention of gambling dependency. The aim is to design recommendations for the improvement of legal mechanisms oriented at reducing the rate of gambling dependency and improving the effectiveness of liability measures for violation of the rules.

Research on the legal aspects of the fight against gambling addiction is an important domain of study as the efficacy of regulatory frameworks in this area is a key determinant of the rate of gambling addiction in society. In this regard, the first purpose of this study is to carry out a systematic analysis of the international practices and the national legislation regarding the prevention of gambling addiction and the liability for non-observance of the legal norms in this respect.

Materials and Methods

The article employs a comprehensive approach, which includes an analysis of the regulatory and legal framework of gambling in Kazakhstan, covering laws such as "On Gambling Business" and "On Lotteries and Lottery Activities", as well as relevant articles of the Criminal Code and the Code of Administrative Offenses. Furthermore, analysis of international recommendations and standards was carried out, based on the recommendations of such organizations as the WHO, the European Commission, and the UN. The review of international experience comprised an analysis of regulatory practices in a number of countries, including the United Kingdom, Australia, Germany, France, Sweden and Spain. In addition, the study involved an analysis of academic publications, statistical data and media reports to ensure that the issue has been fully addressed. The comparative analysis of the approaches to the regulation of gambling business allowed to determine the best practices for their adaptation to the national legislation.

Basic Provisions

Gambling addiction, or pathological gambling, is a complex phenomenon which has medical, psychological and legal aspects. The World Health Organization (WHO) has listed gambling addiction as one of impulse control disorders and the gambling behavior is repeated even when it is damaging to the individual and the society. This condition is called gambling disorder in the 11th revision of the International Classification of Diseases (ICD-11) and is listed among behavioral addictions.

From a psychological perspective pathological gambling is defined by an irresistible desire to gamble, by the inability to control gambling behavior and by the disregard for the adverse consequences of gambling, including the loss of money, relationships, and self-esteem. Studies show that the neuropsychological mechanisms underlying the pathologic gambling are similar to those of substance dependence disorders, including alcoholism and drug abuse.

From a legal point of view, gambling addiction is considered as a factor which the state needs to regulate in the gambling industry. The governments ensure that there are measures in place to regulate the gambling industry, set the age limits, establish registers of persons with gambling addiction, and hold the operators responsible for promoting pathological gambling. In Kazakhstan, the state policy in this area is aimed at minimizing the social adverse impacts of gambling activities and preventing citizens from being harmed by it. This is reflected in the Law of the Republic of Kazakhstan No. 149-IV "On Lotteries and Lottery Activities" [6] and other regulatory acts.

Gambling addiction has a few effects on individuals, families, the economy, and society as a whole. On an individual level, gambling addiction leads to deteriorating mental health, loss of social status, financial difficulties, and criminal behavior related to attempts to recover gambling losses. Studies indicate that more than 60% of individuals with gambling addiction face debt obligations, while approximately 20% commit offenses involving financial fraud and deception. On a family level, gambling addiction provokes conflicts, the breakdown of family relationships, and an increase in domestic violence cases. According to data presented by Member of Parliament of the Mazhilis of the Republic of Kazakhstan, Elnur Beisenbayev, around 40% of divorces in the country are linked to the gambling addiction of one spouse [7].

With an economic perspective the negative consequences of gambling addiction manifest in decreased work productivity among affected individuals, increased government expenditures on treatment and rehabilitation programs, and a rise in crime associated with financial fraud. Given the widespread negative impact of gambling addiction, the need for legal regulation in this area becomes evident. State policy in combating gambling addiction requires a comprehensive approach, incorporating preventive measures, legislative restrictions, and rehabilitation mechanisms aligned with international standards.

At the international level, there is no single comprehensive document regulating gambling activities and prevention of gambling addiction. However, various international organizations and institutions develop recommendations and guidelines aimed at mitigating the negative effects of gambling. In particular, the World Health Organization (WHO) coordinates the work of an international group of experts focused on studying the impact of gambling on public health, developing diagnostic criteria, and preparing prevention programs.

A significant contribution to the fight against gambling addiction has been made through resolutions and recommendations of the European Union. For instance, in 2014, the European Commission developed the Recommendations on Principles for Consumer Protection and Responsible Gambling [8], aimed at regulating online gambling. These recommendations entail that gambling operators are supposed to give players full information on the risks, to exercise self-regulation and to set restrictions, and to protect minors.

International organisations are also involved in the development of the norms that regulate gambling business and the prevention of gambling dependency. The World Health Organization (WHO) provides medical professionals with diagnostic criteria and methodological guidelines, and promotes the sharing of good practices across countries. The UN and other international institutions have their specialized commissions and working groups develop recommendations for regulating the gambling industry with the aim of protecting vulnerable populations and reducing the socio-economic costs of gambling addiction.

A analysis of international legal mechanisms reveals that gambling regulation and addiction prevention are based on recommendations developed by leading international organizations as the WHO, the European Commission, and the UN. These documents act as a reference for national legal systems in designing and implementing measures to regulate gambling activities and to protect the public from their adverse effects.

The legal control of the gambling industry in the Republic of Kazakhstan is grounded on the 2007 Law of the Republic of Kazakhstan № 174-III "On Gambling Business". This regulatory act is an attempt to outline the main principles, conditions, and forms of the procedure of gambling activities and, at the same time, to avoid negative impacts that can result from gambling dependence. The law has strict measures on gambling operators which includes licensing, control of location of gambling businesses and measures to prevent gambling addiction.

By the provisions of Article 9 of the same law, gambling activities are regulated, and anyone who wants to engage in gambling must have a license for ten years. Casinos and slot machine halls can only be operated within the gambling zones that have been established. Bookmakers and totalizators are also regulated by the state and are required to meet certain standards.

The legal system of Kazakhstan pays much attention to the liability for violations in the gambling business. Article 16 of the Law provides for liability for illegal activities; organizing gambling businesses without a license is punishable by the law, according to Article 307 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Online casinos control will be enhanced, and their operations will be restricted further through legislative amendments in 2024. In addition to criminal penalties, bookmakers and totalizators' advertising is fully prohibited. The use of advertising materials in public spaces, mass media, and online resources to encourage socially vulnerable populations to gamble is also banned.

The national framework of the gambling industry is continuously being enhanced in line with international standards and social challenges. The state policy is focused on minimizing the adverse impacts of gambling, ensuring the safety of citizens and preventing illegal actions in this area.

Results

I. State regulation and control measures in the gambling industry

Fighting gambling disorders needs an all-encompassing strategy that entails regulatory restrictions and prevention, as well as measures. The experience in other countries of the world also shows that the most effective control tools in this area are licensing, taxation, advertising limits, player registration and identification, and self-exclusion systems. Another important factor is the promotion of recovery programs and activities that seek to avoid problem gambling.

A key regulatory mechanism in the gambling industry is the licensing of operators. In most parts of the world, it is only possible to operate a gambling business with a valid license, thus giving the government the upper hand to set very high standards on the activities of the operators. For instance the UK's Gambling Act 2005 has very strict measures on obtaining a license and some of them include protecting vulnerable groups and fighting money laundering. Noncompliance with these standards has severe consequences, which include revocation of the license and very large fines.

In addition to licensing, governments design tax models to pay for the gambling addiction prevention programs. For instance, in the Australian Capital Territory (ACT), the Gambling Harm Prevention and Mitigation Fund is paid from a 0.75% tax on the gross revenue of gaming machines and also from other gambling operators. This fund helps to encourage and fund projects that are targeted to prevent and decrease gambling related harm [11].

Preventing gambling addiction is another important measure that needs to be treated, and one of the ways to do this is to restrict gambling advertising. The regulation of gambling advertisements is therefore a very important measure that has to be taken in order to prevent gambling addiction among vulnerable groups of people including minors and those with gambling disorders. For instance, the European Union has very strict rules regarding the content, timing and viewership of gambling commercials. For instance, the advertising of online casinos, virtual slot machines and online poker is now regulated as to when they can be advertised in Germany. For instance, such commercials are not allowed to run between 6:00 am and 9:00 pm to avoid targeting minors. Furthermore, German law prohibits the use of images that are connected to success, prosperity or even social status in gambling advertisements and marketing campaigns and aims at young people and people who manifest signs of gambling pathologies. This paper will also discuss the impact of the various aspects of advertising on public health, with particular reference to gambling.

In France, the National Gambling Authority, ANJ, regulates gambling advertising. Under French law, all forms of gambling-related advertisements must feature warnings about the dangers of gambling addiction, e.g., «Play responsibly» and contact details of organizations that can help problem gamblers. Furthermore, restrictions have been placed on the use of aggressive marketing tactics like bonus offers that give the false impression that one will certainly win in the game. These measures are designed to prevent the access of new players especially the young ones who are most likely to develop gambling disorders. In Kazakhstan, measures that prohibit the advertising of betting companies and totalizators are also being implemented: the prohibition of the placement of advertising materials in public places and social networks.

To ensure control over citizens' participation in gambling, many countries have implemented mandatory registration and identification of players. In Sweden, the state-run self-exclusion system Spelpaus

allows users to voluntarily block access to all licensed gambling platforms, including online casinos, bookmakers, lotteries, and physical betting outlets. The self-exclusion periods range from one month to an indefinite duration, providing protection for individuals at risk of developing gambling addiction [14].

In Spain, mandatory identification of customers has been introduced on all online gambling platforms, which not only prevents underage participation but also enables monitoring of user activity to ensure compliance with responsible gaming principles. The enforcement of these regulations is overseen by the Directorate General for the Regulation of Gambling (DGOJ) [15]. Additionally, for individuals seeking to limit their involvement in gambling, the General Register of Gambling Access Bans (RGIAJ) [16] is available. Registration in this registry is mandatory for all operators, and removal from the list is only possible upon request after a six-month self-exclusion period.

Measures for identifying and registering players help the state not only enforce age restrictions but also detect individuals showing signs of gambling addiction, thereby limiting their access to gambling activities. Such systems enable authorities to respond promptly to cases of excessive gambling behavior and offer players support measures.

In addition to state regulation, self-restriction mechanisms play a significant role in preventing gambling addiction by allowing players to control their participation in gambling activities. For instance, Australia has implemented a national register called BetStop [17], which enables citizens to voluntarily exclude themselves from all licensed online betting and telephone gambling services for a period ranging from three months to a lifetime. This self-exclusion is irreversible for the specified duration, though players can extend it if needed. Furthermore, the country's legislation requires gambling operators to provide clients with self-exclusion options at individual gambling establishments and online platforms, as well as impose limits on bet amounts and playing time. These measures aim to mitigate the risks of gambling addiction and promote responsible gambling behavior.

The development of such tools encourages a more conscious approach to gambling and reduces the likelihood of pathological addiction. In Kazakhstan, similar systems are still in the development stage; however, international experience demonstrates their high effectiveness in reducing cases of gambling addiction.

II. Programs for the prevention and rehabilitation of gambling addiction

In addition to restrictive measures, countries implement specialized rehabilitation programs for individuals suffering from gambling addiction. In some nations, the National Gambling Addiction Service operates, offering free counseling, therapy, and support not only to those affected but also to their families. Additionally, a national gambling addiction hotline provides emergency assistance when needed.

Kazakhstan has been taking significant steps to combat gambling addiction. The Ministry of Health, in collaboration with specialized organizations, is developing a strategy to integrate gambling disorder treatment into the national healthcare system. In October 2023, a clinical protocol for the diagnosis and treatment of pathological gambling was approved, classifying the disorder as a mental illness. The protocol outlines both outpatient and inpatient treatment methods, including psychotherapeutic and psychosocial support, as well as pharmacological assistance for co-occurring disorders such as anxiety and depression [18].

The implementation of these mechanisms across various countries has demonstrated high effectiveness in combating the spread of gambling addiction. A combination of legislative restrictions, tax instruments, and rehabilitation programs helps reduce citizens' involvement in gambling and minimize the socio-economic consequences of gambling addiction.

III. Liability for violations in the gambling industry

The legal regulation of the gambling industry in the Republic of Kazakhstan provides various forms of liability for its participants, including criminal, administrative, and civil liability. The application of each of these forms depends on the nature and severity of the offense committed.

According to Article 307 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan [19], the illegal establishment or operation of a gambling establishment, as well as organizing gambling activities without the appropriate license, entails criminal liability. Sanctions include a fine of up to 2,000 Monthly Calculation Indicators (MCI), corrective labor, restriction of freedom, or imprisonment for up to two years with confiscation of property.

In 2024 amendments were introduced to strengthen liability for organizing electronic and online casino activities. Now, such violations are subject to fines of up to 2,000 MCI, community service of up to 600 hours, restriction of freedom, or imprisonment for up to two years with confiscation of property [20].

The Code of Administrative Offenses of the Republic of Kazakhstan (CAO RK) [21] in Article 444 establishes liability for participation in illegal gambling. Engaging in gambling in unauthorized locations or accepting bets without special permission results in a fine of 200 MCI for individuals, along with the confiscation of gambling equipment, money, valuables, and other assets.

In cases where the actions of gambling operators result in harm to participants or third parties, civil liability may arise. For instance, if an operator breaches the terms of an agreement with a player or provides false information that leads to financial losses, the affected party has the right to seek compensation through legal proceedings.

The application of these legal provisions demonstrates real cases of liability enforcement in the gambling industry. For example, in 2023, 14 criminal cases were initiated in Astana regarding illegal gambling operations, of which 7 were completed, and 3 were brought to court. In another instance, an individual was convicted of organizing illegal gambling activities and faced the corresponding criminal sanctions [22].

These examples highlight the active efforts of law enforcement agencies in detecting and suppressing illegal gambling operations, as well as the enforcement of legal measures against violators.

IV. Issues of legal regulation and the need for its improvement in Kazakhstan

The legal regulation of the gambling industry in the Republic of Kazakhstan is aimed at ensuring legality and preventing the negative consequences of gambling. However, an analysis of the existing legal norms reveals several shortcomings that reduce the effectiveness of law enforcement in this area.

The current Law of the Republic of Kazakhstan “On Gambling Business” dated January 12, 2007, establishes the legal framework for organizing and conducting gambling activities. Despite the presence of fundamental provisions, practice shows that some regulations do not align with modern realities and require revision. There is in particular insufficient effectiveness in combating illegal online casinos and bookmakers, whose activities are difficult to control within the framework of the existing legislation [23, p.145].

According to K.K. Sabitov [23], one of the key gaps is the lack of a clear definition and regulation of online gambling. The current legislation does not fully cover the specific aspects of online casinos and bookmakers, creating opportunities to bypass established legal norms.

Moreover, although legislation provides for liability for the illegal organization of gambling, in practice, detecting and curbing such violations faces significant challenges. This is due to insufficient coordination between various state authorities and the lack of effective monitoring and control mechanisms. Another issue is the inadequate specification of requirements for the technical equipment and software of gambling establishments. The absence of unified standards leads to inconsistencies and complicates the licensing and oversight process [24, p.227].

Finally, the public’s low awareness of existing bans and restrictions in the gambling sector, along with the absence of effective programs for gambling addiction prevention, undermines law enforcement efforts and contributes to the spread of gambling addiction.

Addressing these gaps and inconsistencies, as well as strengthening measures for prevention and public awareness regarding the risks associated with gambling, are essential steps toward improving the effectiveness of gambling industry regulation in Kazakhstan.

Discussion

Regulation of gambling in various countries demonstrates a diversity of approaches aimed at balancing economic interests with protecting society from the negative consequences of gambling addiction. Comparing the identified results with international practices allows for the determination of common trends and the most effective measures in gambling regulation.

An analysis of international experience highlights several key trends in gambling regulation:

Many countries have implemented a strict licensing and oversight system, imposing rigorous requirements on gambling operators. Companies are required to obtain licenses, report regularly, and comply with standards of fairness and transparency. This system enables authorities to monitor operators’ activities and protect consumer interests [25].

Several jurisdictions have introduced measures to protect vulnerable groups, including responsible gambling programs, restrictions on gambling advertising – particularly among young people – and awareness campaigns about the risks of gambling addiction. For instance, some states have restricted gambling adverts to avoid exposing minors and other special groups to gambling [26];

Technologies are used to monitor and control the gambling industry. A few countries have put in place measures to track online betting as well as tools for self-exclusion for the gambler who wants to restrict his or her participation in gambling activities [27].

A comparative analysis reveals that the most effective approaches are all-encompassing strategies that include strict government regulation, protections for at-risk populations, and the application of technological innovations. Such steps can be implemented to minimize the adverse impacts of gambling and to strike a reasonable harmony between the economic advantages and the welfare of the public.

The development of digital technologies and the development of online gambling has changed the legal environment of gambling in the market. These changes have brought about new issues concerning regulation and supervision. Digitalization has brought about new forms of gambling through the internet which has potentially expanded the market size. In Kazakhstan, online casino services are illegal; however, this can be done, making it hard to control and regulate. Also, the application of digital technologies in gambling makes it hard to identify the participants and enforce the age limits. This in turn increases the risk of young people being involved in gambling and therefore requires In order to safeguard vulnerable groups, new mechanisms must be created.

Gambling is online is inherently transboundary which poses a significant challenge to its legal regulation. They are differences in national legislation which enable operators to select jurisdictions with more lenient regulatory standards and offer services in countries with more stringent regulations. As a result, national authorities are faced with difficulties in enforcing their regulations on foreign operators [28, p.34].

This paper argues that the current absence of a unified international approach to the regulation of online gambling exacerbates the problem. Such attempts to extend the reach of national laws extraterritorially face legal and practical challenges, including those grounded in principles of state sovereignty and varying legal traditions. Moreover, the technical characteristics of the online environment enable operators to swiftly change domain names, servers, and other infrastructure elements, making it difficult to detect and prevent illegal activities.

Conclusion

The present study, as conducted in this article, is dedicated to the pressing socio-legal issue of ludomania, or pathological gambling addiction, which is exacerbated by the development of digital technologies and the expansion of online gambling. The number of individuals suffering from gambling addiction is steadily increasing, and factors such as the accessibility of gambling, the lack of regulatory oversight, and the aggressive marketing strategies employed by gambling companies contribute to the involvement of the population, including socially vulnerable groups. In this regard, the study of legal measures to combat ludomania and the analysis of international practices in establishing liability for violations of gambling regulations are of particular importance.

The analysis has shown that ludomania is a complex phenomenon encompassing medical, psychological, and legal aspects. The World Health Organization (WHO) classifies Ludomania as a disorder associated with impaired impulse control. From a legal perspective, gambling addiction necessitates state regulation of the gambling sector, including the development of control mechanisms, the introduction of age restrictions, and the imposition of liability on operators that facilitate the spread of pathological gambling behavior. Ludomania has a significantly negative impact on individuals, families, the economy, and society, leading to deteriorating mental health, financial difficulties, and increased crime rates.

At the international level, there is no single document governing gambling activities; however, various organizations develop recommendations and guidelines aimed at mitigating the negative consequences of gambling. The European Commission has developed the “Recommendations on Principles for Consumer Protection and Responsible Gambling,” which require operators to provide players with information about the risks, implement self-regulation mechanisms, and ensure the protection of minors.

The legal regulation of the gambling industry in the Republic of Kazakhstan is based on the Law “On Gambling Business” of 2007, which establishes the fundamental principles, conditions, and procedures for conducting activities in this field. The legislation imposes strict requirements on operators, including mandatory licensing and control over the location of gambling establishments. In 2024, amendments were introduced to strengthen oversight of online casinos and impose restrictions on the advertising of betting companies and totalizators.

Research findings indicate that combating gambling addiction requires a comprehensive approach, incorporating regulatory measures, restrictions, and prevention strategies. Effective control tools include licensing, taxation, advertising restrictions, player registration and identification, as well as self-exclusion mechanisms. International experience shows that many countries implement self-exclusion systems, such as Spelpaus in Sweden and BetStop in Australia, allowing users to voluntarily block access to gambling platforms. Additionally, an important area of focus is the development of rehabilitation and prevention programs for gambling addiction, taking international best practices into account.

An analysis of Kazakhstan’s current legislation has revealed several shortcomings that reduce the effectiveness of law enforcement in the gambling sector. In particular, there is insufficient efficiency in combating illegal online casinos and bookmakers, as well as a lack of clear definitions and regulations for online gambling. Therefore, it is necessary to strengthen control over gambling activities, implement effective prevention and self-exclusion mechanisms, and raise public awareness of gambling-related risks. Further improvement of national legislation is required, considering international experience and modern challenges associated with the expansion of online gambling.

А.Ж. Муратова, PhD докторы, А.Н. Гумилев Евразия Ұлттық университеті Заң факультетінің Қыямыстық-құқықтық пәндер кафедрасының меңгерушісі (Қазақстан Республикасы, Астана қ.); И.С. Сактаганова, з.ғ.к., А.Н. Гумилев Евразия Ұлттық университеті Заң факультетінің Конституциялық және азаматтық құқық кафедрасының қауымдастырылған профессоры (Қазақстан Республикасы, Астана қ.): Лудоманиямен күрестің құқықтық аспектілері: жауапкершілікті белгілеудің халықаралық тәсілдері.

Зерттеудің өзектілігі әлеуметтік-құқықтық мәселе болып табылатын лудомания проблемасымен байланысты, оны цифрлық технологиялар мен онлайн-гемблинг одан әрі ушықтыруда. Зерттеу тақырыбы лудоманиямен күрестің құқықтық аспектілері және жауапкершілікті белгілеудің халықаралық тәсілдерін қамтиды. Зерттеудің мақсаты – халықаралық тәжірибелер мен ұлттық заңнаманы талдау, лудоманияның таралуын азайтуға бағытталған құқықтық тетіктерді жетілдіру бойынша ұсынымдар әзірлеу. Зерттеудің жаңашылдығы – лудоманиямен күресудің құқықтық аспектілерін кешенді талдау, Қазақстан заңнамасындағы олқылықтарды анықтау және халықаралық тәжірибеге сүйене отырып оны жетілдіру жолдарын ұсыну, сондай-ақ, ойын бизнесіндегі заң бұзушылықтар үшін түрлі жауапкершілік түрлерін зерттеу.

Қысқаша тұжырымдар: 1) Лудомания – тиімді құқықтық реттеуді қажет ететін күрделі мәселе. 2) Лицензиялау, салық салу, жарнаманы шектеу, тіркеу және өзін-өзі шектеуді қамтитын кешенді көзқарас қажет. 3) Халықаралық тәжірибе ойын бизнесін реттеу мен лудоманияның алдын алуда тиімді. 4) Қазақстан заңнамасы онлайн-гемблингті реттеу және заңсыз операторларды бақылау бөлігінде жетілдіруді қажет етеді. 5) Тиімді алдын алу шаралары үшін оңалту бағдарламалары мен тәуекелдер туралы хабардарлықты арттыру қажет.

Кілт сөздер: лудомания, ойынға тәуелділік, құмар ойындар, құқықтық реттеу, алдын алу, жауапкершілік, ойын бизнесі, онлайн-гемблинг, халықаралық тәжірибе, заңнама.

А.Ж. Муратова, доктор PhD, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Евразийского национального университета имени А.Н. Гумилева (Республика Казахстан, г. Астана); И.С. Сактаганова, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор кафедры конституционного и гражданского права юридического факультета Евразийского национального университета имени А.Н. Гумилева (Республика Казахстан, г. Астана): Правовые аспекты борьбы с лудоманией: международные подходы к установлению ответственности.

Актуальность исследования заключается в социально-правовой проблеме лудомании, усугубляемой цифровыми технологиями и онлайн-гемблингом. Предметом исследования являются правовые аспекты борьбы с лудоманией и международные подходы к ответственности. Цель работы – анализ международных практик и национального законодательства, разработка рекомендаций по совершенствованию правовых механизмов для снижения распространения лудомании. Новизна исследования состоит в комплексном анализе правовых аспектов борьбы с лудоманией, выявлении пробелов в законодательстве Казахстана и предложении путей его совершенствования на основе международного опыта, а также в исследовании различных форм ответственности за нарушения в игорном бизнесе.

Краткие выводы: 1) Лудомания – серьезная проблема, требующая эффективного правового регулирования. 2) Необходим комплексный подход, включающий лицензирование, налогообложение, ограничение рекламы, регистрацию и самоограничение. 3) Международный опыт эффективен в регулировании игорного бизнеса и профилактике лудомании. 4) Законодательство Казахстана нуждается в совершенствовании в части регулирования онлайн-гемблинга и контроля нелегальных операторов. 5) Эффективная профилактика требует программ реабилитации и информирования о рисках.

Ключевые слова: лудомания, игровая зависимость, азартные игры, правовое регулирование, профилактика, ответственность, игорный бизнес, онлайн-гемблинг, международный опыт, законодательство.

References:

1. Chto takoe ludomaniya i kak ot nee izbavit'sya? Prichiny, simptomy i lechenie igrovoy zavisimosti [What is gambling addiction and how to get rid of it? Causes, symptoms, and treatment of gambling addiction]. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/10/08/chto-takoe-ludomaniya-i-kak-ot-nee-izbavit-sya/> (10.2024).
2. Ekspert otsenil, skol'ko v Kazakhstane mozhet byt' lyudey s ludomaniy [An expert estimated how many people in Kazakhstan may have gambling addiction]. URL: <https://orda.kz/jekspert-ocenil-skolko-v-kazahstane-mozhet-byt-ljudej-s-ludomaniej-384358/> (10.2024).
3. Chagina M.A., Kashina M.A. Igrovaya zavisimost' kak sotsial'naya problema: mekhanizmy sotsial'no-psikhologicheskoy profilaktiki i yuridicheskogo regulirovaniya [Gaming addiction as a social problem: mechanisms of socio-psychological prevention and legal regulation]. Administrative Consulting. 2021. Vol. 7. № 3 (15). Pp. 93-102.
4. Katkov A.L. Profilaktika, lechenie i reabilitatsiya igrovoy zavisimosti: Metodicheskie rekomendatsii [Prevention, treatment and rehabilitation of gambling addiction: Guidelines]. Pavlodar, 2012. 87 p.
5. Addictive behaviours: Gaming disorder. URL: <https://www.who.int/news-room/questions-and-answers/item/addictive-behaviours-gaming-disorder> (accessed:10.2024).
6. Law of the Republic of Kazakhstan dated April 9, 2016, No. 495-V "On Lotteries and Lottery Activities". URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000495/z495_1.htm (10.2024).
7. Deputat: Azartnye igry v Kazakhstane obognali rynek nedvizhimosti [Deputy: Gambling in Kazakhstan has overtaken the real estate market]. URL: https://forbes.kz/news/newsid_319537 (10.2024).
8. 2014/478/EU: Commission Recommendation of 14 July 2014 on principles for the protection of consumers and players of online gambling services and for the prevention of minors from gambling. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reco/2014/478/oj/eng> (10.2024).
9. Law of the Republic of Kazakhstan dated January 12, 2007, No. 219 "On Gambling Business". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000219> (10.2024).
10. Gambling Act 2005. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/19/contents> (10.2024).
11. Gambling Harm Prevention and Mitigation Fund – Grants Program. URL: <https://www.gamblingandracing.act.gov.au/funding/gambling-harm-prevention-and-mitigation-fund> (10.2024).
12. Gambling Laws and Regulations Report Germany. URL: <https://iclg.com/practice-areas/gambling-laws-and-regulations/germany> (11.2024).
13. Gambling Laws and Regulations Report France. URL: <https://iclg.com/practice-areas/gambling-laws-and-regulations/france> (11.2024).
14. This is how it works. URL: <https://www.spelpaus.se/en/how-it-works/> (10.2024).

15. Register of requests at the DGOJ online office. URL: <https://sede.ordenacionjuego.gob.es/en/registro-solicitudes> (11.2024).
16. General Register of Gaming Access Bans (RGIAJ). URL: <https://www.ordenacionjuego.es/en/rgiaj> (11.2024).
17. BetStop – the National Self-Exclusion Registe. URL: <https://www.acma.gov.au/betstop-national-self-exclusion-registertm> (11.2024).
18. Kak lechat igromaniyu v Kazakhstane [How gambling addiction is treated in Kazakhstan]. URL: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6409310-kak-lechat-igromaniyu-v-kazakhstane.html> (10.2024).
19. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014, No. 226-V. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z1147> (10.2024).
20. V Kazakhstane vvodyat ugovolnuyu otvetstvennost' za organizatsiyu internet-kazino [Kazakhstan introduces criminal liability for organizing online casinos]. URL: https://www.kt.kz/rus/state/v_kazakhstane_vvodyat_ugovolnuyu_otvetstvennost_za_1377963621.html (10.2024).
21. Code of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2014, No. 235-V ZRK “On Administrative Offenses”. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235#z1501> (10.2024).
22. Court of Astana. URL: <https://astana.sud.kz/rus/news/lico-osuzhdeno-na-organizatsiyu-igor-nogo-biznesa> (11.2024).
23. Sabirov K.K. Nekotorye problemnye voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan v sfere regulirovaniya igornogo biznesa [Some problematic issues of improving the legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of gambling regulation]. Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan. 2019. № 3 (57). Pp. 144-149.
24. Dyachuk M.I., Shishimbaeva S.S. Analiz effektivnosti zakona Respubliki Kazakhstan «O lotereyakh i lotereynoy deyatel'nosti» [Analysis of the effectiveness of the Law of the Republic of Kazakhstan “On lotteries and lottery activities”]. Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan. 2022. № 4 (71). Pp. 224-234.
25. Regulirovanie azartnykh igr v stranakh Evropy [Regulation of gambling in European countries]. URL: <https://www.atomic-energy.ru/regulirovanie-azartnykh-igr-v-stranakh-evropy> (12.2024).
26. Regulirovanie reklamy azartnykh igr v Evrope [Regulation of gambling advertising in Europe]. URL: <https://lawstrust.com/Annie/Lingerman/regulirovanie-reklamy-azartnykh-igr-v-evrope> (22.11.2024).
27. Azartnym igrum boy: kakie regulyatornye praktiki primenyayut v mire i u nas [Gambling crack-down: what regulatory practices are used worldwide and in our country]. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/azartnym-igram-boy-kakie-regulyatornye-praktiki-primenyayut-v-mire-i-u-nas> (19.11.2024).
28. Toshmatov A.N. Pravovoe regulirovanie azartnykh igr i problemy, voznikayushchie pri ikh provedenii [Legal regulation of gambling and problems arising during their conduct]. Vestnik prava. 2023. № 3. Pp. 29-36.

Для цитирования и библиографии: Muratova A. Zh., Saktaganova I. S. Legal aspects of combating gambling addiction: international approaches to establishing liability // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 99-108. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_99

Материал поступил в редакцию 23.03.2025

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИГОРНОГО БИЗНЕСА СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННО-ЛЕТНИХ В ГРУЗИИ: УРОКИ ДЛЯ КАЗАХСТАНА

А.Ш. ЕЩАНОВ, д.ю.н., профессор, профессор кафедры общеправовых дисциплин Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Республика Казахстан, г. Косшы), e-mail: 7340207@prokuror.gov.kz

А.Е. САТЫБАЛДИЕВА, магистрант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Республика Казахстан, г. Косшы), e-mail: www.arais@mail.ru

Актуальность проблемы игорного бизнеса среди несовершеннолетних, особенно в онлайн-среде, постоянно возрастает, что требует принятия мер, как в Грузии, так и в Казахстане. Предмет исследования – анализ влияния игорного бизнеса на несовершеннолетних в Грузии и перспективы использования аналитических выводов для Казахстана. Цель работы – анализ факторов, влияющих на вовлеченность подростков в игорный бизнес, и разработка рекомендаций для Казахстана по его профилактике.

В исследовании используются методы анкетирования и интервьюирования несовершеннолетних для выявления социальных и психологических факторов зависимости. Научная новизна заключается в адаптации опыта Грузии по профилактике нарушений в сфере игорного бизнеса для Казахстана с учётом развития цифровых технологий.

Основные выводы: несовершеннолетние в Грузии часто вовлечены в азартные игры, особенно через Интернет. В Казахстане необходимо усилить контроль за доступом к азартным играм, создать информационные программы и обеспечить участие родителей в профилактике игровой зависимости. К числу значимых мер предлагается усиление законодательного регулирования и создание психологических сервисов.

Ключевые слова: игорный бизнес, азартные игры, профилактика зависимости, Казахстан, Грузия, онлайн-игры, социальные факторы, психологические факторы, контроль доступа, родительская роль, законодательство, информационные программы.

Введение

Как известно, игромания или лудомания – это одна из форм поведенческой зависимости, связанная с участием в азартных играх. Данное определение применимо ко всем категориям населения, однако особенно ему подвержены несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет. Согласно исследованию, проведённому в школах Тбилиси, 48% учащихся в этой возрастной группе имеют опыт участия в азартных играх, а среди несовершеннолетних от 15 до 18 лет этот показатель достигает 59%. Такая высокая вовлечённость обусловлена повышенной эмоциональной восприимчивостью, стремлением к риску и недостаточно сформированной способностью к самоконтролю, что делает подростков особенно уязвимыми перед игровой зависимостью [1].

Лудомания среди несовершеннолетних, на наш взгляд, представляет собой форму патологической зависимости, характеризующуюся неуправляемым влечением к азартным играм, что негативно влияет на психологическое, социальное и образовательное развитие подростка. Согласно Международной классификации болезней (МКБ-11), лудомания определяется как «расстройство азартных игр», связанное с нарушением контроля над игровым поведением, несмотря на возникающие негативные последствия [2].

Данное расстройство в несовершеннолетнем возрасте особенно опасно из-за повышенной эмоциональной уязвимости, недостаточного развития механизмов самоконтроля и склонности к рисковому поведению, что делает его актуальной проблемой для исследования и профилактики.

Несмотря на то, что сфера азартных игр (гемблинга) подвержена высокому риску, динамика её роста заслуживает внимания, как в мире, так и в Грузии. Распространённость азартных игр среди подростков в 2–4 раза выше, чем среди взрослых. Исследование, опубликованное в 2021 г. Национальным центром по контролю заболеваний и общественному здравоохранению Грузии (Sturua, 2021), показывает, что 20% шестнадцатилетних несовершеннолетних являются заядлыми игроками, а 12% - проблемными игроками [3].

На основе контент-анализа рекламы азартных игр в грузинских СМИ было установлено, что азартные игры связаны со следующими компонентами контента: лёгкий финансовый успех, бесплатные азартные игры, мгновенные выигрыши, богатство и власть, устойчивость, бесконечное веселье, свобода и азартные игры. Хотя Кодекс Грузии о правах ребёнка регулирует фильтрацию информации, представляющей угрозу для детей, реклама азартных игр на телевидении и в социальных сетях остаётся доступной для подростков.

Несмотря на актуальность проблемы, в Грузии проводится достаточно незначительное количество мероприятий по предотвращению азартных игр среди подростков. Согласно исследованию, проведённому в Швеции в 2020 году (Låftman et al., 2020), снижение вовлеченности несовершеннолетних в азартные игры в значительной степени зависит от их информирования. Согласно исследованию, для школы важно быть инициатором информирования подростка и привития соответствующих ценностей. Аналогичный результат был выявлен в исследовании 2020 г., проведенном Детским фондом Организации Объединенных Наций в сотрудничестве с Патриархией Грузии [3].

Основная часть

Исследование, проведенное Национальным центром по контролю заболеваний и общественному здравоохранению Грузии, было направлено на изучение уровня вовлеченности несовершеннолетних в азартные игры, а также на анализ факторов, которые способствуют развитию зависимости среди подростков в возрасте 14-17 лет. Основными целями исследования были: определение опыта вовлечения несовершеннолетних в азартные игры на деньги, изучение их поведения, факторов, побуждающих к участию в азартных играх, отношения подростков к играм и лудомании, а также влияние азартных игр на повседневную жизнь подростков и их отношения с родителями и сверстниками.

Исследование проводилось с использованием анкетных опросов среди несовершеннолетних в возрасте 14-17 лет, проживающих в 10 различных городах Грузии. Объем выборки составил 1000 несовершеннолетних, и опрос проводился в период с 25 по 30 октября 2023 г. Данные собирались через онлайн-опросы, каждый из которых занимал в среднем 30 минут.

Результаты исследования показали, что интерес несовершеннолетних к азартным играм достаточно высок. 61% респондентов заявили, что знают хотя бы одного человека, играющего в азартные игры, при этом 38% имеют знакомых, играющих в азартные игры в их ближайшем окружении, включая друзей (24%) и членов семьи (21%).

Более половины несовершеннолетних (53%) хотя бы раз наблюдали за игрой другого человека, 30% проявляли интерес к азартным играм, не играя сами, а 13% опрошенных играли в азартные игры с разной частотой. Примечательно, что среди играющих подростков 27% являются активными игроками, играющими несколько раз в неделю или чаще, а 20% тратят на игру более 2 часов каждый раз.

Кроме того, исследование показало, что вовлеченность в азартные игры среди мальчиков и девочек различается. Мальчики чаще, чем девочки, наблюдают за чужими играми (61% против 46%) и сами играют на деньги (16% против 10%). Мальчики также более склонны к тому, чтобы играть в азартные игры, находясь в компании друзей (29% против 19% у девочек).

Возраст, в котором несовершеннолетние начинают играть в азартные игры, также довольно низкий: 22% респондентов начали играть в возрасте 11 лет или младше, а 78% начали в возрасте 12 лет и старше. Важно отметить, что несовершеннолетние редко начинают играть в азартные

игры в одиночку – 51% из них сыграли впервые с друзьями или сверстниками, а 32% – с членом семьи. Влияние окружения на принятие решения начать играть в азартные игры очевидно, так как 24% несовершеннолетних играют из-за того, что их друзья увлекаются азартными играми, а 16% считают азартные игры престижными.

Главным мотивом для несовершеннолетних начать играть в азартные игры является желание выиграть деньги: 40% респондентов заявили, что начали играть именно ради выигрыша, а 19% были мотивированы желанием выиграть большие деньги. Это мотивирование более характерно для мальчиков, чем для девочек (44% против 24%). Также значительная часть подростков (32%) начала играть ради развлечения или в силу свободного времени.

Что касается платформ для азартных игр, то исследование показало, что 24% подростков впервые играли в азартные игры в казино или букмекерской конторе, а 31% подростков используют онлайн-казино. В дополнение к этому, четверть респондентов играют в нелегальные азартные игры или делают ставки через нелегальные платформы.

Не менее важным является вопрос осведомлённости несовершеннолетних о рисках, связанных с азартными играми. Согласно исследованию, 80% несовершеннолетних не осведомлены о последствиях зависимости от азартных игр, а 90% не заинтересованы в получении дополнительной информации на эту тему. Многие подростки также редко обсуждают свою привязанность к азартным играм с родителями: 46% родителей даже не знают, что их дети играют в азартные игры, а 18% знают, но не обсуждают это с детьми. Лишь 25% родителей информируют своих детей о рисках.

Основными рисками для несовершеннолетних, которые играют в азартные игры, являются потеря имущества (46%), денег (43%) и разрыв отношений с близкими людьми (40%). Также 22% несовершеннолетних испытывают депрессию из-за своих азартных игр, а 2% из них пытались причинить себе вред. Исследование показало, что треть несовершеннолетних осознают возможные риски зависимости от азартных игр, при этом 3% уже считают себя зависимыми.

Из материалов исследования также видно, что несовершеннолетние начинают осознавать важность проблемы азартных игр, хотя мальчики меньше обеспокоены этим, чем девочки. В целом, 61% подростков считают зависимость от азартных игр важной проблемой на уровне страны, а 44% видят эту проблему среди своих сверстников. Однако 10% не считают азартные игры серьёзной проблемой.

В исследовании подчёркивается необходимость создания образовательных программ в школах для повышения осведомлённости несовершеннолетних о последствиях азартных игр и профилактике зависимости. Также важно внедрить программы, направленные на предотвращение вовлечения несовершеннолетних в азартные игры, а также обеспечивать психологическую поддержку для тех, кто уже столкнулся с проблемой.

Роль родителей в предотвращении азартной зависимости также акцентирована в исследовании. Рекомендуется обучить родителей распознавать признаки зависимости и помогать несовершеннолетним в формировании здоровых привычек. Важной рекомендацией является усиление контроля над доступом несовершеннолетних к азартным играм, включая онлайн-платформы.

Кроме того, подчёркивают необходимость регулирования рекламы азартных игр в СМИ и социальных сетях, чтобы минимизировать их влияние на несовершеннолетних. Также важно создавать доступные сервисы психологической помощи для подростков и обучать специалистов, которые работают с молодёжью, распознавать и лечить азартную зависимость [4-7].

Согласно текущим исследованиям, подростки, с одной стороны, имеют большой опыт общения с азартными играми, с другой стороны, у них мало информации о лудомании, азартных играх и связанных с ними рисках. Более того, 14–17-летние несовершеннолетние, участвовавшие в исследовании, даже положительно относятся к азартным играм – треть считают, что на азартных играх можно заработать большие деньги, в то время как 16% считают, что азартные игры престижны [8-10].

Решающее значение придаётся проведению различных школьных мероприятий, посвящённых рискам и негативным последствиям азартных игр, включая обучение и внеклассные мероприятия в школах. Важно развивать у обучающихся несовершеннолетних заинтересованность на достижение определенных целей (например, участие в спорте, ориентированное на образование), развивать

позитивное отношение к себе, развивать управление эмоциями, жизнестойкость и навыки совладания с трудностями у несовершеннолетних, что снизит риск того, что несовершеннолетние станут зависимыми от азартных игр [11].

Необходимо проводить информационные кампании через социальные сети и СМИ, освещая психологические аспекты игровой зависимости и её последствия для психического здоровья. Важно повышать осведомлённость родителей, учителей и общества, поскольку старшее поколение влияет на интерес несовершеннолетних к азартным играм. 32% подростков впервые играли в азартные игры с родственниками, но 80% не были проинформированы о своём пристрастии, а 23% родителей знают об играх своих детей, но не обсуждают это. Позитивное воспитание и осведомлённость родителей помогут вовремя выявить риски и оказать неконфликтную поддержку несовершеннолетним [12].

Учителям важно знать об азартных играх с точки зрения санитарного просвещения и знаний в области здравоохранения и уделять больше внимания проблемным несовершеннолетним. На уровне первичной медико-санитарной помощи медицинский персонал должен уделять азартным играм и игровому скринингу во время медицинских осмотров подростков столько же внимания, сколько другим вредным веществам и выявлению отклонений [12].

Согласно опросу, 40% несовершеннолетних играли в онлайн- или наземных казино, что свидетельствует о недостаточном контроле за доступом их к игорным заведениям. Несмотря на ужесточение регистрации на сайтах онлайн-казино с 2020 года, несовершеннолетние, по-прежнему, находят способы зарегистрироваться на таких платформах.

Необходимо более внимательно изучить доступ несовершеннолетних к азартным играм и принять меры, такие как определение обязательного видео подтверждения и верификации личности при входе в казино, а также контроль аккаунта. Важно усилить фильтрацию рекламы азартных игр на телевидении, в Интернете и на баннерах.

По данным ВОЗ, зависимость от азартных игр (DSM-IV F63.0) является психическим заболеванием, которое пока не признано таковым в казахстанском обществе, что затрудняет его регулирование. Необходимы исследования для изучения вовлеченности несовершеннолетних в азартные игры и распространённости зависимости от азартных игр. Регулирование должно быть продуманным, особенно с точки зрения возрастных ограничений, чтобы не побуждать подростков переходить на нелегальные платформы. Ужесточение регистрации онлайн-казино привело к увеличению доли нелегальных ставок (24%). Признание зависимости от азартных игр психическим заболеванием позволит разработать реабилитационные программы, которые станут первым шагом на пути к дальнейшему законодательному регулированию.

Несмотря на актуальность проблемы, в Грузии проводится недостаточное количество мероприятий направленных на предотвращение вовлечения несовершеннолетних в азартные игры. Существуют определённые инициативы, такие как группы поддержки «Анонимные игроки» (Gamblers Anonymous, GA), которые объединяют людей, стремящихся избавиться от игровой зависимости. Эти группы работают по программе «12 шагов» и финансируются за счёт добровольных пожертвований участников [13].

В ряде стран мира действуют эффективные государственные меры по профилактике игрового бизнеса среди несовершеннолетних.

В Европе, в таких странах как Швеция, Великобритания и Италия, реализуются комплексные подходы.

Швеция внедрила государственную систему самоисключения Spelraus, ограничила бонусные предложения и ужесточила контроль над рекламой, особенно той, что может быть направлена на молодежь.

Великобритания ввела запрет на рекламу азартных игр, ориентированную на несовершеннолетних, и разработала стратегию снижения вреда с участием благотворительных организаций.

Италия полностью запретила рекламу азартных игр в СМИ, включая телевидение и интернет, с целью защиты молодежи.

Австралия активно применяет технологии защиты игроков, включая систему лимитов на

ставки и время игры, а также интеллектуальные карты, позволяющие отслеживать потенциально зависимое поведение. В ряде регионов внедрены программы самоисключения.

В Северной Америке, как в США, так и в Канаде, регулирующие меры зависят от регионов.

В США распространены программы самоисключения, используются цифровые технологии для мониторинга поведенческих рисков, а общественные организации проводят профилактику среди несовершеннолетних и молодежи.

В Канаде каждая провинция применяет свои меры, включая образовательные кампании, финансовые ограничения и партнерства с НПО для защиты уязвимых групп, в том числе несовершеннолетних.

Сингапур применяет достаточно строгую политику: доступ местных жителей в казино ограничен, действует система исключения по инициативе семьи, а также проводятся государственные просветительские кампании по рискам азартных игр для несовершеннолетних [14].

Одним из возможных направлений работы может стать внедрение и поддержка групп само и взаимопомощи, таких как международные сообщества «Анонимные игроки». Эти группы, действующие в ряде стран, в том числе в Грузии, доказали свою эффективность в борьбе с зависимостью, включая среди молодёжи. Программа «12 шагов», на которой обоснована их деятельность, помогает участникам осознать проблему, принять её и постепенно восстановиться.

Проведённое исследование показывает необходимость принятия безотлагательных профилактических мер и в Республике Казахстан. Это обусловлено растущим интересом несовершеннолетних к азартным играм, особенно через Интернет, что представляет собой серьёзную угрозу для их психического и социального благополучия.

Азартные игры становятся доступными и привлекательными для несовершеннолетних, увеличивая риск развития игромании и других негативных последствий, таких как финансовые потери, нарушение отношений в семье и среди сверстников, а также психологические расстройства.

В связи с этим, необходимо оперативно разработать и внедрить комплексные меры для предотвращения распространения игрового бизнеса среди несовершеннолетних в Казахстане.

Проблема распространения игрового бизнеса среди несовершеннолетних в Казахстане требует системного подхода и активного межведомственного взаимодействия. На фоне растущей популярности онлайн-гемблинга и недостаточной правовой защиты несовершеннолетних становится очевидной необходимость разработки Национальной стратегии по профилактике лудомании среди несовершеннолетних. Такая стратегия должна формироваться с участием Министерства образования, здравоохранения, цифрового развития, а также Министерства информации и общественного развития.

Одним из ключевых шагов должно стать внедрение обязательной цифровой верификации личности при регистрации на сайтах ставок и онлайн-казино. Это позволит исключить участие несовершеннолетних в азартных играх, а также даст возможность тем, кто желает ограничить собственный доступ к таким платформам, воспользоваться механизмом самоисключения.

В образовательной сфере необходимо ввести курсы, направленные на формирование у обучающихся несовершеннолетних базовой финансовой грамотности, развитие критического мышления и понимание рисков интернет-зависимости. Такие занятия могут проводиться в рамках предметов ОБЖ, информатики или как отдельные факультативные модули, при участии педагогов, школьных психологов и приглашённых специалистов.

Не менее важно обеспечить доступ подростков и их семей к психологической поддержке. Создание центров семейного консультирования, а также запуск онлайн-сервисов и горячих линий доверия может сыграть важную роль в раннем выявлении и предотвращении зависимости. Особенно актуальна поддержка школьных психологов, обладающих компетенциями в сфере поведенческих зависимостей.

В целях повышения информированности родителей и широкой общественности необходимо запустить масштабные просветительские кампании. Это могут быть социальные видеоролики, подкасты, публикации в популярных социальных сетях, ориентированные как на родителей, так и на самих подростков. Важно привлечь к участию в таких кампаниях известных общественных деятелей, спортсменов и блогеров, пользующихся авторитетом среди несовершеннолетних.

Кроме того, в условиях цифровизации имеет смысл разработать мобильные приложения родительского контроля, позволяющие блокировать доступ к игровым платформам на устройствах несовершеннолетних. Такие технологии могли бы включать уведомления о попытках регистрации и систему фильтрации контента. Наконец, особое внимание следует уделить поддержке неправительственных организаций и волонтерских инициатив, работающих в сфере ментального здоровья подростков. Государственная поддержка таких организаций в виде грантов, сотрудничества с учебными заведениями и включения их в профилактические программы может существенно расширить охват и повысить эффективность профилактической работы.

Заключение

Опыт Грузии в рассматриваемом направлении и международного сообщества убедительно свидетельствует, что эффективная профилактика лудомании требует системного подхода и жесткого государственного регулирования. В Грузии, а также в странах Европы, таких как Швеция, Великобритания, Италия действуют программы самоисключения, жестко контролируется реклама, внедряются ограничения на участие несовершеннолетних в азартных играх. В частности, в Грузии с 2022 года введен запрет на участие в азартных играх для лиц до 25 лет, а также ограничена реклама и ужесточено лицензирование операторов. В Австралии, США, Канаде и Сингапуре активно применяются цифровые технологии мониторинга, программы семейного исключения, образовательные инициативы и финансовые лимиты.

Казахстан может взять на вооружение эти меры: создать национальную систему самоограничения, ограничить рекламу, защитить несовершеннолетних, а также вовлечь НПО и образовательные учреждения в формирование культуры ответственного отношения к азартным играм. Такой комплексный подход позволит значительно снизить риски лудомании и её социальные последствия.

Таким образом, применение предлагаемых мер на практике позволит Казахстану выстроить многоуровневую систему защиты несовершеннолетних от игровой зависимости, основанную на ответственности, просвещении и доступе к помощи.

А.Ш. Ещанов, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы құқық қорғау органдары академиясының Жалпы заң пәндері кафедрасының профессоры, з.ғ.д., профессор (Қосшы қ. Қазақстан Республикасы); А.Е. Сатыбалдиева, Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасының жанындағы құқық қорғау органдары академиясының магистранты (Қосшы қ. Қазақстан Республикасы): Грузиядағы кәмететке толмағандар арасындағы ойын бизнесінің қылмыстық-құқықтық және криминологиялық аспектілері: Қазақстанға арналған сабақтар.

Кәмететке толмағандар арасындағы, әсіресе онлайн ортадағы, құмар ойын бизнесі мәселесінің өзектілігі үнемі артып келеді, бұл жағдай Грузияда да, Қазақстанда да тиісті шаралар қабылдауды талап етеді. Зерттеу пәні – Грузиядағы кәмететке толмағандар арасындағы ойын бизнесі және Қазақстан үшін қорытындыларды пайдалану мүмкіндігі. Зерттеудің мақсаты – жасөспірімдердің ойын бизнесіне қатысуына әсер ететін факторларды талдау және Қазақстанға оның алдын алу бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Зерттеу тәуелділіктің әлеуметтік және психологиялық факторларын анықтау үшін кәмететке толмағандардың сауалнамасы мен сұхбатын пайдаланады. Ғылыми жаңалық Грузияның тәжірибесін Қазақстанға цифрлық технологияларды ескере отырып бейімдеуде жатыр.

Негізгі қорытындылар: Грузиядағы кәмететке толмағандар құмар ойындарға, әсіресе интернет арқылы жиі қатысады. Қазақстанда құмар ойындарға қол жеткізуге бақылауды күшейту, ақпараттық бағдарламалар жасау және ата-аналардың нашакорлықтың алдын алуға қатысуын қамтамасыз ету қажет. Заңнаманы күшейту және психологиялық қызметтерді құру да маңызды шаралар болып табылады.

Түйінді сөздер: ойын бизнесі, құмар ойындар, тәуелділіктің алдын алу, Қазақстан, Грузия, онлайн ойындар, әлеуметтік факторлар, психологиялық факторлар, қолжетімділікті бақылау, ата-ана рөлі, заңнама, ақпараттық бағдарламалар.

A.Sh. Yechshanov Professor of the Department of General Legal Disciplines of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan, Kosshy c.); A.E. Satybaldieva, master's student of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan, Kosshy c.): Criminal law and criminological aspects of the gambling business among minors in Georgia: lessons for Kazakhstan.

The relevance of the problem of gambling among minors in Georgia, especially in the online environment, is constantly increasing, which requires measures to be taken in both Georgia and Kazakhstan. Subject of study – minor gambling in Georgia and the possibility of using conclusions for Kazakhstan. Purpose of the work – analysis of factors influencing the involvement of teenagers in the gambling business and development of recommendations for Kazakhstan on its prevention.

The study uses questionnaires and interviews of minors to identify social and psychological factors of dependence. The scientific novelty lies in the adaptation of the Georgian experience for Kazakhstan, taking into account digital technologies.

Key findings: Minors in Georgia are often involved in gambling, especially via the Internet. In Kazakhstan, it is necessary to strengthen control over access to gambling, create information programs and ensure the participation of parents in the prevention of addiction. Strengthening legislation and creating psychological services are also important measures.

Key words: gambling, addiction prevention, Kazakhstan, Georgia, online games, social factors, psychological factors, access control, parental role, legislation, information programs.

Список литературы:

1. Первый канал Общественного Вещателя Грузии. Согласно исследованию, 48% подростков имеют отношение к онлайн-казино. URL: <https://1tv.ge/lang/ru/news/soglasno-issledovaniju-48-podrostkov-imejut-otnoshenie-k-onlajn-kazino/> (20.05.2025).

2. Лудомания.МКБ-11: 6С50 Азартно-игровое расстройство.В чем отличие от МКБ-10.URL: https://pikabu.ru/story/ludomaniyamkb11_6c50_azartnoigrovoe_rasstroystvov_chem_otlichie_ot_mkb10_10224896?/ (20.05.2025).

3. A STUDY OF ADOLESCENTS' KNOWLEDGE, ATTITUDE AND PRACTICE TO GAMBLING. Prepared by order of GRAPC and UNICEF Georgia. January 2021.

4. Проблема лудомании в Грузии. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/casinozru/post422612376/> (20.05.2025).

5. Аналитик рассказал, в чем реальная проблема лудомании в Грузии. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20200225/analtk-georgia-ludomaniya-gruziya-22179967.html/> (20.12. 2024).

6. В Грузии в реестр лудоманов включили 3,7 тысячи человек. URL: <https://legalbet.ru/news/betting/v-gruzii-v-reestr-ludomanov-vklyuchili-3-7-tisyachi/> (20.05.2025).

7. Эксперт: Каждый пятый житель Грузии страдает лудоманией. URL: <https://newsogambling.com/problema-igrovoj-zavisimosti-v-gruzii/> (20.05.2025).

8. Возникающие проблемы с азартными играми и предлагаемые меры вмешательства: систематический обзор эмпирических исследований. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35460439/> (20.05.2025).

9. В Грузии растёт проблема лудомании. URL: <https://latestcasino.news/v-gryzii-rastet-problema-ludomanii/> (20.05.2025).

10. Каждый пятый житель Грузии зависим от азартных онлайн-игр. URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/513274-kazhdyy-pyatyy-zhitel-gruzii-zavisim-ot-azartnykh-onlajn-igr/> (20.05.2025).

11. Грузинские лудоманы переключились на иностранные онлайн-игры. URL: <https://bizzzone.info/business/2022/1657674872.php/> (20.05.2025).

12. Азартные игры в Грузии – как бороться с лудоманией. URL: <http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=21438/> (20.12.2024).

13. Анонимные игроки. Сила анонимных игроков. URL: <https://www.georgiagamblinghelp.org/georgia-gamblers-anonymous/> (20.05.2025).

14. Атамекен Бизнес. Уроки для Казахстана: анализ опыта стран мира по профилактике лудомании. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/uroki-dlya-kazahstana-analiz-opyta-stran-mira-po-profilaktike-ludomanii>. (20.05.2025).

References:

1. Pervyj kanal Obshchestvennogo Veshchatel'ya Gruzii. Soglasno issledovaniyu, 48% podrostkov imeyut otnoshenie k onlajn-kazino. URL: <https://1tv.ge/lang/ru/news/soglasno-issledovaniyu-48-podrostkov-imeyut-otnoshenie-k-onlajn-kazino/> (20.05.2025).

2. Ludomaniya.MKB-11: 6C50 Azartno-igrovoe rasstrojstvo. V chem otlichie ot MKB-10. URL: https://pikabu.ru/story/ludomaniyamkb11_6c50_azartnoigrovoe_rasstroystvov_chem_otlichie_ot_mkb10_10224896?/ (20.05.2025).

3. A STUDY OF ADOLESCENTS' KNOWLEDGE, ATTITUDE AND PRACTICE TO GAMBLING. Prepared by order of GRAPC and UNICEF Georgia. January 2021.

4. Problema ludomanii v Gruzii. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/casinozru/post422612376/> (20.05.2025).

5. Analitik rasskazal, v chem real'naya problema ludomanii v Gruzii. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20200225/analitk-georgia-ludomaniya-gruziya-22179967.html/> (20.12. 2024).

6. V Gruzii v reestr ludomanov vklyuchili 3,7 tysyachi chelovek. URL: <https://legalbet.ru/news/betting/v-gruzii-v-reestr-ludomanov-vklyuchili-3-7-tisyachi/> (20.05.2025).

7. Ekspert: Kazhdyj pyatyj zhitel' Gruzii stradaet ludomaniej. URL: <https://newsforgambling.com/problema-igrovoj-zavisimosti-v-gruzii/> (20.05.2025).

8. Voznikayushchie problemy s azartnymi igrami i predlagaemye mery vmeshatel'stva: sistematicheskij obzor empiricheskikh issledovaniy. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35460439/> (20.05.2025).

9. V Gruzii rastyot problema ludomanii. URL: <https://latestcasino.news/v-gryzii-rastet-problema-ludomanii/> (20.05.2025).

10. Kazhdyj pyatyj zhitel' Gruzii zavisim ot azartnykh onlajn-igr. URL: <https://24.kz/ru/news/in-the-world/item/513274-kazhdyj-pyatyj-zhitel-gruzii-zavisim-ot-azartnykh-onlajn-igr/> (20.05.2025).

11. Gruzinskie ludomany pereklyuchilis' na inostrannye onlajn-igry. URL: <https://bizzone.info/business/2022/1657674872.php/> (20.05.2025).

12. Azartnye igry v Gruzii – kak borot'sya s ludomaniej. URL: <http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=21438/> (20.12.2024).

13. Anonimnye igroki. Sila anonimnykh igrokov. URL: <https://www.georgiagamblinghelp.org/georgia-gamblers-anonymous/> (20.05.2025).

14. Атамекен Бизнес. Уроки для Казахстана: анализ опыта стран мира по профилактике лудомании. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/uroki-dlya-kazahstana-analiz-opyta-stran-mira-po-profilaktike-ludomanii>. (20.05.2025).

Для цитирования и библиографии: Ещанов А.Ш., Сатыбалдиева А.Е. Уголовно-правовые и криминологические аспекты игорного бизнеса среди несовершеннолетних в Грузии: уроки для Казахстана // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 110-116. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_110

Материал поступил в редакцию 20.12.2024.

DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_118
УДК 349.6
ГРНТИ 10.53.23

ПЛАТА ЗА НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ, ШТРАФЫ И ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ БЫТОВЫМИ ОТХОДАМИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СПЕЦИФИКА СООТНОШЕНИЯ

Т.С. СМАГУЛОВА, докторант, УО «Каспийский общественный университет» (г. Алматы, Республика Казахстан), e-mail: tomiris0103@mail.ru.

Е.В. ПОРОХОВ, д.ю.н., директор НИИ финансового и налогового права, профессор ВШП «Әділет» УО «Каспийский общественный университет» (г. Алматы, Республика Казахстан), e-mail: yevgeniy.porokhov@unius.kz.

А.А. НУКУШЕВА, к.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова (г. Караганда, Республика Казахстан), e-mail: akuka007@mail.ru

В условиях активного роста антропогенного воздействия на окружающую среду особое значение приобретают вопросы правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды. Современное казахстанское законодательство содержит целый комплекс экономических и административных механизмов, направленных на стимулирование экологически ответственного поведения природопользователей и возмещение вреда, причиняемого окружающей среде в сфере обращения с твердыми бытовыми отходами. Настоящее исследование посвящено анализу правовой природы одной из ключевых экономико-правовых механизмов в области охраны окружающей среды, в частности в сфере обращения ТБО – плате за негативное воздействие на окружающую среду. Цель настоящего исследования заключается в определении правовой природы платы за негативное воздействие на окружающую среду в сфере обращения с твердыми бытовыми отходами, выявлении её общих и отличительных черт с налогами, а также в установлении её соотношения с административными штрафами и механизмами возмещения экологического ущерба в сфере обращения с твердыми бытовыми отходами. Новизна исследования заключается в комплексном правовом анализе экономико-правовых механизмов, направленных на стимулирование экологически ответственного поведения природопользователей и возмещение вреда, причиняемого окружающей среде в сфере обращения ТБО. Подводя итог проведенного исследования, авторы пришли к выводу, что государство в своих подходах к правовому регулированию отношений в сфере ТБО в большей степени отдает приоритет материальным способам воздействия на природопользователя, тем самым создавая у него стимулы к более рациональному использованию природных ресурсов. Однако имеет место непродуманное дублирующее использование государством в правотворчестве и правоприменении одних и тех же мер материального воздействия на природопользователя под видом разного рода плат, наказаний или возмещения ущерба, что создает значительную материальную нагрузку на природопользователя. Данное положение привело авторов к выводу о необходимости кардинального изменения подходов законодателя к правовому регулированию природопользования, в том числе и в части правовой регламентации негативного воздействия на окружающую среду в сфере обращения ТБО.

Ключевые слова: плата за негативное воздействие на окружающую среду, твердые бытовые отходы (ТБО), захоронение отходов, полигоны захоронения отходов, оператор объекта, владелец отходов, административный штраф, возмещение ущерба, ремедиация компонентов природной среды, экологическое разрешение.

Введение

В условиях стремительного развития промышленности, роста урбанизации и увеличения антропогенного воздействия на окружающую природную среду её охрана становится одной из приоритетных задач современного мира. Стоит отметить, что человеческая деятельность неизбежно сопровождается негативным воздействием на окружающую среду: загрязнением воздуха, воды и почвы, разрушением природных ландшафтов, истощением полезных ископаемых и других природных ресурсов, а также нарушением устойчивости экосистемы планеты.

Особое место в списке глобальных экологических проблем занимает стремительный рост твердых бытовых отходов, значительная часть которых не подлежит быстрой переработке и представляет потенциальную угрозу для всего человечества. Согласно резюме Global Waste Management Outlook 2024, непрерывный рост объемов твердых бытовых отходов (далее – ТБО) усугубляет три проблемы планетарного масштаба: изменение климата, загрязнение окружающей среды и утрата биоразнообразия [1, с. 3]. Так, по состоянию на 2020 г. объем образования ТБО во всем мире составил 2,1 млрд тонн, прогнозируется что к 2025 г. объем ТБО вырастет на 56 % и достигнет 3,8 млрд тонн [2, с. 18].

По статистике, наибольшая доля отходов производства и потребления приходится на сферу недропользования, нефтяную, химическую и автомобильную промышленность [3, с. 256]. Это объясняется в первую очередь тем, что вышеназванные отрасли характеризуются высокой степенью ресурсоёмкости и образованием значительных объёмов отходов на всех этапах производственного цикла — от добычи сырья до переработки и утилизации продукции.

На фоне сложившейся в мире ситуации экологическая безопасность становится одной из ключевых составляющих устойчивого развития государства. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды и компенсации экологического ущерба.

Современное казахстанское законодательство содержит целый комплекс экономических и административных механизмов, направленных на стимулирование экологически ответственного поведения природопользователей и возмещение вреда, причиняемого окружающей среде в сфере обращения ТБО. Эти механизмы основываются на закрепленном в подпункте 5) ст. 5 Экологического кодекса Республики Казахстан (далее – ЭК РК) принципе «загрязнитель платит», который устанавливает, что лицо, чья деятельность приводит или может привести к загрязнению окружающей среды, деградации природной среды или причинению экологического ущерба в любой форме, обязано нести все расходы, связанные с исполнением экологических требований по предотвращению и контролю негативных последствий своей деятельности, а также по устранению причинённого экологического ущерба [4].

Одним из ключевых экономико-правовых механизмов в области охраны окружающей среды, в частности в сфере обращения ТБО, выступает плата за негативное воздействие на окружающую среду, закрепленная в ст. 127 ЭК РК [4]. Общая цель данного механизма заключается в создании условий материальной заинтересованности субъектов хозяйственной и иной деятельности, загрязняющих окружающую среду, в реализации мероприятий, направленных на снижение негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду [5, с. 39]. Целью же данного инструмента в сфере обращения ТБО выступает – стимулирование субъектов хозяйственной и иной деятельности к снижению загрязнения и эффективному управлению отходами.

Традиционно плата за негативное воздействие на окружающую среду рассматривается как элемент экологического законодательства и выступает эколого-правовым механизмом, восполняющим роль регулятора негативного воздействия на окружающую среду [2]. Вместе с тем, стоит отметить, что плата за негативное воздействие на окружающую среду тесно связана с налоговым правом, поскольку обладает рядом признаков, характерных для налоговых обязательств. Это вызывает дискуссию о налогово-правовой природе платы за негативное воздействие на окружающую среду и о допустимости применения к ней положений налогового законодательства.

Более того, дискуссионным вопросом является определение соотношения платы за негативное воздействие на окружающую среду с иными материальными санкциями и мерами имущественной ответственности в сфере обращения ТБО – административными штрафами и возмещением

экологического вреда. Одним из ключевых моментов в данной сфере является недопущение дублирования указанных видов ответственности в достижении общей цели правового регулирования с помощью имущественных мер воздействия на правонарушителей. Это вызывает необходимость четкого нормативного разграничения оснований и целей указанных правовых институтов, а также выработки единых подходов к их правовой квалификации.

Проблема правовой квалификации платы за негативное воздействие на окружающую среду важна не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Отнесение платы за негативное воздействие на окружающую среду к той или иной правовой категории влечёт за собой различные юридические последствия: от порядка их взимания и перераспределения до возможности применения мер принудительного взыскания. Также необходимо чётко различать плату за негативное воздействие на окружающую среду, административные штрафы за нарушение экологических норм и институт возмещения экологического вреда, поскольку каждая из этих форм изъятия имущества у загрязнителей имеет самостоятельную правовую природу и функции в системе охраны окружающей среды.

Настоящее исследование направлено на выявление налогово-правовой природы платы за негативное воздействие на окружающую среду в сфере обращения ТБО, анализ её соотношения с иными мерами правового воздействия — административными штрафами и механизмами компенсации экологического ущерба, а также на формирование целостного подхода к регулированию экологических правоотношений в целях повышения эффективности охраны природы и минимизации выбросов ТБО в окружающую среду.

Материалы и методы

Настоящее исследование основывается на всестороннем анализе норм действующего экологического, налогового, административного и гражданского законодательства Республики Казахстан, регулирующих общественные отношения в области охраны окружающей среды, в частности в сфере обращения с твёрдыми бытовыми отходами. Также были проанализированы официальные статистические данные международной организации UNEP, опубликованные в резюме Global Waste Management Outlook 2024 и представляющие собой обновлённую оценку и анализ глобальной системы управления твёрдыми бытовыми отходами.

Методология исследования базируется на формально-юридическом методе и логико-структурном подходе, позволяющие выявить особенности правовой природы платы за негативное воздействие на окружающую среду в сфере обращения с твёрдыми бытовыми отходами, провести её соотношение с административными штрафами и мерами гражданско-правовой ответственности, а также выявить внутренние противоречия и пробелы в правовом регулировании природопользования, в том числе и в части правовой регламентации негативного воздействия на окружающую среду в сфере обращения ТБО.

Налогово-правовая природа платы за негативное воздействие на окружающую среду

На сегодняшний день правовое регулирование охраны окружающей среды включает в себя не только административные и уголовные методы воздействия на нарушителей экологических требований, но и экономические механизмы, которые непосредственно направлены на стимулирование природопользователей к ответственному поведению. Одним из таких ключевых механизмов выступает плата за негативное воздействие на окружающую среду, закреплённая в экологическом законодательстве Казахстана. Её правовая природа до настоящего времени вызывает активные дискуссии в юридической науке, что объясняется смешанным характером соответствующего платежа.

Стоит отметить, что на первый взгляд, плата за негативное воздействие на окружающую среду может восприниматься как один из видов платежей налогового характера. Однако, при более детальном анализе становится ясно, что плата за негативное воздействие на окружающую среду не является разновидностью налога ввиду наличия индивидуальных и специфических черт, не свойственных платежам налогово-правовой природы. Рассмотрим общие и отличительные черты налогов и платы за негативное воздействие на окружающую среду.

Общие черты налогов и платы за негативное воздействие на окружающую среду (далее – плата):

– Налоги и плата являются установленными законодательством обязательными платежами в бюджет, уплата которых является юридической обязанностью, а не добровольным выбором плательщика, то есть имеют обязательный характер. Так, в соответствии с подпунктом 55) п. 1 ст. 1 Налогового Кодекса Республики Казахстан (далее – НК РК), налогами признаются законодательно установленные государством в одностороннем порядке обязательные денежные платежи в бюджет, ..., производимые в определенных размерах, носящие безвозвратный и безвозмездный характер [6]. В свою очередь платы относятся к категории других обязательных платежей в бюджет, и, в соответствии с подпунктом 10) п. 1. ст. 1 НК РК, являются обязательными отчислениями денег в бюджет, производимыми в размерах и случаях, установленных НК РК [6].

– Налоги и плата формируют государственный бюджет и используются для финансирования государственных расходов. Таким образом, оба платежа в общем выполняют фискальную функцию (пополнение государственного бюджета).

– Налоги и плата, с точки зрения юридической техники, структурированы по схожим принципам и включает в себя следующие элементы: налогоплательщики/плательщики платы, объект налогообложения/объект обложения, ставки, порядок исчисления и уплаты, налоговый период и налоговая отчетность [6].

– За ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанности по уплате налогов и платы в законодательстве предусмотрены соответствующие меры государственного принуждения – начисление пеней, административная и/или уголовная ответственность и их санкции.

Отличительные черты налогов и платы за негативное воздействие на окружающую среду:

– Основным нормативно-правовым актом, регулирующим налоговые правоотношения, выступает Налоговый кодекс РК, в то время как плата за негативное воздействие на окружающую среду регулируется Экологическим кодексом РК, отсылающим к нормам Налогового кодекса РК.

– Плата, в отличие от налога, выполняет не только фискальную функцию – пополнение государственного бюджета, но также компенсаторскую функцию – выступает эколого-правовым механизмом, восполняющим роль регулятора негативного воздействия на окружающую среду [7] и стимулирующую функцию – стимулирует предприятия на введение передовых технологий для снижения нагрузки на окружающую среду и, как следствие, снижение или отмена уплаты налога или сбора [8].

– Налоги и плата имеют различные основания для возникновения обязательства по их уплате. Так, обложению налогами подлежит действия налогоплательщика с принадлежащим ему на праве собственности имуществом, осуществляемые в рамках его финансово-хозяйственной (предпринимательской, производственной, коммерческой, потребительской и прочей) деятельности [9]. В свою очередь, объектом обложения платы, в соответствии с п. 1 ст. 575 НК РК, выступает фактический объем негативного воздействия на окружающую среду (масса, единица измерения активности - для радиоактивных отходов). Таким образом, основание для уплаты платы связано с экологическим, а не с экономическим поведением плательщика, и не характеризует его имущественную состоятельность или платежеспособность как в случае с объектами налогообложения у налогоплательщиков.

– Налоги по своей правовой природе характеризуются регулярностью и системностью уплаты. Так, например, в соответствии со ст.ст. 351-352 НК РК, работодатель ежемесячно удерживает и перечисляет в бюджет индивидуальный подоходный налог с заработной платы работника. В то время как уплата платы за негативное воздействие на окружающую среду напрямую зависит от факта негативного воздействия на окружающую среду и его объема. Таким образом, плата может быть нерегулярной и несистемной, если отсутствует негативное воздействие на окружающую среду.

– Можно также выделить наличие у платы элемента возмездности, «условной встречной», «предоставления встречного удовлетворения» то есть уплата платы за негативное воздействие на окружающую среду создаёт у плательщика право на допустимое воздействие на окружающую среду в установленных законодательством пределах. В то время как налоги не предполагают каких-либо встречных услуг или прав взамен их уплаты.

– Стоит также рассмотреть такую черту плат, как их целевое использование. Если налоги поступают в общий бюджет государства, то плата может быть использована государством целевым образом, например, для проведения различных экологических мероприятий или акций, возмещению ущерба, причиненного окружающей среде, финансирования развития «зеленых технологий» и т.д.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что плата за негативное воздействие на окружающую среду действительно имеет черты налогово-правового характера, что позволяет отнести ее к обязательным публичным платежам, подчиняющимся фундаментальным принципам налогового права. Однако плата не соответствует всем признакам классического налога и обладает индивидуальными специфическими особенностями, позволяющими определить ее как комплексный правовой инструмент, сочетающий в себе черты обязательного публичного платежа и эколого-правового механизма, восполняющего негативное воздействие природопользователей на окружающую среду и стимулирующего их на снижение уровня загрязнения окружающей среды.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду в сфере обращения ТБО

Как было отмечено ранее, плате за негативное воздействие на окружающую среду, как и налогам, в качестве общих черт характерны определённые юридические элементы, понимание которых необходимо для корректного применения законодательства. Рассмотрим детально каждый из элементов, составляющих содержание платы за негативное воздействие на окружающую среду в сфере обращения ТБО.

В п. 1. ст. 573 НК РК предусмотрены следующие виды негативного воздействия на окружающую среду, за которые взимается соответствующая плата: выбросы и сбросы загрязняющих веществ (эмиссии в окружающую среду), размещение серы в открытом виде на серных картах и захоронение отходов.

Таким образом, плата за негативное воздействие на окружающую среду в сфере обращения ТБО взимается за их захоронение, которое на сегодняшний день является одним из главных источников экологической нагрузки. Так, в Казахстане ежегодно образуется около 4,5 миллионов тонн коммунальных отходов, значительную часть которых захоранивают [10].

Захоронение отходов, согласно п. 2 ст. 325 ЭК РК, представляет собой складирование отходов в местах, специально установленных для их безопасного хранения в течение неограниченного срока, без намерения их изъятия.

Захоронение отходов в соответствии со ст. 348 ЭК РК осуществляется на полигонах, которые представляют собой специально оборудованные места постоянного размещения отходов, соответствующие экологическим, строительным и санитарно-эпидемиологическим требованиям. В 2023 г. в Казахстане насчитывалось 3016 полигонов твердо-бытовых отходов, и только 20% из них соответствовало экологическим и санитарным нормам [10].

Плательщиками платы, в соответствии с п. 2 ст. 127 ЭК РК и п. 1 ст. 574 НК РК, являются операторы объектов I, II и III категорий, определенные в соответствии с п. 1 ст. 12 ЭК РК и оказывающие негативное воздействие на окружающую среду.

Согласно п. 6 ст. 12 ЭК РК, оператором объекта может быть физическое или юридическое лицо, которое имеет на праве собственности или ином законном пользовании объект, оказывающий негативное воздействие на окружающую среду.

Таким образом, оператором объекта может быть не только собственник, но и, например, арендатор. Стоит также отметить, что оператором объекта не могут быть физические и юридические лица, которые были привлечены оператором объекта для выполнения отдельных работ или оказания отдельных услуг.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что плательщиком платы за захоронение отходов может быть физическое или юридическое лицо, которое имеет на праве собственности или ином законном основании данные отходы. В соответствии с п. 1 ст. 318 ЭК РК, их называют владельцами отходов. Экологический кодекс определяет два вида владельцев отходов: первичный образователь отходов - любое лицо, в процессе осуществления деятельности которого образуются отходы; и вторичный образователь отходов - любое лицо, осуществляющее обработку, смешивание или иные операции, приводящие к изменению свойств таких отходов или их состава (п. 2 ст. 318 ЭК РК).

Владельцы отходов несут ответственность за соблюдение экологических требований по управлению отходами с момента их образования до момента их передачи лицам, осуществляющим операции по сбору, восстановлению или удалению отходов.

Законодатель в п. 1 ст. 339 ЭК РК определяет отходы как объект вещных прав, а также указывает, что общественные отношения по поводу их возникновения, изменения и прекращения регулируются гражданским законодательством.

Таким образом, если владелец отходов примет решение передать отходы другому лицу, данная передача должна быть оформлена в соответствии с гражданским законодательством, например, путем заключения договора. При этом стоит отметить, что согласно п. 7 ст. 339 ЭК РК, при передаче отходов субъектам предпринимательства, осуществляющим операции по сбору, восстановлению или удалению отходов, одновременно происходит переход права собственности на отходы, если сторонами не заключено соглашение на иных условиях. Из этого следует, что если в договоре не установлены иные условия, то лицо, которое приняло отходы, с момента их передачи становится их собственником и в соответствии с экологическим законодательством несет полную ответственность за соблюдение всех требований законодательства, предъявляемых к обращению с ними.

Для осуществления захоронения отходов на полигоне владелец отходов должен иметь право на их захоронение, которое подтверждается соответствующим экологическим разрешением (п. 2 ст. 354 ЭК РК).

Согласно п. 1 ст. 106 ЭК РК, экологическое разрешение представляет собой документ, который удостоверяет право индивидуальных предпринимателей и юридических лиц на осуществление негативного воздействия на окружающую среду и определяющий экологические условия осуществления деятельности на объектах I и II категорий.

Лицам, осуществляющим деятельность на объектах III категории, экологическое разрешение не требуется (п. 7 ст. 106 ЭК РК). Документом, подтверждающим их право на захоронение отходов, является декларация о воздействии на окружающую среду, которую операторы объектов III категории представляют в местный исполнительный орган.

В соответствии со ст. 575 НК РК объектом обложения платы за захоронение отходов является фактический объем захороненных отходов в отчетном периоде, в том числе, установленный по результатам государственного экологического контроля.

Стоит отметить, что до 2021 г. НК РК содержал иные юридические понятия: в соответствии с п. 1 ст. 573 НК РК была предусмотрена «плата за эмиссию в окружающую среду», в соответствии со ст. 575 НК РК объектом обложения этой платой был фактический объем «размещенных отходов производства и потребления» [11].

Под понятием «размещение отходов», в соответствии с пп. 25, 27, 29 п. 1 ст. 1 старого Экологического кодекса РК от 9 января 2007 г., понималось хранение отходов с целью их последующего захоронения, уничтожения, а также утилизации [12].

Таким образом, платой за эмиссию облагались одинаково как хранение отходов, предназначенных для утилизации, так и хранение отходов, предназначенных для их последующего захоронения. Данный подход законодателя, уравнивающий утилизацию и захоронение, существенно снижал заинтересованность природопользователей в выборе утилизации и вложения инвестиций в перерабатывающий сектор производства, что негативно сказывалось на эффективности экологической политики страны в сфере обращения с отходами. Природопользователи предпочитали захоронять отходы, нежели осуществлять их утилизацию, которая требовала значительных материальных вложений при отсутствии ощутимых экономических выгод [13].

После принятия 2 января 2021 г. Закона Республики Казахстан № 402-VI «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) и Закон Республики Казахстан «О введении в действие Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс)» по вопросам экологии», слово «размещение» было заменено на «захоронение» [14]. Указанная законодательная новелла привела к корректировке подхода законодателя к определению объекта обложения в части исчисления платы за негативное воздействие на окружающую среду в сфере обращения с ТБО. На сегодняшний день плата взимается исключительно в отношении отхо-

дов, которые были подвергнуты фактическому захоронению, то есть размещены на полигонах для их хранения без последующего изъятия.

Таким образом, новый подход законодателя создал определенный экономический стимул для утилизации отходов и для создания производств по их утилизации и переработке.

Сумма платы за негативное воздействие на окружающую среду исчисляется плательщиком исходя из фактических объемов захороненных отходов в окружающую среду и установленных ставок платы.

В п. 6 ст. 576 НК РК предусмотрены ставки платы за захоронение отходов производства и потребления, размер которых зависит от класса опасности (с I по V) отходов и которые рассчитываются в кратном размере к минимальному расчетному показателю (МРП).

Согласно п. 4 и п. 5 ст. 577 НК РК, сумма платы уплачивается в бюджет по месту нахождения источника (объекта) негативного воздействия на окружающую среду, указанному в разрешительном документе, за исключением передвижных источников загрязнения, и должна быть внесена плательщиком не позднее 25 числа второго месяца, следующего за отчетным кварталом. Также стоит отметить, что плательщики платы должны представлять в налоговые органы декларацию по месту нахождения объекта загрязнения.

Таким образом, согласно экологическому и налоговому законодательству Республики Казахстан, плата за негативное воздействие на окружающую среду в сфере обращения ТБО взимается за их захоронение на полигонах. Захоронение отходов является наименее предпочтительным и самым вредным методом обращения с ТБО, так как сопряжено с долгосрочными негативными последствиями для всей экосистемы планеты. В данном случае плата за захоронение отходов служит важным экономико-правовым механизмом, направленным на стимулирование природопользователей к снижению объемов отходов, а также к внедрению экологических подходов, обеспечивающих повторное использование отходов в производстве. Кроме того, установленная плата за захоронение отходов позволяет государству контролировать объемы отходов, подлежащих захоронению, обеспечивать прозрачность и учёт в сфере обращения с ТБО, а также принимать обоснованные решения в сфере регулирования отходов на национальном и региональном уровнях и стремиться к развитию «зеленой» экономики в государстве.

Соотношение платы за негативное воздействие на окружающую среду с административными штрафами и возмещением ущерба в сфере обращения с ТБО.

Одной из ключевых задач в рамках формирования комплексной системы экологического регулирования негативного воздействия на окружающую среду является анализ соотношения платы за негативное воздействие на окружающую среду с иными мерами юридической ответственности в сфере обращения ТБО, и, в частности, с такими, как административный штраф и возмещение экологического ущерба.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду в сфере ТБО представляет собой установленный законом платеж, который уплачивают природопользователи за захоронение отходов на полигонах. По своей правовой природе, плата за негативное воздействие на окружающую среду не является мерой ответственности в классическом юридическом смысле, так как не связана с правонарушением как таковым, а представляет собой плату за правомерное действие, законное воздействие на окружающую среду в пределах установленных нормативов, стимулирующую природопользователей к снижению объемов отходов, внедрению технологий переработки и раздельного сбора. Расчет платы осуществляется по утвержденным в Налоговом кодексе ставкам, применяемым к фактическому объему отходов, подлежащих захоронению на полигоне.

В отличие от платы за захоронение отходов, административные штрафы применяются при нарушении природопользователями требований, установленных в экологическом законодательстве. В Кодексе об административных правонарушениях Республики Казахстан (далее – КОАП РК) предусмотрены следующие виды административных правонарушений в сфере обращения ТБО: ст. 327-1 «Нарушение требований по представлению обязательных сведений, предусмотренных экологическим законодательством Республики Казахстан», ст. 328 «Нарушение нормативов допустимого антропогенного воздействия на окружающую среду», ст. 344 «Нарушение экологических требований по управлению отходами».

Таким образом, административный штраф налагается на природопользователей за следующие виды административных правонарушений: непредставление, представление неполных или несвоевременное представление обязательных сведений, предусмотренных экологическим законодательством; представление недостоверной декларации о воздействии на окружающую среду, недостоверность которой выражена превышением антропогенного воздействия на окружающую среду в сравнении с количеством накапливаемых и подлежащих захоронению отходов; нарушение лимитов захоронения отходов; нарушение запрета на захоронение отдельных видов отходов; складирование отходов в местах, не предназначенных для их накопления или захоронения; захоронение отходов без экологического разрешения или отходов, не заявленных в декларации о воздействии на окружающую среду [15].

Административная ответственность в сфере обращения ТБО наступает в случае установления факта административного правонарушения. При этом размер штрафа варьируется в зависимости от степени общественной опасности и наступивших негативных последствий.

Следует особо подчеркнуть, что плата за негативное воздействие на окружающую среду и административный штраф не исключают друг друга. Так, лицо, нарушившее экологические требования в сфере обращения ТБО, обязано как уплатить административный штраф, так и оплатить плату за захоронение отходов, если размещение отходов имело место.

Отдельное место в системе правового регулирования в сфере обращения ТБО занимает механизм возмещения экологических убытков, который направлен на восстановление окружающей среды и компенсацию ущерба, причиненного экологии и (или) государству экологическим правонарушением. Правовое регулирование данного механизма осуществляется в соответствии с гражданским законодательством.

В соответствии с п. 1 ст. 136 ЭК РК, лицо, действия или деятельность которого причинили экологический ущерб, обязано в полном объеме и за свой счет осуществить ремедиацию компонентов природной среды, которым причинен экологический ущерб. Также законодатель особо подчеркивает, что привлечение к административной или уголовной ответственности лица, причинившего экологический ущерб, не освобождает такое лицо от гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, механизм возмещения материального ущерба является обязательным и направлен на восстановление экологического баланса, пострадавшего в результате хозяйственной деятельности.

В сфере ТБО это может быть связано, например, с незаконным размещением отходов за пределами полигона, нарушение условий эксплуатации полигона ТБО.

В отличие от платы за захоронение отходов и административного штрафа, которые являются мерами публично-правового характера, возмещение вреда носит гражданско-правовой (частно-правовой) характер и взыскивается в пользу государства или пострадавших лиц.

Таким образом, проведя анализ соотношения указанных мер, можно выделить их основные различия по целям, основаниям и последствиям применения. Плата за захоронение отходов — это установленный экологически и налоговым законодательством платеж за допустимое негативное воздействие на окружающую среду, административный штраф — это материальная санкция, предусмотренная в КоАП за нарушение экологических требований, а возмещение экологического ущерба — это гражданско-правовая мера ответственности, направленная на восстановление и компенсацию фактически причиненного вреда окружающей среде. Все вышеназванные правовые механизмы образуют комплексную систему воздействия на природопользователей в сфере обращения ТБО, обеспечивая не только наказание за правонарушения, но и экономическое стимулирование к экологически ответственному поведению природопользователей.

Стоит отметить, что каждая из приведенных мер не взаимоисключает друг друга, а налагается на природопользователя одновременно и наряду с другими, что, безусловно, влечёт большую финансовую нагрузку на субъектов, осуществляющих деятельность в сфере обращения ТБО. А свою очередь, это требует взвешенного подхода законодателя к использованию различных мер материального воздействия на природопользователя в своём правотворчестве и правоприменительной практике. Считается необходимым, чтобы применение административных штрафов, взыскание платы за негативное воздействие и возмещение экологического ущерба осуществлялись

с соблюдением принципа соразмерности, исключающего наложение двойного или даже тройного взыскания за одно и то же действие и обеспечивающего справедливость и эффективность экологического регулирования в сфере обращения с ТБО.

Для достижения устойчивого экологического баланса необходима не только строгая правоприменительная практика, но и развитие механизмов экономического поощрения – например, установление и использование налоговых льгот за «экологизацию» бизнеса, расширение «зеленых» стандартов и стимулирование раздельного сбора отходов. Только комплексный подход способен обеспечить реальное снижение негативного воздействия на окружающую среду и переход к модели циркулярной экономики в сфере обращения ТБО.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что государство в своих подходах к правовому регулированию отношений в сфере ТБО в большей степени отдает приоритет материальным способам воздействия на природопользователя, создавая у него стимулы к более рациональному использованию природных ресурсов и материальные антистимулы к загрязнению окружающей среды. В одних случаях государство стремится регламентировать случаи и основания правомерного природопользования в части производства, переработки, утилизации, захоронения ТБО с установлением за это разумных плат в пользу государства как собственника природных ресурсов. Учитывая возмездный характер такого рода природопользования, платы за негативное воздействие на окружающую среду трудно назвать платежами налогового характера. В указанной связи такие платежи в большей степени носят характер гражданско-правовых плат за использование принадлежащих государству на праве собственности природных ресурсов. Правомерность такого негативного воздействия на окружающую среду определяется установленными государством в законодательстве условными нормативами, превышение которых расценивается уже как противоправное поведение – административное или уголовное правонарушение. В свою очередь, за совершение правонарушений в сфере обращения ТБО для природопользователя наступает уже установленная в УК или КоАП уголовная или административная ответственность и соответствующие наказания, в том числе в виде имущественных лишений (штрафов или конфискации). Вместе с тем, привлечение к уголовной или административной ответственности за правонарушения в сфере обращения ТБО не освобождает правонарушителя от устранения самого нарушения, в том числе возмещения ущерба, причиненного совершенным правонарушением. А это тоже влечет за собой соответствующие материальные лишения для природопользователя.

Как следствие, непродуманное дублирующее использование государством в правотворчестве и правоприменении одних и тех же мер материального воздействия на природопользователя под видом разного рода плат, наказаний или возмещения ущерба, установленных в различных отраслях права, по сути, многократно увеличивает материальную нагрузку на природопользователя за одно и то же деяние несоразмерно его характеру.

В свою очередь, такого рода подходы государства к правовому регулированию плат, штрафов и возмещений за негативное воздействие на окружающую среду, с одной стороны, не достигает изначальной цели правового регулирования – рационального и эффективного природопользования, а с другой стороны, не соответствует принципам справедливости и соразмерности.

Полагаем, что государству необходимо кардинально изменить свои подходы к правовому регулированию природопользования, в том числе и в части правовой регламентации негативного воздействия на окружающую среду в сфере обращения ТБО, путем установления и всестороннего обеспечения главного принципа природопользования: безотходного использования природных ресурсов и максимально возможной утилизации отходов производства и потребления. С помощью всех возможных средств правового регулирования природопользования, включая способы материального воздействия, государство должно стремиться не столько пополнить казну платами, штрафами и компенсациями убытков от негативного воздействия на окружающую среду, сколько создать эффективный механизм восстановления окружающей среды и предотвращения причинения ей непоправимого ущерба и невозполнимых потерь природным ресурсам.

Данное исследование финансировано Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. (Грант № AP23490668).

Т.С. Смагулова, LL.M., Каспий қоғамдық университетінің 1 курс докторанты (Алматы қ., Қазақстан Республикасы); Е. В.Порохов, Заң ғылымдарының докторы, қаржы және салық құқығы ҒЗИ директоры, Каспий қоғамдық университетінің «Әділет» ЖҚМ профессоры (Алматы қ., Қазақстан Республикасы); А.А. Нукушева, хат-хабар авторы, заң ғылымдарының кандидаты, профессор, Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университетінің азаматтық және еңбек құқығы кафедрасының профессоры (Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы): Қоршаған ортаға теріс әсер еткені үшін төлем, айыппұлдар және тұрмыстық қатты қалдықтармен жұмыс істеу саласындағы шығындарды өтеу: құқықтық сипаты және арақатынасының ерекшелігі.

Қоршаған ортаға антропогендік әсердің қарқынды өсу жағдайында қоршаған ортаны қорғау саласындағы қатынастарды құқықтық реттеудің мәселелері ерекше маңызға ие болуда. Қазіргі заманғы Қазақстан заңнамасы табиғатты пайдаланушылардың экологиялық жауапты мінез-құлқын ынталандыруға және қатты тұрмыстық қалдықтармен жұмыс істеу саласында қоршаған ортаға келтірілген зиянды өтеуге бағытталған экономикалық және әкімшілік механизмдердің кешенін қамтиды. Аталған зерттеу қоршаған ортаны қорғау саласындағы негізгі экономикалық-құқықтық механизмдердің бірі – қатты тұрмыстық қалдықтармен жұмыс істеу саласындағы қоршаған ортаға теріс әсері үшін төлемнің құқықтық табиғатын талдауға арналған. Зерттеудің мақсаты – қатты тұрмыстық қалдықтармен жұмыс істеу саласындағы қоршаған ортаға теріс әсері үшін төлемнің құқықтық табиғатын анықтау, оның салықтармен ұқсастықтары мен айырмашылықтарын айқындау, сондай-ақ оны әкімшілік айыппұлдар мен қатты тұрмыстық қалдықтармен жұмыс істеу саласындағы экологиялық зиянды өтеу механизмдерімен салыстыру. Зерттеудің жаңалығы – табиғатты пайдаланушылардың экологиялық жауапты мінез-құлқын ынталандыруға және қатты тұрмыстық қалдықтармен жұмыс істеу саласында қоршаған ортаға келтірілген зиянды өтеуге бағытталған экономикалық-құқықтық механизмдердің кешенді құқықтық талдауы. Зерттеу қорытындысында авторлар мемлекет қатты тұрмыстық қалдықтармен жұмыс істеу саласындағы қатынастарды құқықтық реттеуде табиғатты пайдаланушыларға материалдық әсер ету тәсілдеріне басымдық бере отырып, олардың табиғи ресурстарды тиімді пайдалануына ынталандыру тудыратындығына тоқталды. Дегенмен, заңнамалық және құқық қолдану тәжірибесінде бірдей материалдық әсер ету шараларының әртүрлі төлемдер, жазалар немесе зиянды өтеу түрлерімен қайталанып қолданылуы табиғатты пайдаланушыларға едәуір материалдық жүктеме туғызуда. Бұл жағдай авторларды табиғатты пайдалануды құқықтық реттеу тәсілдерін, оның ішінде қатты тұрмыстық қалдықтармен жұмыс істеу саласындағы қоршаған ортаға теріс әсер ету мәселесін құқықтық регламентациялауды түбегейлі өзгерту қажеттілігі туралы қорытынды жасауға итермеледі.

Түйінді сөздер: қоршаған ортаға, қатты тұрмыстық қалдықтарға (ҚТҚ), қалдықтарды көмуге, қалдықтарды көму полигондарына, объектінің операторына, қалдықтардың иесіне, әкімшілік айыппұлға, залалды өтеуге, табиғи орта компоненттерін ремедиациялауға, экологиялық рұқсатқа теріс әсер еткені үшін төлем.

T.S. Smagulova, LL.M., 1st year doctoral student at Caspian University; (Almaty, Republic of Kazakhstan); E. V. Porokhov, Director of the Research Institute of Financial and Tax Law, Doctor of Law, Professor of the Higher School of Law “Adilet” at Caspian University (Almaty, Republic of Kazakhstan); A.A. Nukusheva, corresponding autor, Candidate of Law, Full Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Karaganda University named after Academician E.A. Buketov (Karaganda, Republic of Kazakhstan): Payment for negative environmental impact, fines and compensation for losses in the field of solid waste management: the legal nature and specifics of the interconnection.

In conditions of active growth of anthropogenic impact on the environment, issues of legal regulation of relations in the field of environmental protection acquire special significance. Modern Kazakhstani legislation contains a comprehensive set of economic and administrative mechanisms aimed at stimu-

lating environmentally responsible behavior of natural resource users and compensating for the damage caused to the environment in the field of handling solid household waste. This study is devoted to the analysis of the legal nature of one of the key economic and legal mechanisms in the field of environmental protection, particularly in the sphere of solid household waste management – the fee for negative environmental impact. The purpose of this study is to determine the legal nature of the fee for negative environmental impact in the field of solid household waste management, to identify its common and distinctive features compared to taxes, as well as to establish its relationship with administrative fines and mechanisms for compensating environmental damage in the solid household waste sector. The novelty of the study lies in the comprehensive legal analysis of economic and legal mechanisms aimed at stimulating environmentally responsible behavior of natural resource users and compensating for the damage caused to the environment in the sphere of solid household waste management. Summarizing the conducted research, the authors concluded that the state, in its approaches to legal regulation of relations in the field of solid household waste management, largely prioritizes material methods of influence on natural resource users, thereby creating incentives for more rational use of natural resources. However, there is an uncoordinated duplicative use by the state in lawmaking and law enforcement of the same material impact measures on natural resource users under various forms of fees, penalties, or damage compensation, which creates a significant material burden on natural resource users. This situation led the authors to conclude on the necessity for a fundamental change in the legislator's approaches to legal regulation of natural resource use, including the legal regulation of negative environmental impact in the field of solid household waste management.

Keywords: payment for environmental damage, solid waste, waste disposal, landfills, facility operator, waste owner, administrative fine, environmental damage compensation, environmental remediation, environmental permit.

Список литературы:

1. Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (2024 г.). Резюме документа «Глобальные перспективы управления отходами на 2024 год: после эпохи отходов — превращаем мусор в ресурс. Найроби. URL: <https://www.unep.org/ru/resources/globalnyeperpektivy-upravleniya-otkhodami-na-2024-god> (28.02.2024).
2. United Nations Environment Programme (2024). Global Waste Management Outlook 2024: Beyond an age of waste – Turning rubbish into a resource. Nairobi. URL: <https://www.unep.org/resources/global-waste-management-outlook-2024> (28.02.2024).
3. Спиридонов Д.В. Возмещение вреда, причиненного окружающей среде отходами производства и потребления. Право и государство: теория и практика. 2021. № 12(204). С. 256-261.
4. Экологический Кодекс Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 400-VI ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400>.
5. Брусницына С.В. Плата за негативное воздействие на окружающую среду как мера экономико-правового механизма в области охраны окружающей среды. Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. Том 4, выпуск 3. С. 39-47.
6. Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2025 г.). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120>.
7. Дмитришак О.М. магистерская диссертация. Совершенствование механизма взимания платы за негативное воздействие на окружающую среду в Российской Федерации. 2019. URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/4587/1/DmitrishhakOM_2019.pdf (29.06.2019).
8. Чернявская Н.В., Клейман А.В. Экологические налоги в зарубежных странах: вопросы применения // Международный бухгалтерский учет. 2015. 30. С. 42-51.
9. Порохов Е.В. Налоговое право: учебник для вузов (академический курс). Алматы: Научно-исследовательский институт финансового и налогового права. 2023. С. 580-581
10. Марина Попова. Около 4,5 млн тонн коммунального мусора образуется в Казахстане ежегодно. inbusiness.kz. URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/okolo-4-5-mln-tonn-kommunalnogo-musora-obrazuetsya-v-kazhastane-ezhegodno> (05.02.2024).

11. Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)». URL: https://ecogofond.kz/wp-content/uploads/2020/05/120_RU1_25_12_2017.pdf (19.05.2020).

12. Экологический Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2007 года № 212 (утратил силу). https://adilet.zan.kz/rus/docs/K070000212_.

13. Махметова Л. директор департамента экологического права ТОО «Юридическая фирма «GRATA». Обращение с отходами производства и потребления: законодательство РК, практика его применения и перспективы развития. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31480694&pos=5;-107#pos=5;-107 (19.04.2013).

14. Закон Республики Казахстан от 2 января 2021 года № 402-VI «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) и Закон Республики Казахстан «О введении в действие Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс)» по вопросам экологии». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37992947 (02.01.2021).

15. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.06.2025 г.). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>.

References:

1. Programma Organizacii Ob#edinennyh Nacij po okruzhajushhej srede (2024 g.). Rezjume dokumenta «Global'nye perspektivy upravleniya othodami na 2024 god: posle jepohi othodov — prevrashhaem musor v resurs. Najrobi. URL: <https://www.unep.org/ru/resources/globalnyeperspektivy-upravleniya-otkhodami-na-2024-god> (28.02.2024).

2. United Nations Environment Programme (2024). Global Waste Management Outlook 2024: Beyond an age of waste – Turning rubbish into a resource. Nairobi. URL: <https://www.unep.org/resources/global-waste-management-outlook-2024> (28.02.2024).

3. Spiridonov D.V. Vozmeshhenie vreda, prichinennogo okruzhajushhej srede othodami proizvodstva i potreblenija. pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2021. № 12(204). S. 256-261.

4. Jekologicheskij Kodeks Respubliki Kazahstan ot 2 janvarja 2021 goda № 400-VI ZRK. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2100000400>.

5. Brusnicyna S. V. Plata za negativnoe vozdejstvie na okruzhajushhujuju sredu kak mera jekonomiko-pravovogo mehanizma v oblasti ohrany okruzhajushhej sredey. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. 2019. Tom 4, vypusk 3. S. 39-47.

6. Kodeks Respubliki Kazahstan ot 25 dekabrya 2017 goda № 120-VI «O nalogah i drugih objazatel'nyh platezhah v bjudzhet (Nalogovyj kodeks)» (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 01.01.2025 g.). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700000120>.

7. Dmitrishhak O.M. magisterskaja dissertacija. Sovershenstvovanie mehanizma vzimanija platy za negativnoe vozdejstvie na okruzhajushhujuju sredu v Rossijskoj Federacii. 2019. URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/4587/1/DmitrishhakOM_2019.pdf (29.06.2019).

8. Chernjavskaia N.V., Klejman A.V. Jekologicheskie nalogi v zarubezhnyh stranah: voprosy primeneniia // Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet. 2015. 30. S. 42-51.

9. Porohov E.V. Nalogovoe pravo: uchebnik dlja vuzov (akademicheskij kurs). Almaty: Nauchno-issledovatel'skij institut finansovogo i nalogovogo prava. 2023. S. 580-581

10. Marina Popova. Okolo 4,5 mln tonn kommunal'nogo musora obrazuetsja v Kazahstane ezhegodno. inbusiness.kz. URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/okolo-4-5-mln-tonn-kommunalnogo-musora-obrazuetsya-v-kazahstane-ezhegodno> (05.02.2024).

11. Kodeks Respubliki Kazahstan ot 25 dekabrya 2017 goda № 120-VI «O nalogah i drugih objazatel'nyh platezhah v bjudzhet (Nalogovyj kodeks)». URL: https://ecogofond.kz/wp-content/uploads/2020/05/120_RU1_25_12_2017.pdf (19.05.2020).

12. Jekologicheskij Kodeks Respubliki Kazahstan ot 9 janvarja 2007 goda № 212 (utratil silu). https://adilet.zan.kz/rus/docs/K070000212_.

13. Mahmetova L. direktor departamenta jekologicheskogo prava TOO «Juridicheskaja firma «GRATA». Obrashhenie s othodami proizvodstva i potreblenija: zakonodatel'stvo RK, praktika ego primenenija i perspektivy razvitija. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31480694&pos=5;-107#pos=5;-107 (19.04.2013).

14. Zakon Respubliki Kazahstan ot 2 janvarja 2021 goda № 402-VI «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Kodeks Respubliki Kazahstan «O nalogah i drugih objazatel'nyh platezhah v bjudzhet» (Nalogovyj kodeks) i Zakon Respubliki Kazahstan «O vvedenii v dejstvie Kodeksa Respubliki Kazahstan «O nalogah i drugih objazatel'nyh platezhah v bjudzhet» (Nalogovyj kodeks)» po voprosam jekologii». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37992947 (02.01.2021).

15. Kodeks Respubliki Kazahstan ob administrativnyh pravonarushenijah ot 5 ijulja 2014 goda № 235-V (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 10.06.2025 g.). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>.

Для цитирования и библиографии: Смагулова Т.С., Порохов Е.В., Нукушева А.А. Плата за негативное воздействие на окружающую среду, штрафы и возмещение убытков в сфере обращения с твердыми бытовыми отходами: правовая природа и специфика соотношения // Право и государство. № 2(107), 2025. – С. 118-129. DOI: 10.51634/2307-5201_2025_2_118

Материал поступил в редакцию 23.03.2025

НОВЫЕ КНИГИ

Пьер Шассар. 12 теорий государства и общества. — М.: Тотенбург, 2024. — 204 с. Перевод с французского — А.М. Иванов.

Двенадцать очерков выдающегося французского философа Пьера Шассара (1926-2017) посвящены двенадцати разным теориям государства и общества, включая теории Маркса и Муссолини, причем все они подвергаются критическому анализу, ни одну из них П. Шассар не разделял и не пропагандировал. Наиболее сильные удары его критика наносит идеологии либерализма, в центре внимания которой — абстрактный индивид без рода, без племени, живущий одними материальными интересами, и которая представляет себе человечество столь же абстрактным, без рас и без народов.

МАЗМҰНЫ

- *Мельник Р.С.* Қазақстандағы әкімшілік әділеттіліктің даму тарихындағы негізгі кезеңдер. Б. 6.
- *Оглезнев В.В.* Минимализм және оның шектеулері: Лоренц Кэлердің заңи міндет онтологиясына сыни талдау. Б. 29.
- *Идрышева С.К.* «Астана» халықаралық қаржы орталығының актілері және Қазақстан Республикасы заңнамасы жүйесі. Б. 35.
- *Кэлер Л.* Заңи міндетті минималистік түсіну туралы. Б. 44.
- *Қалышева Н.Х., Сапарбекова Ж.С.* АҚШ пен Қазақстандағы төрелік процесті дамыту: теориясы мен әдістері. Б. 60.
- *Бабаджанян Э.Л.* «Mortis Causa» жағдайында біржақты ерік білдірудің құқықтық әсерінің тұрақтылығы. Б. 68.
- *Хасенов М.Х., Қанатқызы М.* Жұмыс орнындағы күйзелістен қызметкерлерді құқықтық қорғау: салыстырмалы-құқықтық зерттеу. Б. 79.
- *Шнайдер М.В., Есіркепова М.М., Саттар Ж.Г.* Қазақстан Республикасындағы мүгедектігі бар адамдарды жұмыспен қамту мәселелері: шетелдік елдермен салыстырмалы құқықтық талдау. Б. 89.
- *Muratova A. Zh., Saktaganova I. S.* Ойынға тәуелділікпен күрестің құқықтық аспектілері: жауапкершілікті белгілеудегі халықаралық тәсілдер. Б. 99.
- *Ещанов А.Ш., Сатыбалдиева А.Е.* Грузиядағы кәметке толмағандар арасындағы ойын бизнесінің қылмыстық-құқықтық және криминологиялық аспектілері: Қазақстан үшін сабақтар. Б. 109.
- *Смагулова Т.С., Порохов Е.В., Нүкүшева А.А.* Қатты тұрмыстық қалдықтармен жұмыс істеу саласындағы қоршаған ортаға теріс әсері үшін төлемдер, айыппұлдар және залалды өтеу: құқықтық табиғаты мен арақатынасының ерекшеліктері. Б. 117.

CONTENTS

- *Melnik R.S.* The main historical stages in the development of administrative justice in Kazakhstan. p. 6.
- *Ogleznev V.V.* Minimalism and its limitations: a critical analysis of Lorenz Köhler's ontology of legal obligation. p.29.
- *Idrysheva S.K.* Acts of the Astana International Financial Centre and the legal system of the Republic of Kazakhstan. p. 35.
- *Köhler L.* On the minimalist understanding of legal obligation. p. 44.
- *Kalysheva N.Kh., Saparbekova Zh.S.* Development of arbitration proceedings in the USA and Kazakhstan: theory and methods. p. 60.
- *Babadzhanian E.L.* Sustainability of the legal effect of a unilateral declaration of intent “Mortis Causa” under condition. p. 68.
- *Khasenov M.Kh., Kanatkyzy M.* Legal protection of employees from workplace stress: a comparative legal study. p. 75.
- *Schneider M.V., Yesirkepova M.M., Sattar Zh.G.* Actual employment problems of persons with disabilities in the Republic of Kazakhstan: comparative legal analysis with foreign countries. p. 89.
- *Muratova A.Zh., Saktaganova I.S.* Legal aspects of combating gambling addiction: international approaches to establishing liability. p. 99.
- *Eshanov A.Sh., Satybaldieva A.Ye.* Criminal-legal and criminological aspects of gambling among minors in Georgia: lessons for Kazakhstan. p. 109.
- *Smagulova T.S., Porokhov Ye.V., Nukusheva A.A.* Payment for negative environmental impact, fines, and damage compensation in the field of municipal solid waste management: legal nature and correlation specifics. p. 117.

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ

«Құқық және мемлекет» журналына бұрын жарияланбаған ғылыми мақалалар, жазбалар, құқықтанудың әртүрлі салаларындағы зерттеулер нәтижелері туралы хабарламалар (жақсырақ салыстырмалы-құқықтық сипаттағы), жаңа ғылыми заң басылымдарына шолулар, мемлекет және құқық мәселелері жөніндегі маңызды ғылыми конференциялар туралы мақалалар қабылданады.

Жариялану үшін ұсынылатын материалдар келесі талаптарға жауап беруі тиіс:

1. Мемлекет және құқық саласындағы жаңа өзекті ақпаратты және бұрын жарияланбаған және басқа басылымдарда жариялауға арналмаған бірегей ғылыми зерттеулердің нәтижелерін қамтуға тиіс. Автор мақаланы және басқа материалдарды ұсынған кезде редакциялық кеңеске олардың жарияланған-жарияланбағанын әлде басқа басылымдарға ұсынылған-ұсынылмағандығын хабарлауға міндетті.

2. ҚР БҒМ талаптарына сәйкес (2016 жылғы 4 наурыздағы № 13409 бұйрық, өзгертулер және толықтырулармен) Ғылыми мақала – бұрын жарияланбаған және жаңалығы бар авторлық әзірлемелерді, қорытындыларды, ұсынымдарды қамтитын; немесе ортақ тақырыпқа байланысты бұрын жарияланған ғылыми мақалаларды қарауға арналған (жүйелі шолу) ғылыми зерттеудің, эксперименттік немесе талдамалық қызметтің өзіндік тұжырымдары мен аралық немесе түпкілікті нәтижелерін баяндау. Ғылыми мақаланың құрылымы атауынан, аннотациядан, түйін сөздерден, негізгі ережелерден, кіріспеден, материалдар мен әдістерден, нәтижелерден (мақаланың негізгі бөлігі, әдетте, 3-4 бөлімнен тұрады – ред.) талқылаудан, қорытындыдан, қаржыландыру туралы ақпараттан (бар болған жағдайда), әдебиеттер тізімінен тұрады.»

3. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақаланың басында автордың аты – жөні мен тегі (мақала аудармашысы болған жағдайда аудармашы туралы ақпарат, мақаланың бірнеше авторының жанында корреспондент-автор көрсетіледі), ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы, лауазымы, кафедрасы, ЖОО, автордың жұмыс орны, қаласы, елі, электрондық мекенжайы туралы өзге де ақпарат орналастырылады. Автордың тегінен кейін мақаланың атауы, орыс, қазақ және ағылшын тілдеріндегі үш аннотация (кемінде 5-8 ұсыныс) (авторлардың тегін, аты-жөнін, әр автордың жұмыс орнын және мақала атауын аударып). Аннотацияда тақырыптың өзектілігі, зерттеу тақырыбы, жұмыстың мақсаты, әдістері, жаңалығы және мақаланың негізгі тұжырымдары ашылады. Әр аннотациядан кейін тиісті тілдегі 10 негізгі сөз.

4. А4 форматындағы 10-16 беттен тұратын мақала Microsoft Word мәтіндік редакторында Times New Roman шрифтімен терілуі керек, өлшемі 14, бір интервал арқылы және мақаланың барлық қажетті құрылымдық элементтері болуы керек (жоғарыдағы 2-тармақты қараңыз). Көлемі 16 беттен асатын мақалалар бас редактормен келісіледі.

5. Дереккөздерге сілтемелер мақаланың мәтінінде төртбұрышты жақшада беріледі және қажет болған жағдайда бетті көрсете отырып, «Әдебиет» тізімінде келтірілген дереккөзге тиісті библиографиялық сілтеменің нөмірі түрінде ресімделеді, мысалы: [9, 12-бет]. Бірнеше дереккөз нөмірлерін көрсететін мәтіндік сілтемелерде соңғылары бір-бірінен нүктелі үтірмен бөлінеді, мысалы: [7; 19, б. 45; 37, Б.201]. Келтірілетін статистикалық деректерді, нормативтік актілерді, оның ішінде халықаралық және шетелдік актілерді жариялау көздеріне сілтемелер міндетті болып табылады. Мақаланың соңында осы тақырып бойынша негізгі ғылыми, оның ішінде ең жаңа (түпнұсқа тілінде және латын транслитерациясында бөлек) әдебиеттер тізімі берілген. «Құқық және мемлекет» журналының редакциясы бірқатар елдер бойынша салыстырмалы-құқықтық материалды пайдалануды, біздің журналдағы сабақтас тақырыптар бойынша жарияланымдарды зерделеуді (журнал сайтындағы мұрағатты қараңыз) және сіздің жұмысыңыз үшін пайдалыларын әдебиеттер тізіміне енгізуді ұсынады. УДК, ГРНТИ нөмірлері, әдебиеттер тізімі (Алфавиттік тәртіппен) және ескертпелер ГОСТ сәйкес ресімделеді. Интернет-ресурстарға сілтеме жасау кезінде автор, мәтіннің атауы, сайт/портал, материалдың толық электрондық мекенжайы, оның ашылған күні көрсетіледі.

6. Мақаланың соңында «мақала бірінші рет жарияланады, басқа басылымдарға ұсынылмады және ұсынымайды» деген жазба болуы керек, автордың (авторлардың) күні мен қолы қойылады. Мұнда автор (авторлар) туралы мәліметтер орналастырылады: тегі, аты және әкесінің аты, электрондық мекенжайы, байланыс телефондары.

7. Мақаланың электрондық нұсқасы, автордың фотосуреті (дұрысы деректі емес, көркем сурет) редакцияға онлайн ұсынылады.

Толығырақ ақпарат Журнал сайтында (Сілтеме: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Редакция мекенжайы және байланыс деректері:
010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ.
Maqsut Narikbayev University, Қорғалжын тас жолы, 8.
тел.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pravoigos@kazguu.kz

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал «Право и государство» принимаются ранее неопубликованные научные статьи, заметки, сообщения о результатах исследований в различных областях юриспруденции (желательно сравнительно-правового характера), рецензии на новые научные юридические издания, статьи о значимых научных конференциях по проблемам государства и права.

Представленные для опубликования материалы должны отвечать следующим требованиям:

1. Содержать новую актуальную информацию в области государства и права и результаты оригинальных научных исследований, ранее неопубликованных и не предназначенных для публикации в других изданиях. Автор обязан сообщить редколлегии при представлении статьи и других материалов – были ли они опубликованы или представлены в иные издания.

2. В соответствии с требованиями МОН РК (приказ от 4 марта 2016 г. № 13409 с последующими изменениями и дополнениями) «Научная статья – изложение собственных выводов и промежуточных или окончательных результатов научного исследования, экспериментальной или аналитической деятельности, содержащее авторские разработки, выводы, рекомендации ранее не опубликованные и обладающие новизной; или посвященное рассмотрению ранее опубликованных научных статей, связанных общей темой (систематический обзор). Структура научной статьи включает название, аннотации, ключевые слова, основные положения, введение, материалы и методы, результаты (основная часть статьи, как правило, из 3-х – 4-х подразделов – ред.), обсуждение, заключение, информацию о финансировании (при наличии), список литературы».

3. Статьи публикуются на казахском, русском, английском языках. В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (при наличии переводчика статьи – также информация о переводчике, при нескольких авторах статьи указывается автор-корреспондент), ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, иная информация о месте работы автора, город, страна, электронный адрес. После фамилии автора – название статьи, три аннотации (не менее 5-8 предложений) на русском, казахском и английском языках (с переводом фамилии, инициалов авторов, места работы каждого автора и названия статьи). В аннотации раскрываются актуальность темы, предмет исследования, цель работы, методы, новизна и основные выводы статьи. После каждой аннотации – 10 ключевых слов на соответствующем языке.

4. Статья объемом 10-16 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, размером 14, через один интервал и иметь все необходимые структурные элементы статьи (см. выше пункт 2). Статьи объемом более 16 страниц согласовываются с главным редактором.

5. Отсылки на источники даются в тексте статьи в квадратных скобках и оформляются в виде номера соответствующей библиографической ссылки на источник, приведенной в списке «Литература», с указанием при необходимости страницы, например: [9, с. 12]. В текстовых ссылках, содержащих указание на несколько номеров источников, последние отделяются друг от друга точкой с запятой, например: [7; 19, с. 45; 37, р. 201]. Обязательны ссылки на источники опубликования приводимых статистических данных, нормативных актов, в том числе международных и зарубежных. В конце статьи дается список литературы – основной научной по данной теме, в том числе новейшей (на языке оригинала и отдельно в латинской транслитерации). Редакция журнала «Право и государство» рекомендует использовать сравнительно-правовой материал по ряду стран, изучить публикации по смежным темам в нашем журнале (см. архив на сайте журнала) и включить полезные из них для Вашей работы в список литературы. Номера УДК, ГРНТИ, список литературы (в алфавитном порядке) и примечания оформляются в соответствии с ГОСТом. При ссылках на интернет-ресурсы указывается автор, название текста, сайт/портал, полный электронный адрес материала, дата его открытия.

6. В конце статьи должна быть запись: «статья публикуется впервые, не представлялась и не будет представлена в другие издания», ставится дата и подпись автора (авторов). Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью, электронный адрес, контактные телефоны.

7. В редакцию представляются онлайн: электронная версия статьи, фото автора (желательно – художественный, не документальный портрет).

Более подробная информация на сайте журнала (См.: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Адрес и контактные данные редакции:
010000, г. Астана, шоссе Қорғалжын, 8,
Maqsut Narikbayev University,
тел.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pravogios@kazguu.kz

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Law and State» accepts previously unpublished scientific articles, notes, reports on the results of research in various fields of jurisprudence (preferably of a comparative legal nature), reviews of new scientific legal publications, articles on significant scientific conferences on problems of state and law.

The materials submitted for publication must meet the following requirements:

1. To contain new relevant information in the field of state and law and the results of original scientific research, previously unpublished and not intended for publication in other publications. The author is obliged to inform the editorial board when submitting the article and other materials – whether they have been published or submitted to other publications.

2. In accordance with the requirements of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Order No. 13409 dated March 4, 2016, with subsequent amendments and additions) «Scientific article – a statement of one's own conclusions and intermediate or final results of scientific research, experimental or analytical activities, containing author's developments, conclusions, recommendations not previously published and having novelty; or devoted to consideration previously published scientific articles related to a common topic (systematic review). The structure of the scientific article includes the title, annotations, keywords, main provisions, introduction, materials and methods, results (the main part of the article, as a rule, consists of 3 to 4 subsections - ed.), discussion, conclusion, information on financing (if available), references.»

3. Articles are published in Kazakh, Russian, and English. The initials and surname of the author are placed at the beginning of the article (if there is a translator of the article, information about the translator is also provided, with several authors of the article, the corresponding author is indicated), academic degree, academic title, position, department, university, other information about the author's place of work, city, country, e-mail address. After the author's surname – the title of the article, three annotations (at least 5-8 sentences) in Russian, Kazakh and English (with translation of the surname, initials of the authors, place of work of each author and the title of the article). The abstract reveals the relevance of the topic, the subject of the study, the purpose of the work, methods, novelty and the main conclusions of the article. After each annotation there are 10 keywords in the corresponding language.

4. An article of 10-16 A4 pages should be typed in a Microsoft Word text editor in Times New Roman font, size 14, with one interval and have all the necessary structural elements of the article (see paragraph 2 above). Articles of more than 16 pages are coordinated with the editor-in-chief.

5. References to sources are given in the text of the article in square brackets and are made out in the form of the number of the corresponding bibliographic reference to the source given in the list of «Literature», indicating, if necessary, the page, for example: [9, p. 12]. In text links containing an indication of several source numbers, the latter are separated from each other by a semicolon, for example: [7; 19, p. 45; 37, p. 201]. References to the sources of publication of the cited statistical data and regulations, including international and foreign ones, are mandatory. At the end of the article, a list of literature is given – the main scientific literature on this topic, including the latest (in the original language and separately in Latin transliteration). The editorial board of the journal «Law and the State» recommends using comparative legal material on a number of countries, study publications on related topics in our journal (see the archive on the journal's website) and include useful ones for your work in the list of references. The numbers of the UDC, GRNTI, the list of references (in alphabetical order) and notes are drawn up in accordance with GOST. When linking to Internet resources, the author, the title of the text, the website /portal, the full email address of the material, and the date of its opening are indicated.

6. At the end of the article there should be an entry: «the article is published for the first time, has not been submitted and will not be submitted to other publications,» the date and signature of the author(s) are put. Information about the author(s) is also placed here: surname, first name and patronymic in full, e-mail address, contact phone numbers.

7. To the editorial office you must submit online: electronic version of your article and your photo (preferably - casual, not official (3x4) photo).

More detailed information is available on the journal's website (See: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Editorial office address and contact details:
010000, Republic of Kazakhstan, Astana.
Maqсут Narikbayev University, Korgalzhyn highway, 8.
Tel.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz, e-mail: pravoigos@kazguu.kz

«Университет кітабы-2019: әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар» басылымдардың халықаралық байқауында (Қазан қ.) «Мемлекет және құқық» журналы «Ең үздік мерзімдік басылым» номинациясында жеңімпаз атанды.

На Международном конкурсе изданий «Университетская книга-2019: социально-гуманитарные науки» (г. Казань), журнал «Право и государство» победил в номинации: «Лучшее периодическое издание».

РЫЛТАЙШЫ: **Maqсут Narikbayev University**

Журнал Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің Ақпарат және мұрағаттар комитетінде тіркеліп, 25.05.2006 жылы №7742-Ж кәуәлігі берілген.

Журнал ғылыми қызметтің негізгі нәтижелерін жариялау үшін ҚР БҒМ БҒСБК ұсынған ғылыми басылымдардың тізбесіне енгізілген.

ЖУРНАЛ РЕДАКЦИЯСЫ:

А.Б. Дидикин (бас редактор);
Р.А. Жакина (жауапты хатшы);
Н.М. Ақпейсова (компьютерлік беттеу және әрлендірме);
М. Қанатқызы (қазақ тіліндегі аннотацияларды аударушы).

РЕДАКЦИЯНЫҢ МЕКЕНЖАЙЫ:

010000, Астана қ.,
Қорғалжын тас жолы, 8,
Maqсут Narikbayev University,
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Журналдың толық электрондық нұсқасы және әр жеке мақала журналдың сайтында, РИНЦ-те, IPRbooks-та, Maqсут Narikbayev University репозиторинде орналастырылады және жалпыға қолжетімді болып табылады.

ISSN 2307-5201.

Материалдарды қолдану кезінде «Құқық және мемлекет» журналына сілтеме жасалу міндетті.

Журналдың материалдарында білдірілген пікірлер редакцияның көзқарасымен сәйкес келе бермейді.

Қолжазба қайтарылмайды.

Мұқабаның бірінші бетінің дизайны журнал: Ақпейсова Н.

Жарияланған: 30.06.2025

© Maqсут Narikbayev University, 2025
© «Құқық және мемлекет» журналы, 2025.

УЧРЕДИТЕЛЬ: **Maqсут Narikbayev University**

Государственный регистрационный №7742-Ж выдан 25.05.2006 г. Комитетом информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан.

Журнал включен в перечень научных изданий рекомендуемых ККСОН МОН РК для публикации основных результатов научной деятельности.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

А.Б. Дидикин (главный редактор);
Р.А. Жакина (ответственный секретарь);
Н.М. Ақпейсова (компьютерная верстка и дизайн);
М. Қанатқызы (переводчик аннотаций на казахский язык).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

010000, г. Астана,
шоссе Қорғалжын, 8,
Maqсут Narikbayev University
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Полная электронная версия журнала и каждая статья отдельно размещаются на сайте журнала, в РИНЦ, IPRbooks, в репозитории Maqсут Narikbayev University и являются общедоступными.

ISSN 2307-5201.

При использовании материалов ссылка на журнал «Право и государство» обязательна.

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Рукописи редакцией не возвращаются.

Дизайн первой страницы обложки журнала: Ақпейсова Н.

Издан: 30.06.2025

© Maqсут Narikbayev University, 2025
© Журнал «Право и государство», 2025.

CHAIRMAN: **Maqсут Narikbayev University**

The state registration №7742-ZH was given on 25.05.2006 by Committee of information and archive of Ministry of culture and information of the Republic of Kazakhstan.

The journal is included in a list of scientific publications recommended by the KKSON Ministry of Education and Science of Republic of Kazakhstan for publication of the results of scientific research.

THE EDITORS OF THE JOURNAL:

A.B. Didikin (Editor-in-chief);
R. A. Zhakina (Executive secretary);
N.M. Akpeisova (Technical and design manager);
M. Kanatkyzy (translator of annotations into Kazakh).

EDITORIAL ADDRESS:

010000, Astana,
8 Korgalzhyn highway
Maqсут Narikbayev University
tel. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

The full e-journal and articles separately are publicly available on the journal's website, Russian Science Citation Index (РИНЦ), IPRbooks, and in Maqсут Narikbayev University's repository.

ISSN 2307-5201.

In case of citing materials reference to the journal «Law and State» is required.

Opinions expressed in the materials of the journal do not always coincide with the point of view of the editorial office.

Manuscripts will not be returned.

The design of the first page of the magazine cover: Akpeisova N.

Published: 30.06.2025

© Maqсут Narikbayev University, 2025
© «Law and state» journal, 2025.

9 772307 521007 >

